

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

4 '90

ДОЛМАТОВСКИЙ УСПЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ, ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Основатель монастыря инок Далмат

Монастырская стена

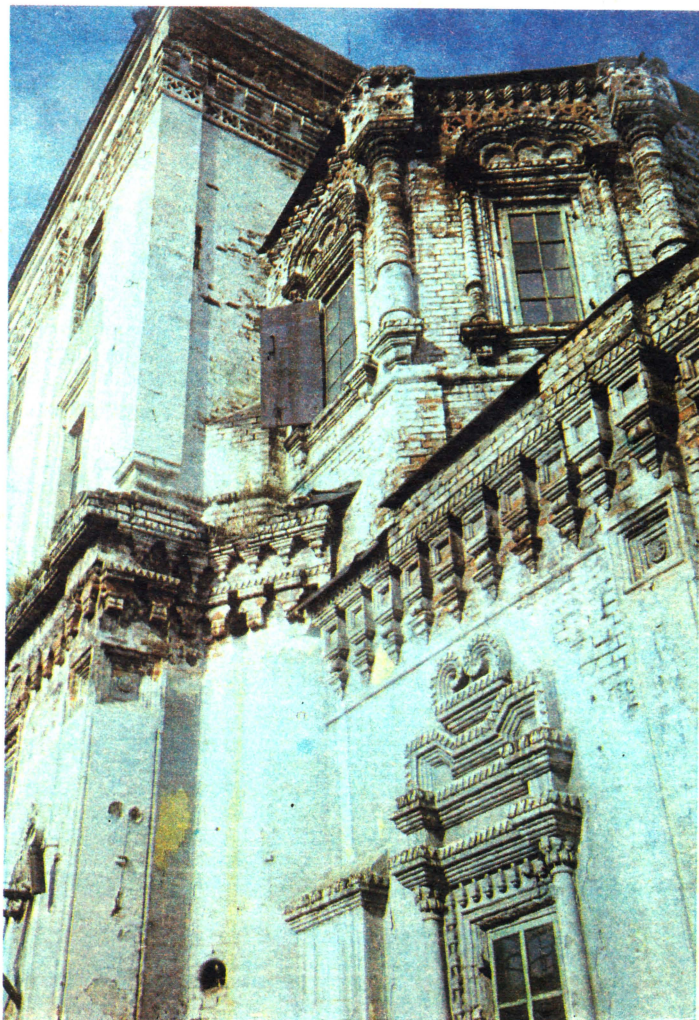
Усыпальница Далмата

ДАЛМАТОВО-ГОРОД ИЗ ПРОШЛОГО

Очерк Юния Горбунова
читайте на странице 2.

Фото Олега Капорейко

Сохранившаяся часть Успенского собора

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

4 '90

В НОМЕРЕ:

Ю. Горбунов ДАЛМАТОВО — ГОРОД ИЗ ПРОШЛОГО	2
Е. Перехвальская ХОЛОДИЛЬНИК ДЛЯ МАМЫ. Повесть	7
В. Паначев МАЙОР ТЕПЛОВ — ГЕРОЙ БОРОДИНА	14
Ю. Галай СПРАВКА О КОНКУРЕНЦИИ	15
В. Сибирева-Несмелова ХРАМ НА ВАВОЖСКОЙ ГОРЕ	16
О. Бухаркина НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ П. В. ЗАСОДИМСКОГО	17
В. Шавырин КУЛИКОВО ПОЛЕ	18
Е. Пинаев МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	24
С. Казанцев АНОМАЛИЯ	25

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

А. Иванов ОХОТА НА «БОЛЬШУЮ МЕДВЕДИЦУ». Повесть	31
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	51

В. Готов ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ, ИЛИ ГИПОТЕТИЧЕСКИЕ РАССУЖ- ДЕНИЯ О ТОМ, ЧТО МЫ, ЛЮДИ, «СЧИТЫВАЕМ» ИН- ФОРМАЦИЮ, ИДУЩУЮ ИЗ ВАКУУМА	58
В. Гопман «ЕГО КНИГИ РАСХОДИЛИСЬ ТИРАЖАМИ БОЛЬШИМИ, ЧЕМ БИБЛИЯ...»	62
Э. Берроуз ТАРЗАН — ПРИЕМОШ ОБЕЗЬЯНЫ. Начало	63
Н. Година ТАК ВИДНЕЕ БУДУЩЕЕ... Верлибры	73
Л. Богоявленский ОБЫКНОВЕННЫЙ ВОЛК	74
Г. Дробиз СПАСЕНИЕ ЖУКА. Рассказ	76
МИР НА ЛАДОНИ	80

**ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА**

**ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ**

**ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 года**

**СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного
редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕЗ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-82 (прозы и поэзии,
фантастики),
22-45-01 (краеведения,
секретариат),
22-10-74 (науки и техники,
писем),
22-04-81 (публицистики,
молодежных проблем).

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

Сдано в набор 09.01.90.
Подписано к печати 20.02.90.
НС 15043.
Формат бумаги 84×108^{1/16}.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,5.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 500 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 529.
Цена 40 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки: таким был Далматовский монастырь, 1902 г., такой он сейчас.

ДАЛМАТОВО — Юный Торбунов

ГОРОД ИЗ ПРОШЛОГО

Не видеть, убежать, забыть — было первое желание, когда выходили мы за ворота Далматовского монастыря. И только проклятое русское самоедство заставило таки оглянуться.

Чистым закатным пожаром были объаты руины церквей и сторожевых башен. Остов Успенского собора, лишенный колоколни и куполов, матовел остатками незрячих глазниц. Вдавилось в землю основание некогда ажурной летней церкви Всех Скорбящих, почти не возвышающейся теперь над зубцами стен. Оголенной проволокой шпиля вонзался в небо многогранник юго-западной башни... Казалось, что вот только-только враг покинул трудно давшися ему крепостные стены, и теперь тихое пламя дожирает то, что еще может гореть. Нет лишь тревожащих округу хвостов черного дыма — чистый, прозрачный огонь заката довершает дело рук человеческих.

Как такое забыть? Теперь уже занозой войдут руины в сердце.

Господи, одни пока занозы там с начала перестройки — экологические, исторические... В Свердловске сегодня

умирает от инфаркта больше, чем десять лет назад. И виной тому не солнечные факелы и протуберанцы, а наша с вами собственная сердечная активность.

Много это или мало для перестройки?

В середине семнадцатого века сюда, в урочище Белое Городище — владения татарского мурзы Илигея Магметова, пришел из Невьянского монастыря «по любви к безмолвию и пустынноческому подвигам» монах Далмат (в мирянах Дмитрий Иванович Мокринский, родом из тобольских казаков).

В вольную и глубокую Исеть впадала здесь тихая речка Теча. А над водами возвышался величавый берег, богом созданный, чтобы царить над округой. Здесь монах и ископал себе пещеру.

Молва о пустынноике разошлась по Уралу и далее. На зов благочестия стали стекаться иноки и миряне. На месте пещеры возникло сначала поселье, потом часовенка в нем, а затем и церковь — в честь чудотворной

иконы Успения Божьей матери.— обнесенная деревянной оградой. Так заложен был монастырь.

У западных его стен вскоре зачалось мирское поселение, так называемая Служняя Слобода со своей церковью— Никольской, положив начало нынешнему городу Далматово.

Монах был, знать, не лыком шит. Войдя в доверие к тюменскому татарину Илигею (говорили, у Далмата по материнской линии текла татарская кровь), он выпросил у него Белое Городище для монастырских нужд. В знак особого благоволения мурза вдобавок одарил инока шишаком и кольчугой со своего плеча, и стал монастырь феодалом, а крестьяне, поселившиеся в Белом Городище, монастырскими.

Сто лет и два года прожил инок Далмат на грешной земле и почил в 1697 году, успокоясь в сосновой монастырской усыпальнице. А детищу, заложенному им, предстояла долгая и славная жизнь.

Деревянные строения монастыря в начале следующего века слизнули пожары и набеги кочевников. И в 1707-м начал подниматься на берегу Исети монастырь каменный. Первой заложили все ту же церковь Успенскую, ибо по преданию икона божьей матери оказалась чудотворной, уцелев после всяческих нашествий и огня. В дальнейшем вырос здесь собор о трех церквях: Успенской, Христовоздвиженской и Иоанна Богослова. Монастырь окружила шестиугольная зубчатая крепостная стена с бойницами для пушек и угловыми башнями. Южная и западная стены заключали в себе также и жилые помещения для монахов.

Позже к западу от Успенского собора над усыпальницей Далмата возведена церковь Всех Скорбящих. Ее в разное время называли «новой монастырской», «розовой» или «летней». Алтари и паперти Успенского собора обогревались печным отоплением, а церковь Всех Скорбящих не отапливалась, и службы здесь велись только летом.

И Никольская церковь с разросшимся поселением возле монастыря тоже возродилась в камне. В 1781 году село стало городом Далматово— центром уезда. Но через 14 лет уезд упразднили, а Далматово стал заштатным зауральским городком при монастыре.

И вот шагаем по руинам... Из Успенского собора только что вывезено заводское оборудование— стены уродливо продырявлены, покрыты маслами, копотью, многими слоями краски и извести, помещения обезображены. В летней розовой церкви еще обретается заводской склад: алтарь, хоры— все забито рукавицами, валенками и прочим. В перестроенных монастырских кельях ныне обитают стройбатовцы, а в здании бывшего духовного училища— мастерские кооператива «Спринт» по производству ширпотреба. Сторожевым башням применения не нашлось, и служат они просто голубятнями. В часовне-усыпальнице благочестивого монаха, с чьей неблагоустроенной пещеры начались монастырь и город, разместилась прачечная— тоже без особых, надо сказать, удобств.

Новые хозяева кощунствовали изощренно, с выдумкой и фантазией, стараясь совместить несовместимое, нагадить в алтаре и показать язык иконе.

Но стоит поднять голову, как увидишь ликующую кирпичную роспись стен, оконных и дверных обрамлений, ниш и выступов. Обожженный кирпич ощущается податливой глиной в руках далматовских мастеров— такие чудеса из него сотворили.

А вот кто-то ветошью и бензином смыл наслоения краски и извести, и в складском сумраке, как вещь чудо, проглянул чистый лик: «Св. Петр митр. Моск...»

На счастье, история сохранила нам имена первостроителей, жителей соликамских Емельяна Гулькова, Антона Зубова, Минея Полескина, Михаила Цаплина, Сысоя Агафонова, Даниила и Романа Громыхаловых и старшего над каменщиками тюменца Ивана Борисова по прозвищу Сорока. А скоро из монастырских крестьян выпестовались и собственные мастера. «Николаевского села жи-

тели» (так стала называться Служняя Слобода) Никита Федоров сын Чижииков, Петр Андреев, Гаврила Антипин, Артем Чечельник выдeldывали и жгли кирпич из местной глины. Бутовый камень для фундамента крестьяне сплавляли по Тече из селения Першино.

Может, были те иконописцы и каменщики людьми подневольными и неграмотными. Но сколько подлинной свободы и человечности обреталось в заскорузлых их руках! Если сотворенное ими кирпичное кружево дошло до наших с вами дней, если не тронули его дожди, ветры и зной чуть ли не трех истекших столетий, не искромсали в прах, не замазали преобразующие усилия строителей коммунизма, не источил червяк последующей застойной бесхозяйственности, то, может, и сила иконы Успения Божьей матери, которую огонь не брал и кочевники не истребили, вовсе не в чуде каком-то божественном, а в реальной жизнестойкости мастерства и творчества, зду и пагубе неподвластных? Может, то и божественно, что любовью и творчеством сотворено? Как же тогда была груба и перазборчива наша неистовая борьба с религией, когда вместе с пеной и накипью извели мы и отринули младенца— бесценные золотники народной духовности, любви и таланта!

Старый шадринский журнал писал в прошлом веке, что «в сооружениях Далматова монастыря мы имеем единственный художественный памятник для всего обширнейшего восточного склона нашего Урала».

Этим эстетическим критерием мы как-то и привыкли ограничиваться, говоря о памятнике прошлого, связанном с религией. Но давайте попытаемся взглянуть на монастырь и с других колоколен.

Соорудив на берегу Исети первую часовню, монах озаботился тем, чтобы обнести ее деревянной крепостной стеной. В степном Зауралье Далматов монастырь в середине XVII века стал первым и единственным форпостом на пути кочевников к русским владениям. Как свидетельствует летописец, на построение более прочной крепостной стены по указу государеву монастырю отпущено 200 рублей, 20 пудов соли и сто четвертей овса. Русь немедленно оперлась на исетский форпост, и он неоднократно принимал на себя удары орд киргиз-кайсацких и калмыцких. Не раз бывали разорены и сожжены долги церкви и кельи монахов. Но уже к началу следующего века монастырь перестал быть пограничным. То тут, то там возникали остроги и поселения Арамльское, Камышловское, Колчеданское, Шадринское, Катайское... А еще позднее— крепости Миасская и Челябинская, Чебаркульская и Еткуль. Селились на землях зауральских новые люди, расширяя пределы русского государства. Это одна ипостась монастыря. Теперь упомянем другую.

Мурза Илигей, хитро улещенный Далматом, отдал ему Белое Городище. А это 60 верст в длину и 30 в ширину— огромная территория с лесами, пашнями, сенокосами и прочими угодьями. У этих природных богатств появился рачительный хозяин. Монастырь начал экономическое освоение края. На зов чудотворной иконы и нетронутых плугом земель стекались крестьяне, образуя по Исети, Тече, Суварышу все новые и новые поселения, деревни и села. Монастырь стал богатым феодалом. Владел землями, водами, лесом, крестьянами, которые трудились в его пользу.

1400 десятины монастырской пашни дали в 1763 году 7132 десятины зернового хлеба, более половины которого составляла рожь. На пяти сенокосных урочищах поставлено 20 тысяч копен сена. Хмелевые угодья на берегах Исети и Течи давали в год по 200 пудов. Рыбой монастырь со своими крестьянами пользовался в достаточном количестве, а иногда отправлял для продажи в Ирбит и даже в Кунгур.

Впрочем, были в Далматово и свои ярмарки, куда по декаблям съезжались купцы из сибирских городов. Торговали, кроме прочего, лошадьми, кожей и шерс-

тяной обувью и одеждой, даже горностаевыми и хорьковыми шкурками.

Так что, делая необходимую поправку на феодальную эксплуатацию крестьян, вопиющее материальное первенство тогдашней жизни, надо все же признать, что в валовом отношении монастырская вотчина процветала. У историка было основание сказать, что, несмотря на пожары и прочие пагубы, она никогда не терпела крайней нужды, а, напротив, славилась в числе богатых монастырей. Еще можно судить по размеру повинностей в пользу отечества. Кому только не уделяли монастырские крестьяне от щедрот своих — на ведение Турецкой войны, покупку конских кормов и жалованье ямщикам, починку кораблей Адмиралтейских и судов тобольских... Жертвовал монастырь на постройку в Шадринске приказной палаты, содержал в течение года армейский пехотный полк, обозами отправлял снесь в тобольский архиепископский дом... А нередки были и просто взятки, правда, уступающие нынешним по щедрости. Например, митрополиту Пермскому архимандрит далматовский послал в 1751 году большой ситный хлеб, две четверти муки пшеничной, осьмину гороху, два пуда коровьего масла, соудец конопляного, осетра, сорок линей и щук...

Освоение края было вовсе не похоже, скажем, на казахстанскую целину или нефтяную Тюменищину, где ради большого хлеба или большой нефти махнули рукой на экологию, нужды местного населения, традиционные отрасли хозяйства. Монастырь осваивал земли комплексно, как хозяин, а не временщик.

Были у монастыря семь крупных поселений, и каждое — со своим хозяйственным профилем. Например, Пашенное и Хмелевое. Одно давало монастырю добрую толику хлеба, а другое славилось по Исети хмелевым промыслом. Крестьяне Нижне-Суварышского обрабатывали свои повинности рыбой. Усть-уйчане снабжали вотчину сеном. Поселые Теченское располагало колесчатой мельницей...

Но особо надо упомянуть Железенское поселение. Монах-летописец конца XVII века увидел здесь «кузницу с мехами, домницу — плавить железо, в ней две печи с кричными клещами, с тремя поваренцами, ступу и песть, чтобы железную руду толчи...» Не хлебом, как говорится, единым жил монастырь. Так вот, поселые это после 18 лет монастырского владения в 1701 году взято в казенное ведомство, и основан здесь чугуноплавильный Каменский завод, на котором уже через два года лились пушки для нужд отечества.

Словом, что ни поселение монастырское, то особая отрасль хозяйства. По миру, как ныне, с протянутой рукой не ходили. Любопытную шуточную песню записал в Зауралье фольклорист А. Н. Зырянов:

Кому рано стать — по груздевенцам,
Толстоборы зипуны — баклановски мужики,
Сини бабы рукавицы — скородумские девицы,
Кому шерске бить — медвеженцам,
Шляпы катать — могиленцам,
Крикни делать — чувашенцам,
Морды плести — кайгородовцам,
Кому мыло варить — то хлызовцам,
А капусту и редьку возить — погорельцам...

Не буду приводить всю песню, а значит и все народные промыслы, коими изобиловало Зауралье. Никакую природную данность монастырь не оставил втуне и передал нам в наследство многоотраслевую хозрасчетную вотчину, способную не только себя кормить, но и на сторону продавать и просто так дарить. Где вы нынче, зауральские пимокаты, мыловары, шляпники? Какое небудь иное село вас под корень?

Столь богатое и разнообразное хозяйство не только привлекало со стороны, но и вразачивало людей мастеровитых, в совершенстве знавших свое ремесло, Им было где приложить ум, талант, руки свои.

Время сохранило нам очень интересный документ — так называемую «рядную запись» некоего крестьянина

Антона Важенина, составленную в 1695 году. Это, по сути, договор крестьянина с монастырем. Приведу только часть документа. «Жити мне, Антону, у них, старцев, на их вотчинной земле с женой и детьми своими вечно без выезду; а дали они, старцы — игумен Исаак с братиею, на два года льготы, а после тех двух льготных годов делать мне, Антону, всякое монастырское здилье, ставить березовых веснодильных дров по две сажени на год, да со всякой коровы давать по безмену масла летнего, да Светлому Христову Воскресенью по 20 яиц с венца, да со всякого хлеба, после тех двух льготных годов, выделять пятым снопом; а тот выделный хлеб измолотить мне, Антону, привести в ограду — в житницу, а охоботе и мякшины во дворец... Никакого бунтовства и крамолы на них, старцев, и меж своего братиею не поднимать, и никаким воровством не воровать, и подвозных вин в дом к себе не принимать, и самому вина не курить, и зерню в карты не играть, и с воровскими людьми не знаться... В том им, старцам, на себя вечную запись дал и на детей своих».

«Феодальная кабала, — ставит приговор современный историк. — Не только себя самого запродавал мужик монастырю, но и потомство».

Это правда. Но вся ли она здесь? Не эти ли Антоны Важенины и воздвигали нерукотворную каменную красоту на берегу Исети, поднимали в небо малахитовые купола, неведомыми красками расписывали соборные стены и лили колокола стозвонные? Даже развалины их храмов не руины напоминают, а, скорее, «кнутом иссеченную музу». И в униженности своей они прекрасны. А вот рядом с церковью Всех Скорбящих поставлены современные блочные здания. Вот там соборные стены уже в наши дни надстроены для производственных нужд. Небо и земля! Смотреть не на что. Кирич крошится от прикосновения рук, не то что молотка. А ведь стены эти возведены «свободным трудом свободного человека». Так что же есть тогда свобода? Распахнутые на все четыре стороны ворота? Или она живет внутри каждого из нас, живет творчеством, бескорыстием, самостоятельным деянием — живет тем, что запретить, унижить, оскорбить невозможно. А если этого нет, то как ни растворить ворота...

Не зря же давний историк Григорий Плотников, протоиерей Никольской церкви, писал, что «не смотря на все труды вотчинных монастырских крестьян, они не тяготились ими, а с охотою переходили на жительство с берегов северного поморья и отдавали себя под кабалу с письменными обязательствами». Не такое, выходит, это было однозначное явление — монастырская кабала.

Далматовской обители надо отдать должное и как первому культурному центру Зауралья. Монастырь нес культуру и просвещение, больше их тогда нести было некому. Еще в 1719 году здесь затеялась цифирная школа, учившая наукам духовным и светским, — первая школа Зауралья.

Столетие спустя обосновалось двухгодичное училище для детей церковнослужителей. Духовенству едва ли не всей Пермской губернии предписано было, «дабы детей своих везли в Далматовский монастырь, где их в чтении, пении и рукописи экзаменовать протоиерею Алексею».

Здесь получил основательное образование уже упомянутый нами Александр Никифорович Зырянов, уральский краевед, фольклорист и археолог. Все знают «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева, но мало кому известно, что некоторая их часть записана Зыряновым. Он автор целого ряда исторических, археологических и экономических трудов по Зауралью. Его стараниями в селе Ивановцевском еще в 1859 году открыта бесплатная народная библиотека-читальня, тоже первая в Зауралье. Свое же личное книжное собрание краевед передал Шадринскому уездному земству. Ныне имя А. Н. Зырянова носит краеведческий музей в Далматово.

Стоит хотя бы назвать и других воспитанников духовного училища: полярного путешественника, этнографа и писателя К. Д. Носилова, активного социал-демократа,

соратника В. И. Ленина и доброго друга Максима Горького И. П. Ладъжника, изобретателя радио А. С. Попова.

А сколько безвестных ревнителей культуры и просвещения дало Зауралью и всему нашему краю Далматовское училище, ведь вплоть до XIX века наше народное образование было неразрывно связано с церковной традицией, и пастырями юношества становились в большинстве своем люди духовного звания. В середине прошлого века открылись в Далматово мужское начальное училище и первая в Зауралье школа для женщин Павлы Асафьевны Черемухиной.

С Далматовской вотчиной связаны имена поэта, критика и переводчика А. Ф. Мерзлякова, бывшего учителя М. Ю. Лермонтова и многих декабристов; прогрессивного писателя и врача Карийской каторги В. Я. Кокосова; в зауральском селе Першино родился и много сил отдал изучению здешней старины известный деятель культуры В. П. Бирюков.

Успенский монастырь был центром Далматовского казачьего и объединял под своей опекой более сорока окрестных храмов. Некоторые из них и по сей час стоят в селах и деревнях района, удерживая самые выгодные ландшафтные позиции, стоят наполовину разрушенные, без куполов, крестов и колоколен, редко где став музеем, а чаще — складом или пустующим памятником бесхозяйственности и культурного небрежения.

Однако задумаемся в эту цифру: 40 церквей во главе с монастырем на сравнительно небольшом пространстве! Казалось бы, всё здесь и доселе должно быть проникнуто религиозной и неизбежно связанными с ней обрядовостью, предрассудками и монашеской смиренностью духа. Аи нет! Ничего подобного не замечалось в Зауралье испокон веков. Сама святая святых — многоглавая монастырская вотчина — неизменно оказывалась местом смуты. Вспомним на всю Россию прогремевшую «дубинщину» — восстание монастырских крестьян в 1762-64 годах против каменных екатерининских «монастырских штатов». Борьбу возглавила тогда «мирская изба» — этакый крестьянский совет во главе с Лаврентием Широковым из одноименной деревни неподалеку от Далматово. Впрочем, в каждой деревне нашлись свои вожаки. В продолжение двух лет вооруженные дубинами и вилы крестьяне держали монастырь в осаде и страхе. Вышколенные царские драгуны не раз отступали перед силой крестьянской воли.

Еще через десяток лет далматовские крестьяне встали под бунтарские знамена Пугачева. Известно, что он брал те города на своем пути, которые меньше сопротивлялись, а больше благоволили бунту. Сподвижников вокруг Далматова Пугачев нашел довольно, но монастырь взять не успел. Сработанные крестьянскими руками крепостные стены (по толщине они были таковы, что по торцу могла протарахтеть телега) устояли против крестьянских же пушек. Жестокою расправу учинил генерал Деколонг, отправляя смутьянов под исетский лед «за рыбой».

Помнят стены монастырские и волнение 1842 года. Тогда крестьяне, недовольные очередной реформой управления ими, излили свой гнев на местное волостное начальство.

Традиции далматовских бунтарей переняли красные бойцы, добровольно вступившие в апреле 1918-го в 4-й Уральский полк. Именно здесь, в Далматово, полк дал решающий бой белогвардейцам и белочехам, и с этого момента началось освобождение Зауралья от Колчака. Далматовские улицы берегут память о красных бойцах Александре Щеткине, Павле Харитонове, Александре Устинове...

Словом, история бывшей монастырской вотчины изобилует фактами непокорности, противодействия власти, а ведь бунтарский дух отнюдь не сродни постулатам христианства, а уж тем более строгим монастырским заповедям.

Уже во времена перестройки на развалинах монастыря побывал архиепископ челябинский, свердловский и курганский Мелхиседек. Местные власти спросили его, не возьмет ли церковь на себя восстановление монастырских храмов или хотя бы одного из них? Владыка резонно возразил светским коллегам, что, во-первых, уж больно велики разрушения, а во-вторых, кто же хоть частично покроет расходы, если во всей далматовской округе не зарегистрировано ни одной церковной общины?!

Вот тебе и па! Бывшая монастырская вотчина с целым букетом храмов, одна из самых богатых не только в родной епархии, до недавнего времени не имела даже нескольких десятков прихожан и ни одной действующей церкви!

В чем тут дело? Не следует ли историкам религии как-то объяснить этот понос? Впрочем, может быть, они и объяснили. Но нешто нам ветома такая наука, и нешто мы что-либо читали из истории религии?

Попытаемся, однако, дилетантски поискать тому причину. Вот картинка. По деревянной улице Далматово, ведущей к монастырю, едет богатый обоз. По особой стати возниц, богатству клади, бубенцам запряженных дугом троек все от мала до велика узнают приказчиков Акинфия Никитича Демидова, действительного статского советника и кавалера. «Пришло, знать-то, время хозяину заводов уральских грехи замаливать, — рассуждает обыватель, провожая глазами обоз. — Грехи те же, цена прехняя. Каждый, выходит что, грешит по карману. Видно, и там, на небесах, те же, земные, порядки». А обозы идут и идут через весь город. Какой кушчишка не хочет перед богом очиститься?

Или еще сюжетец. Поступил далматовским бабам от настоятеля срочный заказ: самому пермскому митрополиту Антонию панечь постных пирожков. «Тебе, Дарья, с горохом, а тебе, Лукерья, с черемухой. Да смотри, не жалей черемухи-то. Тогда и тебе воздастся от господ». Печет Лукерья постные пирожки, а сама смекает: вот она какая, божья-то благодать: сколько прогов спеку, столько мне, грешной, и отпустится.

В заштатном городке все на виду. Это вам не нынешняя мафия, когда самое тщательное расследование не в силах докопаться, кто, когда, кому и сколько дал. Здесь всевышнему трудно усидеть на небесах величия и неподкупности. То и дело приходится спускаться на грешную землю и самому грешить направоу. Не отсюда ли в далматовских крестьянах бунтарский, здравый, атеистический дух, привычка полагаться не на божью, а на свои творческие силы?

Так вот, если собрать воедино все шпостаси монастыря, то приходишь к убеждению, что нашей новой власти, если она действительно крестьянская, народная, были все резоны как зеницу ока беречь и охранять монастырь не только в видах памятника народного зодчества, а учитывая весь комплекс его деяний. Вышло же совсем наоборот. То, что складывалось веками, было сведено на нет в течение нескольких десятилетий. Вот краткая хроника уничтожения монастыря.

Он прекратил свою деятельность в 1923 году. В навратной церкви создан был музей, а сама территория использовалась как культурный центр: шли фильмы молодого советского кино, выступала самодеятельность, приезжие и местные театральные труппы; монастырский дендрарий превратился в парк общего пользования — белкам еще раздолье было.

А потом настали суровые времена. Передо мной текст распоряжения № 11838 от 8 августа 1945 года. «Москва. Кремль. Принять предложение Наркоммясомолпрома СССР и Курганского облисполкома о передаче Наркоммясомолпрому СССР зданий и сооружений бывшего Далматовского монастыря Курганской области для организации на его базе Далматовского машиностроительного завода по изготовлению молочной посуды и оборудования.

Обязать Наркоммясомолпром СССР ввести в эксплуатацию Далматовский машиностроительный завод с 1 ян-

варя 1946 года. Зам. председателя Совета народных комиссаров СССР А. Микоян».

Как видим, сроки и формулировки военного времени: «обязать», «пустить к 1 января». Тут не до телачьих нежностей с рассадником религиозного дурмана. В Курганском облисполкоме, видимо, посчитали, что нашли мудрое и простое, как мычание коровы, решение: был монастырь — стал завод «Молмашстрой».

Началась безутешная старость монастыря при глумливых, непомнящих родства детях. В помещениях церквей, на века и с любовью возводимых руками крестьян-умельцев, пока суд да дело, мастырили всякий железный скарб: ведра, тазы, корыта, ушаты, печи-буржуйки — вещи в доме необходимые, но не в переднем же углу!

Сегодня многие из старых рабочих, с кем нам довелось беседовать, понимают это: предложение Курганского облисполкома и решение Совнаркома СССР были неразумными, кощунственными в отношении и к прошлому, и к будущему.

Но не станем махать кулаками после драки и искать конкретных инициаторов. Скажем только, что и тогда находились люди, понимавшие пагубность происходящего, яростно восстававшие против сомкнутых рядов, зарабатывавшие инфаркты и раньше времени сходявшие в могилу.

Таким преданным сыном был у Далматова Дмитрий Андреевич Терюхов, потомок здешних бунтарей и строителей. 16-летним парнишкой участвовал он в историческом бою на станции Далматово. И можно сказать, что бой этот — со злом, козностью, невежеством и кривдой — продолжился для него до последних дней жизни. Генерал-майор технических войск, столичный обитатель, он тем не менее жил судьбой монастыря и дорогих отеческих могил. Без устали ходил по кабинетам, писал в разные инстанции, добивался для памятника охранной зоны, бережного отношения, реставрации. Местное начальство косо смотрело на генерала, он, по его мнению, бросал тень на всю Советскую Армию. В его парторганизацию поступило сердитое заявление из Курганского обкома КПСС с советом урезонить жалобщика. Подробное письмо, написанное Дмитрием Андреевичем в ответ на обвинения, — это документ гражданского мужества и верности убеждениям. Результатом письма стал глубокий гипертонический криз, надолго приковавший Терюхова к постели...

Читатель опрометчиво может подумать, что ныне напустили для монастыря иные времена и можно без инфарктов спасти хотя бы то, что от него осталось. Нет, дорогой читатель, без инфарктов, увы, не обойтись. Инфаркт овеществляет эмос — философское понятие исторической глубинной нравственности, а проще сказать, он для русского человека то единственное, чего у него никто отнять не в силах.

До 1988 года завод «Старт» (так позднее стал называться «Молмаш») занимал помещения монастыря. Для последнего это обернулось почти полным уничтожением, но и самому заводу было несладко в стенах храмов. Малые площади, непригодные помещения не давали возможности расширять производство, модернизировать его. Полной грудью завод вздохнул только тогда, когда у него появилась собственная база, и он с радостью покинул монастырскую обитель. Остался здесь временно заводской склад и котельная, получил приют кооператив «Спринт», да расположились строители из Свердловского СМУ-5.

Все организации временные, чуть ли не сию минуту готовые отдать монастырь в чьи угодно заботливые руки. Но таковых почему-то не находится. А пока суд да дело, в процесс сживания монастыря со свету потихоньку вносит свою «сыновнюю» лепту упомянутое СМУ-5. Предполагалось, что у строителей здесь будет только жилье. А ныне всю грохочет современная техника, сотрясая старинную кладку, возле северной стены построена высокая бетонная площадка, хотя в строительном проекте нет подписи работников райисполкома.

На скромное замечание местной советской власти начальник СМУ-5 В. Н. Брызгалов заявил: «А я вообще могу уйти из города, и тогда не видать вам ни заводских объектов, ни жилья». Вот так, неизменно блюдя якобы народные интересы, уничтожались и продолжают уничтожаться народная культура и духовность. Издавательно звучит сегодня фраза: «Охраняется государством». От кого охраняется? От энтузиастов реставрации? Если охраняется, тогда зачем этим энтузиастам понадобилось создавать в городе общество «Спасение»? Спасать памятник уже от государства?

В райкоме партии нас встретили как единомышленников. Даже посетовали: монастырь, мол, нужна конкретная помощь — проектантов, архитекторов, реставраторов. «Вот вы нам кого привезите! А что надо спасать, мы и без вас знаем».

Да, в райкоме и райисполкоме, несомненно, есть люди с вышеупомянутыми занозами в сердце. Во многом это их стараниями завод «Старт» наконец-то вывели из стен монастыря. Полностью освобождена придельная церковь с спальней Далмача, ставшая действующей, т. к. недавно в городе оформилась-таки община верующих.

Первый секретарь райкома Владимир Карлович Иоган сказал, что для полной реставрации монастыря потребуются... пятьдесят миллионов рублей. И развел руками. Действительно, где взять такие деньжищи бедному сельскохозяйственному району, в бюджете которого дыра на дыре?

Но, к сожалению, речь, как нам кажется, все еще идет о расходах на некую дорожку игрушку. То и дело слышится: нам бы людей накормить, жилищную программу осилить. Тут не до жиру. И даже в нынешнее перестроечное время мы всерьез, как реальную силу общественных перемен и человеческих отношений, духовные ценности не воспринимаем. А всё по старинке к ним: чем бы дитя не тешилось... А коли так, дойдут ли у нас когда-нибудь до церквей руки?

Между тем, духовные ценности, как видели мы на примере монастыря, от материальных и прочих неотторжимы. Лишив экономику и политику духовных, нравственных корней, только и можно было прийти к тому обрыву, на краю которого мы оказались сегодня.

Так что же и как мы собираемся реставрировать в Далматово? Успенский монастырь — памятник православного зодчества? Тут действительно понадобится лишь проект, надежная, умелая бригада и деньги.

Но монастырь не только памятник архитектуры, национальной культуры и просвещения, наглядная история религии и... атеизма. Это еще и отечественный, а не заморский пример рационального хозяйствования на земле. Восстанавливать к жизни надо не историческую игрушку, а экономический, культурный и социально-нравственный комплекс. Возродить на новой основе принципы некогда бытовавшего здесь многоотраслевого хозяйства. Реанимируя разнообразные формы собственности — личной, подрядной, арендной и т. д., — возвращать к жизни здешние народные промыслы — как существенное подспорье в хозяйстве, развязывающее руки народной инициативе, творчеству, мобилизующее все ресурсы края. Такое комплексное возрождение памятника способно поднять на творческую работу не только бригаду реставраторов, но и все многотысячные слои населения — крестьян, рабочих, интеллигенцию края. Речь, конечно, не о копировании всего прежнего — это было бы просто и наивно, — речь об исторической памяти, которая существует не для того только, чтобы развешивать мемориальные доски, — а чтобы прокладывать мостики преемственности, сохранять душу народа.

РЕДАКЦИЯ ПРЕДЛАГАЕТ ЧИТАТЕЛЯМ ВЫСКАЗАТЬ СВОЕ МНЕНИЕ О СУДЬБЕ МОНАСТЫРЯ И СПОСОБАХ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ.

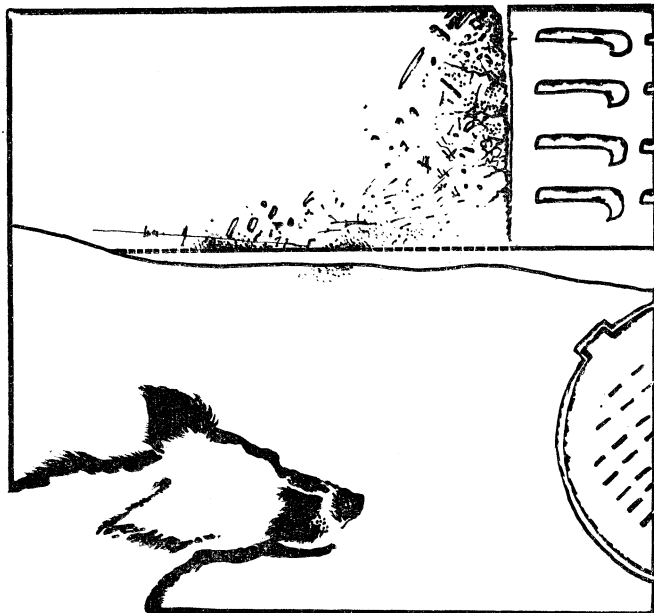
ХОЛОДИЛЬНИК ДЛЯ МАМЫ

Елена ПЕРЕХВАЛЬСКАЯ

Рис. Владимира Ганзина

Повесть

1. ЧЕТЫРЕ КОРОБКИ ИЗ БУЛОЧНОЙ НА ОТШИБЕ

Я, как ни странно, продолжала хорошо учиться. Хотя чего странного? Если человек надел малиновый шарф и затылок побрил, значит должен съехать на двойки? Дурацкая логика. Считается, это так трудно — везде пишут: несчастный, мол, десятиклассник, он шесть часов в среднем сидит за уроками. Не знаю ни одного, кто так сидит. По-моему, если на перемене не лень внимательно (только внимательно) прочитать учебник, четверка по крайней мере обеспечена.

В тот день мы встретились с Андреем на углу и пошли. Он сначала молчал, и я на всякий случай тоже молчала. Потом он сказал:

— Будем в булочные заходить. Надо.

Мы пошли по улице, Андрей насвистывал что-то из «Наутилус Помпилиус», есть такие люди из Свердловска. Мне они тоже нравятся. И от этого свиста я вспомнила, как летом месяца три назад мы шли по шоссе и сначала тоже молчали, только тогда была ночь и моросил дождик.

Мы сами были виноваты — выехали уже часов в двенадцать, да еще в воскресенье: машин-то на шоссе — одни частники, а они очень плохо берут. Сначала нас взял рефрижератор, потом повезло — подобрал КамАЗ. В общем, к ночи добрались до Клины, а это еще километров сто пилить. И дождь. Сидеть совсем ужас, уж лучше идти, и мы шли. Мне стало что-то совсем не в кайф, и Андрей сказал:

— Что, герла, споем?

И запел:

— «Алче, алче, что ж ты, мальчик,
Где так долго пропадал?»

Мы пели нескладно и ржали, как сумасшедшие.

А потом нас подобрал один шальной грузовик — такой, который двоих не берет, не знаю, как он называется, Андрей знает. Но нас он взял. Мужик этот, водитель, оказался так себе, все косился на Андрея, что серьга в ухе. Ничего, довез до окружающей дороги. Там мы забились в какую-то будку, дождались, пока метро стало ходить, потом сели на кольцевую и ездили часа три, пока не выспались.

Я вспомнила про это сейчас, когда Андрей свистел это самое «Мальчик-мальчик» из «Наутилуса». Иногда он переставал свистеть, чтобы сказать мне что-нибудь вроде:

— Смотри, псина по кайфу.

И я оглядывалась на смешную собаку и говорила:

— Ага.

Но мы не просто так болтались. Потому что проходя мимо каждой булочной, кондитерской или бакален, мы туда заходили, и Андрей разглядывал прилавки. После очередной булочной я его спросила:

— Чего ищем-то, хоть бы сказал.

Он ответил:

— Спокойствие, герла, все будет нормально.

Я вообще-то не должна спрашивать, такие у нас правила игры. Наконец, в одной булочной на отшибе, куда, кажется, никто и не ходит, он выпрямился и сунул руки в карманы. Я поняла — есть.

— Это чего у вас там на полке, в пачках таких красных? — спросил Андрей продавщицу, которая установилась на нас так, будто пришли не люди, а звери неизвестные.

— Какао это, «Золотой ярлык», — ответила она.

— Ништяк, — сказал Андрей. — А они у вас в чем, в коробках? Тара у этих пачек какая?

— В коробках оно, по пятьдесят пачек, — неохотно ответила продавщица.

— Хватит нам двух, герла, или четыре возьмем? — спросил Андрей меня.

Я не понимала, зачем нам столько, и пожалала плечами.

Продавщица смотрела на нас очень подозрительно. Андрей это заметил и вдруг заговорил совершенно другим голосом, даже улыбнулся:

— Родственники в провинции просят торты печь. Колбасы-то нет, вот они и сидят на тортах. Какао много надо. Можно нам четыре коробки? — Он подошел и положил что-то рядом с грязным блюдечком для денег.

Продавщица оторвалась от сидения и крикнула куда-то влгубь:

— Саша, четыре «Золотого ярлыка» вынеси!

Сначала ничего не было слышно, потом появился этот Саша — в брюках клеш, с длинноватыми волосами, про такие-то и говорят «патлы». Смотреть

на него было жалко — такие брюки уже лет пятнадцать не носят, сшил, наверно, когда модные были, да так и носит. Ужас.

— Последние, — проворчал он, притаскивая четвертую коробку.

— Небось, в кооперативное кафе, — сказала продавщица, когда он ушел. — Смотрите у меня...

— Да родственникам в Нижний Тагил, честное слово, — Андрей снова улыбнулся.

Что меня больше всего шокировало, так это улыбка. Он ведь никогда не улыбается, у него имидж такого серьезного мужика. И еще Нижний Тагил какой-то...

Бросив мне: — Давай здесь с коробками, — Андрей вышел.

Я осталась с коробками. Было очень неудобно один на один с этой продавщицей, которая прямо сверлила меня глазами.

— Я бы своей так ходить не разрешила, — сказала она наконец и еще головой покачала.

«Если бы я была твоей, попробовала бы ты мне чего-нибудь не разрешить, — подумала я. — Я бы из дому ушла».

Я старалась не смотреть на эту тетку, будто ее нет. Удивительно, такие, как она, могут еще осуждать кого-то за вид. На себя бы посмотрела. Страх божий. Лучше быть каким угодно, только не такой, как она.

Недавно к деду пришел его бывший коллега. Дед мой — учитель, завучем был, потом директором. Этот тоже, наверно, завуч. Я в комнату зашла спросить чего-то, поздоровалась даже. А он на меня:

— Я тебя еще вот такой знал и хочу сделать тебе замечание. Почему ты так одеваешься? Мы, — говорит, — живем в таком культурном городе, на нас вся страна ориентируется, а ты в таком виде, что девушке должно быть стыдно выйти. И прическа у тебя странная...

И дед тоже — сидит, хмурится.

Я ничего не сказала, не ругаться же. Уж сколько ругались, а все без толку, ничего им не объяснишь. Хорошо, оставили в покое, и то ладно.

Ну, а сам-то этот завуч — ходит в коричневом костюме с галстуком и считает — прилично. Я же ему не делаю замечаний, хотя мне, может, его костюм тоже не нравится. А вот этой тетке из булочной он бы, наверно, понравился.

Наконец появился Андрей — поймал мотор. Не такси, частника: хорошенькая такая «Нива», темно-красная.

— Парень, заставил бы свою девчонку волосы-то расчесать! Стоят дыбом, смотреть страшно! — крикнула продавщица Андрею вслед.

Удивительное дело — он ей понравился! А я нет. Но раздумывать было некогда, мы взяли коробки и уселись в красную «Ниву».

2. КАЛОРНЫЙ ПРОДУКТ

За рулем сидел какой-то бородатый, в вязаном свитере.

— Отоварились? — подмигнул он мне.

Я ничего не сказала, села на заднее сиденье вместе с коробками. Андрей сел впереди.

— Поехали, шеф, — сказал он и назвал адрес. Теперь он снова говорил своим нормальным голосом — жутко серьезным.

Адрес был незнакомый. Я смотрела, как мелькают вокруг дома, люди, улицы.

— Кооперативное кафе? — спросил водитель.

— Еще с общепитом связываться, — небрежно ответил Андрей.

— А зачем так много какао? Все-таки интересно, — допытывался шофер.

Я думала, Андрей рассердится, но он спокойно, даже иронически спросил у водителя:

— Шеф, я же не спрашиваю, почему ты халтуришь в рабочее время?

— А у меня библиотечный, все чин чинном. У всякого научного сотрудника есть библиотечный день, — бросился объяснять бородатый.

— Наука, — усмехнулся Андрей. — Плохо, видать, кормит.

Доехали мы скоро. Андрей расплатился с владельцем «Нивы».

— Герла, тут постой, я сейчас.

Он зашел в подъезд и скоро вернулся с каким-то незнакомым. Они взяли по две коробки, и мы пошли наверх. В прихожей, большой, но запыленной, были еще двое. Все такие модные, но куда старше нас, лет по тридцать, может, даже больше.

— Четыре коробки, — сказал Андрей.

— Годится, — ответил тот, который хозяин. Он был хоть и в варёнке, но лысоватый и толстоватый. — Сейчас отпущу клиентуру.

Двое других, та самая клиентура, как я поняла, стали тихо переговариваться. Странно как-то, вроде и не по-русски, а вроде что-то понимаешь. Потом один, в клетчатых брюках, снял с плеча сумку, раздразил одну из наших коробок и стал складывать туда какао. Второй расстегнул молнию на своей сумочке, и она превратилась в громадный мешок. Он подошел к картонному ящику в углу и стал перекладывать в свой мешок пачки изюма.

— Йэдэн, два, тиши, четэры, — считал он вполголоса.

Тяжеленный мешок нагрузил. Потом они махнули руками хозяину.

— Заходите на днях, через несколько дней заходите, — говорил он им очень внятно.

Они поняли, закивали головами и ушли.

— Поляки, — сказал хозяин.

Ну конечно, поляки. То-то кажется, что вроде и не русские, а вроде и не иностранцы.

— Зачем им этот изюм и какао? — я в первый раз открыла рот.

Хозяин посмотрел на меня и ухмыльнулся:

— Зачем? Калорийный продукт им там нужен. Да черт их знает зачем. Мне-то какое дело? Они еще пылесос заказали, «Урал».

— Тоже дефицит? — спросил Андрей.

— Представь себе. Ладно, вот тебе за какао, — сказал лысоватый.

Чтобы не смотреть на их денежные операции, я ушла на кухню и увидела в окно, как поляки тащат свои мешки. Андрей коснулся моего плеча:

— Пошли.

Когда мы уходили, хозяин сказал:

— А ничего девочка. Зашел бы с ней как-нибудь, взяли бы подружку, такую же вот.

Я ждала, что Андрей что-нибудь ответит, но он промолчал. Это было неприятно, потому что будь на месте этого лысоватого кто угодно другой, Андрей уж нашел бы чего ответить.

Мы вышли. Андрей понял, что я обиделась, и примирительно сказал:

— Вот, тридцатник заработали.

— За какао, что ли? — спросила я.

Мне было неловко, что я обиделась. Легко сердиться, когда человек что-то такое сделал, но очень неудобно злиться, если чего-нибудь не сделал. И я на всякий случай спросила:

— Они платят, что ли, больше?

— По восемьдесят копеек за пачку, а стоит пятьдесят одну.

Ага, это тридцать копеек с пачки, ну, двадцать девять. Всего сколько получится, около шестидесяти, что ли?

— А тридцать этому лысому пошли?

— Бабышеву? Нет, меньше — четвертной. Тачка, тетке этой я трюндель дал, чтобы не выступала. Бабышеву четвертной остался.

Так я в первый раз услышала эту фамилию — Бабышев.

— Противный он какой-то — не выдержала я. — Козел — одно слово.

— Знаешь, Валька, — (ничего себе, назвал меня Валька, здорово, видать, рассердился). — Мне в конце концов все равно, козел он или нет. Я ему достаю товар, он мне за товар платит.

— А ему половину оставляешь?

— У него клиентура.

Дальше мы шли молча.

3. РОМАН ИЗ ЖИЗНИ ШКРАБОВ

Мы с Андреем договорились встретиться в пять, сразу после перерыва. Я пришла минуты в три шестого — его не было, но очередь за кофе уже набежала, правда, небольшая. Я встала в хвост, наблюдая за входом, не появится ли Андрей.

Вошел Билли-маленький. Явился в немислимой кепочке, под которой волос вообще не видно, только сзади на спину свисает длинная черная прядь. Он поозирался, но кроме меня знакомых не было.

— Привет.

— М-г.

— Ты чего такая смурная?

— Дед допек.

Это правда. Я из-за этого сейчас была рада кому угодно, хоть Билли, только бы нормального человека увидеть. Потому что дед может довести меня до припадка. Мы с ним все время цепляемся. Родители на работе, у них все дела, а этот дома, и делать ему нечего, и к тому же он бывший педагог. Хуже всего, что ему ничего не докажешь, если уж он уперся на своем. То есть после, со временем, он может и согласиться, но это после, а пока сыр-бор, будет на смерть стоять. Он всегда такой был. Отец рассказывал, как он однажды выгнал его, отца то есть, вместе с друзьями, и то ли магнитофон сломал, то ли пленку порвал (тогда пленки были), и все из-за того, что они Высоцкого слушали. А теперь, куда там, «поэт и гражданин» — это дед про того же Высоцкого. С ним, в общем, не соскучишься.

Я Билли-маленькому про деда не стала объяснять, и так понятно. Какой дед еще может быть?

— Чего ему надо-то? — участливо спросил Билли.

— О смысле жизни, — мрачно пробормотала я.

— Ого! — Билли захохотал, хватался за бока руками — притворялся наполовину. — И чего же он хочет от твоей жизни?

— Ну, чтобы я приносила пользу... да чего пересказывать. Обычная бодяга. А конкретно, хочет, чтобы я в пед поступала. А я не хочу в пед. Я вообще не знаю, куда хочу.

— В пед...— задумчиво повторил Билли.— Прекрасно. Тебя ждет интересная профессия. Знаешь,— оживился он,— школьный работник сокращенно будет ШКРАБ. Нет, ты прислушайся, как звучит. Увлекательная профессия — шкраб!

Наша очередь подошла. Андрея не было.

— Вам? — коротко спросила буфетчица, которую за слегка оттопыренные уши и круглое лицо прозвали Чебурашка.

— Два маленьких двойных, сахар один,— сказала я.

— У меня немного не хватает...— засуетился Билли и сунул мне в ладонь кучу копеек и двушек.

— Ладно,— я отдала медяшки обратно.— У меня есть.

Билли тут же успокоился, взял чашки и понес

на свободный столик. Я встала лицом к двери, чтобы увидеть Андрея. Мы разломали сахарную упаковку и взяли по куску.

И тут мое сердце — под черной курткой и малиновым шарфом — подпрыгнуло: появился Андрей. Оно подпрыгнуло и снова упало — он был с Бабышевым.

— Привет,— сказал Андрей, подходя к нам. Бабышев кивнул головой.— Уже взяли?

— Раньше надо приходиться,— ответила я.

— Давайте, займите очередь, а мы сейчас подойдем,— сказал Бабышев.— Надо поговорить.

— Ладно,— сказала я.

Они повернулись и пошли к выходу: Бабышев впереди, Андрей за ним.

— А твой долговязый-то, смотрю, серьезным человеком становится,— сказал Билли, когда мы снова встали в очередь.

— Не знаю,— сказала я.

— И вид приличный завел. Серьгу-то что, больше не носит?

Я пожала плечами. Серьги я тоже не видела, может, не заметила просто. Мне стало стыдно.

— Богатым будет,— издевательским голосом сказал Билли.

Сам-то он, я думаю, тоже не прочь стать богатым, но ведь это гоношиться надо. А это лень и не престижно.

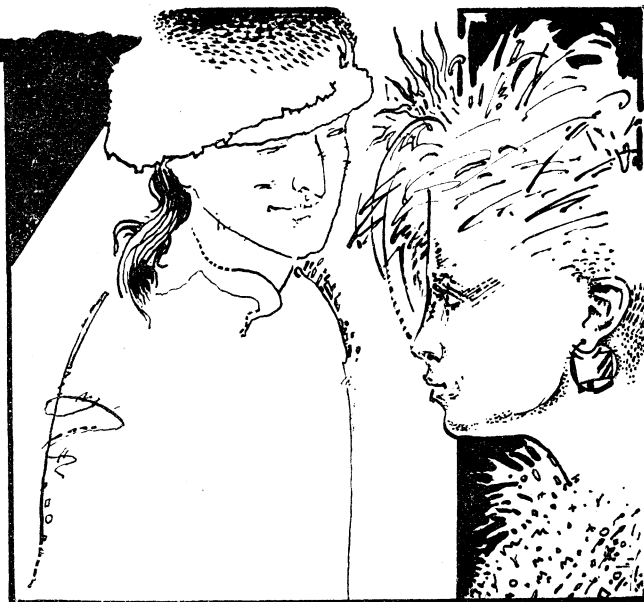
— Наплевать,— сказала я.

— Это точно,— ответил Билли.— Деньги — вода, и относиться к ним нужно, как к воде: напился и забыл. Копить ее бессмысленно.

— А если купить чего-нибудь? — я через силу поддерживала беседу.

— Зачем покупать? У человека не должно быть ничего. Тогда и только тогда он может взять и сорваться куда-то. А так, привязали к ногам гири: все эти ящики, тачки, видеосистемы, а там — флэт, служба,— Билли выставил передо мной ладонь, будто я собиралась спорить.— Я про службу, не про работу. Работать надо, но не для денег.

Сто раз я это слышала. А вот послушал бы

шкраб мой домашний. Интересно было бы их свести, только бы не поубивали друг друга. Хотя, если разобратся, дед то самое и делает — работает не для денег: по школам чего-то ходит, в комитет этот ветеранский, лекции где-то. Но все равно. Билли со своими речами бы его страшно раздражал.

Очередь наша подходила, и я вышла за Андреем и Бабышевым. Они стояли и курили, но не слева от входа, где всегда наши, а справа, там, где всякие деловые люди.

— Очередь подходит, — сказала я.

Они затушили хабари и пошли за мной.

— Ну, кто чего берет? — весело спросил Бабышев. — Всем по маленькому двойному, а что есть будем? Трубочки, бутерброды?

— Чего это ты? — усмехнулся Андрей.

— Угощаю, — добродушно пожал плечами Бабышев. — Святое дело.

Мне из его рук ничего не хотелось, и я отрицательно замотала головой.

— Забирайте кофе, — велел Бабышев.

Я взяла две чашки и понесла их к столу, две другие взял Андрей. Следом за ним подошел Билли с тарелками, на которых возвышалась целая гора разного-всякого. Бабышев еще расплачивался.

— Подарок миллионера! — провозгласил Билли, ставя тарелки на стол, — четыре бутерброда с сервелатом и четыре трубочки с кремом. Билли тут же взял бутерброд.

Подошел Бабышев и тоже взял бутерброд, третий взял Андрей.

— А чего герла твоя не ест? Худеет? — спросил Бабышев Андрея.

Тот пожал плечами — что ему меня, заставлять?

Кофе я все-таки выпила, а мою долю: бутерброд и трубочку — съел Билли. Он так их уплетал, что я разозлилась, и, не удержавшись, сказала:

— Ты же говорил — вода.

Билли нисколько не растерялся:

— Во-первых, не вода, а трубочка, а, во-вторых, какая разница, откуда она течет.

Странное дело, я в принципе с Билли согласна, но сейчас так разозлилась, что захотелось на него заорать. На самом деле мне просто не понравилось, как он ест. А вот Бабышеву понравилось — он на него прямо с удовольствием смотрел.

Потом мы пошли покурить. Билли взял у Бабышева сигарету, но быстро улизнул налево — увидел там каких-то своих. Андрей сказал:

— Герла, слушай, у тебя есть ветеран?

— Какой еще ветеран?

— Ну, ветеран, которым все без очереди дают.

Вообще-то, дед ветеран. Но зачем он ему? Я внимательно посмотрела на Андрея. Билли неправ, серьга была, только совсем маленькая, как гвоздик, не то что раньше — такая блестящая штукенция на цепочке. И волосы там, где они были разной длины, теперь подстрижены ровно. Солидным человеком становится, да. И теперь ветеран...

— А что за дела-то?

— Надо одну вещь достать.

— Какую?

— Холодильник «Минск». Его только ветеранам отпускают.

— Дед у меня ветеран.

— Ты можешь с ним договориться, чтобы он по своему удостоверению взял?

— Андрей, ты же моего деда знаешь. Он не согласится.

— Ну, придумай что-нибудь. Скажи, подруге нужно, или мне, наконец.

— Лучше пусть твоей маме.

— Ладно, я ее предупрежу на всякий пожарный.

Бабышев слушал нас рассеянно, как будто и не слушал.

4. ХОЛОДИЛЬНИК ДЛЯ МАМЫ

Уговорить деда было довольно просто, но я никак не могла собраться. Он, конечно, пойдет и купит, но у нас не очень принято его просить. Летом он, вообще-то, доставал билеты на поезд, но уж так, чтобы совсем по пустякам, вроде билетов в кино — такого у нас не бывало.

Андрей позвонил мне вечером на следующий день:

— Ну что, завтра сможет прийти?

— Я еще с ним не говорила.

— Давай, гони к нему, хорошо бы завтра получить.

Пришлось идти и говорить с дедом. Он сразу согласился. Я сказала, что для мамы Андрея, и хотя дед к нему самому относится довольно-таки кисло, но даже передвинул на утро какие-то свои дела. В общем, в тринадцать, как и договорились, мы вошли в специальный такой салон, где продают эти холодильники. С Андреем мы встретились у станции метро, чтобы, мол, прийти всем вместе.

Андрей улыбался деду — прямо высший класс. Серезки в ухе не было. Только еле заметная дырочка, но ведь это приглядываться надо, чтобы увидеть.

— И мать доверила тебе такую попку? — удивлялся дед. — Моя покойная жена мне бы не доверила. Сама бы внутрь залезла и попросила, чтобы ее заморозили, чтобы проверить, как работает.

— Мама не смогла отпроситься, у них такой начальник, — объяснил Андрей со вздохом.

— Дисциплина, — понимающе закивал дед. Он был доволен, что где-то еще сохранилась такая дисциплина.

Покупателей в отделе почти не было, но среди них — Бабышев. Увидев нас, он вышел — убедился, что пришли. Потом дед показал свои корочки, и мы пошли осматривать холодильник, вернее, Андрей осматривал, а дед погрузился в изучение паспорта. Я просто стояла рядом. Тут в отдел вошел негр, можно даже сказать негритенок — он был очень молодой и небольшого роста, но черный ужасно. Он покрутился, посмотрел, а потом стал заглядывать деду через плечо — паспорт на холодильник его, что ли, заинтересовал. Деду это заглядывание не понравилось; он обернулся и посмотрел на негритенка строго, педагогически строго. Того, естественно, тут же как ветром сдуло.

— Вот, — сказал мне дед. — Такие они наглые. Думаешь, сюда рабочие, крестьяне едут учиться? Это все дети тамошних царьков. А некоторые за таких замуж выходят. Потом они своих жен в гарем продают. И пусть, своих парней им было мало?

Я ничего не сказала, лучше ему не противоречить, тем более сейчас. Вот разберемся с этим холодильником, тогда другое дело.

Наконец Андрей убедился, что с холодильником

все в порядке, нам поставили гарантийные штампы, а Андрей пошел оформлять доставку.

— Вот,— сказал дед про него.— Сразу видно, парень за ум берется. Такой серьезный стал, ответственный.

Серьезный... Я уже разозлилась не на шутку. Были бы мы дома, я бы не удержалась, все бы сказала, что думаю про серьезных и ответственных людей. Но сейчас надо было молчать, и я молчала. Но дед решил, что я с ним соглашаюсь, и стал развивать свою мысль дальше:

— А ты когда же за ум возьмешься?

Это было уже слишком. Я, конечно, не стала устраивать сцену, просто коротко ответила:

— А никогда!

Дед разозлился. Уж я его достаточно знаю, чтобы сказать — он прямо закипел. Но в магазине не пустил морали читать, замолчал, и то хлеб.

Наконец вернулся Андрей.

— Спасибо вам большое, Петр Андреич, и от меня, и от мамы.— И смотрит такими глазами, что я, если бы не знала, что мама — это лысый Бабышев, никогда бы не подумала. А дед улыбается, верит. Мне за него стало обидно, даже злость прошла.

— Спасибо, деда,— говорю.

Он тоже вроде отошел.

— Ладно,— говорит,— ребятки, мне еще в РОНО надо заехать.

Из магазина мы вышли втроем, но дед пошел на метро, а мы завернули за угол. Там стояли Бабышев и тот негритенок, который заглядывал деду через плечо. Он увидел нас и очень вежливо сказал:

— Драстуйги.

— Привет,— отозвался Андрей.— Купили тебе агрегат.

— Агрегат? — удивился черный.

— Холодильник,— уточнила я.

— Пасиба,— улыбнулся тот.

Андрей вручил ему документы:

— Вот это, видишь, паспорт на холодильник, а это — квитанция на доставку. Приедет к тебе твой агрегат пятого, понял?

— Пятого? — задумался черный.— Это вторник.

— Верно говоришь,— согласился Бабышев,— во вторник будет у тебя в общежитии, видишь, тут написано, с 12 до 14. Понял?

Негритенок кивнул.

— У вас что, в общежитии холодильников нет? — спросила я.

— Это я домой хочу,— объяснил он.— Мама просила привезти.

— Господи, в Африку, что ли?

— Да, в Африку.

— Так это же кучу денег ухлопаешь,— удивился Бабышев.— На самолете.

— Почему на самолете? — объяснил черный.— На море, пароход. Мы живем в Ломе, в столице.

Господи, Ломе какое-то, да еще столица, а я и не слышала никогда. И там у кого-то мама, наверно, такая же черная. Вроде так и должно быть, а все равно странно. Этой маме нужен холодильник, и вот мой собственный дед покупает его на свое ветеранское удостоверение. Прямо в голове не укладывается.

Андрей и Бабышев отошли, и я осталась вместе с черным.

— Как тебя зовут? — спросила я.

— Раймонд.

— А фамилия у тебя есть?

— Конечно. Моя фамилия Йау.

Пока мы разговаривали, я вдруг заметила, что прохожие смотрят на меня странно. То, что большинство не нравятся мой внешний вид, это я давно знаю, и это меня не колышет, но теперь у них в глазах было что-то другое. Я теперь была девушка, которая стоит с негром. И на меня смотрели, как на такую, которая даже с негром. Раньше мне было не плевать, как они смотрят, а теперь стало неудобно. Наверно, потому что я сама считаю, что это неловко — с негром. Господи, да как же несчастный Раймонд Йау тут живет? Я бы его спросила, но не смогла, потому что тогда пришлось бы ему сказать, что он — черный. А я не могу отделаться от мысли, что это обидно.

— А это твой жених? — вдруг спросил Раймонд.— Кто холодильник купил?

Ну и слово, «жених». Хотя понятно, что он хочет сказать. И я ответила:

— Да.

— У меня там, в Ломе, в Африке тоже была невеста. Замуж вышла. Я учиться уехал. А говорила, что любит.

Не дождалась, значит. Надо же, везде одно и то же.

К нам подошли Андрей и Бабышев.

— Значит, ты понял, пятого во вторник, с двенадцати до двух,— еще раз повторил Бабышев.— Если что, звони. Бывай, шеф.

— Досиданя,— вежливо попрощался со всеми Раймонд Йау и исчез в огромной пасти метро.

5. ГЛАВНОЕ ДЕЛО — ПРИНЦИП

Они вроде были чем-то недовольны, и Бабышев, и Андрей. Отправив негра, они снова завели разговор, начала которого я не слышала.

— Забирай свой полтинник и не торгуйся,— вразумлял Андрея Бабышев.

— Герла должна получить долю,— возражал тот.— Она привела ветерана.

— Хорошо, тогда ты не в счет,— спокойно согласился Бабышев.

— То есть? — не понял Андрей.

— Я сказал: нужен ветеран. Кто его достает, получает пятьдесят процентов. Ты привел — получай, герла привела — она получает.

Я посмотрела на Андрея и увидела, что он сердится. Он сердился, но молчал.

— Ты пойми,— продолжал Бабышев,— для меня этот четвертной — тьфу, плюнуть и растереть. Принцип важен, понимаешь? Здесь я сдамся, там пойду на уступку, и что будет? Шиш — вот что будет. Хочешь заниматься бизнесом, никаких поблажек — ни клиенту, ни напарнику, ни себе.

— Ладно,— сказал Андрей.

Я-то думала, он плюнет и скажет: «Катись ты...». Нет, не сказал. Взял две сиреневые бумажки, и мы пошли.

— Позванивай,— улыбнулся на прощание Бабышев.— И про «Урал» не забудь.

— Козел,— сказала я, когда мы отошли на некоторое расстояние.

— Он может на постоянное дело взять,— ответил Андрей.

Постоянное дело — это значит чем-нибудь торговать в переходе метро. Зато, конечно, доход. Мы шли мимо лотка, на котором были разложены полиэтиленовые пакетики с женскими трусами. Продавал парень — модный, в шикарнейшей куртке.

Мы молчали, потом Андрей сказал:

— Пошли кофе пить.

Мы свернули налево, в кафе. Стойки, буфетчицы, высокие круглые столы — все как всегда. Андрей мне хотел вроде что-то сказать. Неужели будет оправдываться, вот уж на него не похоже.

— Черт с ним, с Бабышевым, — наконец сказал он, когда мы уже взяли кофе. — Вот тебе четвертой, — и он выложил передо мной на стол фиолетовую бумажку.

Я чуть не подавилась кофе.

— Чего это?

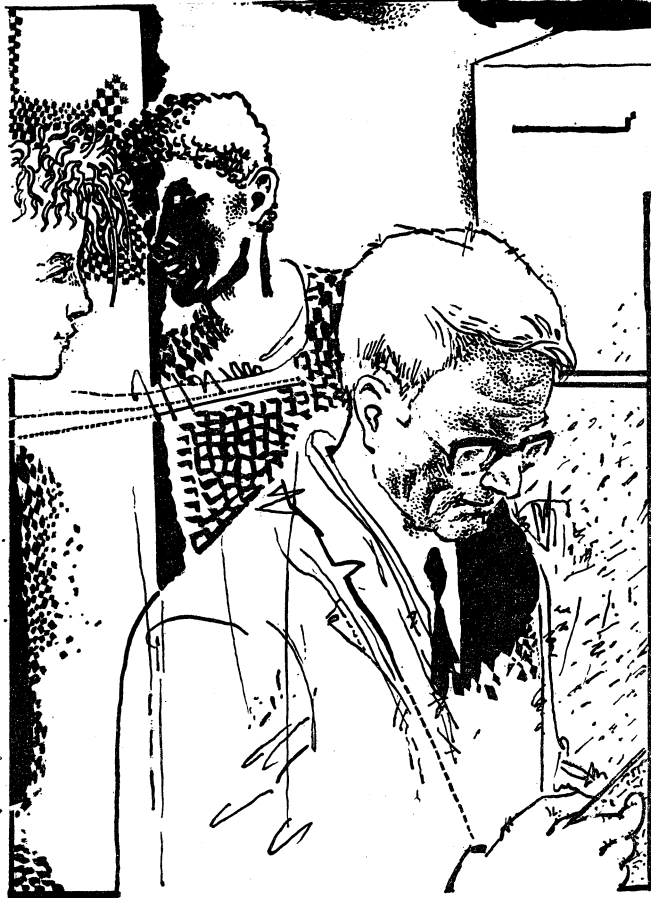
— Он тебя не брал в долю, а я брал. В конце концов, это тоже принцип.

— Да не надо... — не очень уверенно сказала я.

— Надо. Ты достала ветерана, ты и получи.

И тут совсем для себя неожиданно я поставила чашку с кофе на стол, повернулась и пошла вон. Андрей догонять не станет, проверяли. В лучшем случае позвонит вечером, а то и через три дня; скажет: «Что, герла, оклемалась?» Но тут кто-то взял меня за плечо. Оборачиваюсь — он.

— Вы что, вместе с Бабышевым решили меня с ума свести? — он не кричал, нет, говорил тихо и так, убедительно.

— Я ветеранами не торгую, — сказала я.

— Ох ты, господи, я же с тобой по-деловому, по-человечески. Ну что, теперь будем из-за слов ругаться?

— А при чем тут слова? Ты все правильно сказала. Я достала ветерана. Теперь за этого ветерана я должна получить двадцать пять рублей. Все правильно. Просто мне такие дела не нравятся. Не в кайф! — Я вдруг почувствовала такую ярость, просто сил нет. Ладно, я раньше ничего не говорила, а теперь скажу: — Ты, Андрей, другое дело. Тебя Бабышев в долю возьмет. Будешь стоять и трусы продавать. Пожалуйста. Но я не хочу.

Андрей, смотрю, тоже начал злиться:

— Да, буду продавать трусы. Зато нищим не буду. А вы, такие чистоплюи, сидите и ждите, когда вам дадут пятак на кофе.

Я его не дослушала, а повернула на сто восемьдесят градусов и пошла прочь. Я знала, что теперь Андрей догонять меня не станет и не позвонит ни сегодня, ни через три дня. Пусть. Такой мне не нужен. Мне нравился тот — с длинной серьгой в ухе, который мог с рублем в кармане поехать стопом в другой город, мог мокнуть в лесу и насвистывать вещь из «Помпилиус». Его просто нет больше. Так что пусть дед не рассчитывает, что я буду братья за ум. Никогда.

МАЙОР ТЕПЛОВ — ГЕРОЙ БОРОДИНА

В Перми на старом Егошинском кладбище стоит величественное чугунное надгробие, отлитое уральскими умельцами на Пожвинском заводе по чертежам академика архитектуры Н. П. Свизева. Текст эпитафии на верхней крышке прямоугольного саркофага написал учитель Пермской гимназии В. Т. Феонов: «Под камнем сим лежит тело майора и кавалера Николая Афанасьевича Теплова, родившегося 1776, скончавшегося 1813 в октябре от сильной контузии, на знаменитом Бородинском поле полученной.

Врагом сражен,
упал сей храбрый воин,
Хоть лучшей участи
по подвигам достоин.
На поле чести пал,
Отечество свое
он грудью защищал».

На боковых чугунных плитах отлиты батальные сцены Отечественной войны 1812 года, а посередине изображен полковой барабан, обрамленный стволами пушек и ружей со штычками. Сверху — драгунский шлем с плюмажем. Памятник уникальный и выполнен с большим мастерством.

На старом кладбище в Перми захоронены многие участники Отечественной войны 1812 года. Сведения о них более двадцати лет по крупицам собирал страстный краевед Константин Александрович Королев. Поиск свой он не успел закончить — умер в 1987 году.

«...Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости», — писал А. С. Пушкин. Великий русский поэт дал толчок поискам пермского краеведа.

...Видали ль в Персии
Ширванский полк!

Уж люди!

Мелочь, старички кривые,
А в деле всяк из них,

что в стаде волк —
Все с ревом так и лезут в бой
крававый...

Ширванский полк
могу сравнить с Октавой...

Так вот, в послужном списке майора Н. А. Теплова значится, что в Бородинском сражении он командовал знаменитым Ширванским полком, сформированным в 1724 году.

За все годы полк не потерпел ни одного поражения, поэтому в России за ним прочно установилась слава непобедимого. Таким полком мог командовать только храбрый и мужественный офицер.

Не сразу, конечно, Николай Афанасьевич стал полковым командиром, кавалером многих высших орденов России. Сначала служил гефрейт-капралом в Симбирском драгунском полку, затем подпрапорщиком, вахмистром, портупей-юнкером с переводом в Ширванский мушкетерский, а затем пехотный полк. В полку прошел все чины от прапорщика до полкового командира.

Полк все годы его службы участвовал в боевых действиях. Теплов не раз был ранен, но по возможности старался оставаться в строю.

Однажды после тяжелого ранения, находясь в отпуске в Перми, он познакомился с Феодосией Ивановной, дочерью титулярного советника Пермской губернской казенной палаты Жулибина. Вскоре они поженились. В семье Тепловых родились сын Афанасий и дочь Прасковья.

С самого начала войны с французами Теплов постоянно в боевых порядках полка, отличился при обороне Смоленска и был награжден орденом.

К селу Бородино русская армия подошла 22 августа. Холмистая, сильно пересеченная местность, выбранная Кутузовым, лишила французов возможности маневра, была выгодной для обороны. Перед рассветом 26 августа над Бородинским полем еще царил тишина, но майор Теплов уже тщательно проверил готовность полка к сражению. Он находился на самом опасном направлении — рядом с уральскими полками.

Ключом к русским позициям оказалась Курганская высота, названная впоследствии «батарея Раевского». На ней французы сосредоточили огонь 150 орудий. При обстреле майор Теплов, как свидетельствует документ, «получил от картечи сильную контузию в правую ногу, оставался в строю до окончания дела. И за таковое мужество награжден орденом св. Анны 2-го класса».

Наполеон бросил сюда цвет своей кавалерии — корпуса Коленкура и Латур-Мобура, поддержанные молодой гвардией. В неравном бою пали

все артиллеристы батареи, а от полка остались несколько солдат и три офицера. Но здесь, у «батареи Раевского», нашли свою смерть и кирасирские дивизии Наполеона — «непобедимая кавалерия империи». Генералы Коленкур, Монбрен, как и многие их соратники, остались лежать на высоте. «Французская армия, — писал потом М. И. Кутузов, — не превозмогла твердость духа российского солдата, жертвовавшего с бодростью жизнью за свое отечество».

Несмотря на ранение, Николай Афанасьевич остался в полку, отступал по старой Смоленской дороге вместе с русской армией, чтобы сблизиться с подкреплением и приготовить «неприятелю гибель».

Вместе с полком участвовал в сражениях при Спас-Кукле, Малоярославце, Красном, где особо отличился. Затем он с полком преследовал неприятеля до полного изгнания из пределов России.

И снова строки из документа: «...А с декабря при вступлении в герцогство Варшавское находился в делах с неприятелем. 15-го же февраля 1813 года в действительном сражении при Ченстохове, находясь с полком, получил жестокою рану в голову от черепка неприятельской гранаты и увезен для пользования в Варшаву 4-го марта, а оттуда отпущен в Пермь к семье, где и скончался от изнурения сил...»

Перед кончиной Николай Афанасьевич обратился к своему наследнику: «Афанасий, сын мой, хотел бы тебя видеть офицером армии, да вот видишь, не успел, умираю».

Он рассказал сыну историю своего полка. Особенно запомнилась восьмилетнему мальчугану судьба Марии — дочери полка.

Дело было так. 7 июня 1800 года полк штурмовал крепость Гуниба на Кавказе. В одной из многочисленных пещер укрылась группа мюридов. Фельдфебель Гречко, преследуя неприятеля, неожиданно заметил в темном углу пещеры покинутую всеми маленькую девочку-лезгинку. Гречко завернул ребенка в шинель и спас от неизбежной гибели. А после боя отнес девочку командиру полка. О ней позаботились и вскоре окрестили в православную веру. При крещении нарекли Марией.

Она росла и воспитывалась в семье подполковника Кононовича, но была дочерью полка, снискав к себе любовь солдат и офицеров. Позднее, по особому ходатайству, получила фамилию Кононович-Ширванская...

К. А. Королев, разыскавший эти интересные сведения, в честь дочери полка назвал свою любимую внучку, которая родилась в год 30-летия Победы советского народа над фашистской Германией.

Подполковник в отставке Константин Александрович воевал с первого дня до последнего, награжден че-

тырмя боевыми орденами, трижды ранен.

Может, поэтому он так тщательно и скрупулезно вел поиск пермяков-героев Отечественной войны 1812 года.

Узнал и о судьбе сына майора Н. А. Теплова. Вдова покойного, Феодосья Ивановна, зачислила 16-летнего Афанасия в полк отца, где он прошел службу от юнкера до поручика и был убит 26 сентября 1829 года в сражении с турками при Байбурте. За мужество и военную смекалку был награжден орденами Святой Анны 3-го класса с бантом и 4-го класса с надписью «За храбрость», золотой шпагой со знаком отличия Военного ордена, серебряной медалью «За кампанию в Персии» и другими отличиями.

В Перми у Афанасия осталась вдова с малолетним сыном Петром.

На этом поиск Королева оборвался. Может быть, краеведы продолжат его.

г. Пермь

СПРАВКА О

КОНКУРЕНЦИИ

Юрий ГАЛАЙ,
краевед

Ученый-металлург Александр Александрович Износков родился в 1844 году в семье коллежского асессора в бывшей Вятской губернии. Начиная свой путь на Урале. После окончания Института корпуса горных инженеров был назначен практикантом на знаменитые Златоустовские заводы.

Износков предложил владельцам заводов реконструировать старые плавильные печи. Но неожиданно ему пришлось покинуть заводы. В воспоминаниях он писал об этом кратко: «По непредвиденным обстоятельствам проектам моим не был дан ход... Вскоре дела мои приняли такой оборот, что пришлось уйти, бросить казенную службу...»

По всей видимости, заводладельцы, придерживавшиеся старых рутинных методов плавки металлов, холодно приняли проект 25-летнего специалиста.

Отставной инженер, по его собственным словам, «поставил себе задачу ввести где-либо в России плавку стали по способу Сименса-Мартена». Но ни в Петербурге, ни в Москве его не поддержали. Неиз-

вестно, сколько бы ему пришлось носиться с идеей, если бы не случайная встреча с владельцем Сормовских заводов Д. Е. Бенардаки. Он командировал Износкова в Англию к самому Сименсу для приобретения у него патента на право использовать способ плавки Сименса-Мартена. Это было летом, но уже в сентябре 1869 года по чертежам Сименса был заложен первый камень в постройку новой печи в Сормово. В короткий срок, всего за семь месяцев, она была построена.

Нужны были квалифицированные рабочие. Некоторых специалистов Износков переманил из Златоуста. Нашлись хорошие мастера и на месте. Один из них, Н. Н. Кузнецов, стал его верным помощником. Впоследствии Кузнецов построил множество сталелитейных печей в Нижегородской губернии и на знаменитом Путиловском заводе в Петербурге.

На Всероссийской промышленной выставке, проходившей в Петербурге в 1870 году, сормовским заводам была присуждена бронзовая медаль «За ведение литья стали по способу Сименса-Мартена». А через два года Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете присудило заводу Большую золотую медаль.

Высококачественная сормовская сталь завоевывала признание промышленных кругов России. «Переворот» — символически звучало название товаро-пассажирского колесного парохода, целиком сделанного из металла сормовичей. Для того времени это был невиданный в нашем отечестве комфортабельный пароход с водопроводом и паровым отоплением в каютах.

Продолжая совершенствовать металлургическое производство сормовских заводов, А. А. Износков одновременно приступил к опытам по изготовлению... артиллерийских снарядов. Этот его, казалось бы, неожиданный поворот в военную область был вызван насущной оборонной необходимостью страны. К тому времени со ступеней ряда западных государств сошли броненосные суда, для которых русские снаряды были безвредны.

А. А. Износков принялся за эксперименты по изготовлению артиллерийских снарядов. Именно эта новая для него сфера деятельности принесла инженеру славу не только в отечестве, но и за рубежом.

В Центральном государственном историческом архиве СССР хранится лично составленный А. А. Износковым документ с довольно длинным названием: «Историческая справка о конкуренции горного инженера Износкова в деле стальных снарядов с иностранными заводами и о его противодействии этим заводам в стремлении получить от русской

артиллерии крупные заказы на новые образцы стальных снарядов с 1871 по 1908 г.»

Во Франции металлургический завод «Тер-Нуар» владел секретом изготовления 9-дюймовых снарядов из некованой стали с последующей термической обработкой, которые «пробивали железные плиты под углом 30°, — не разбиваясь». Подобных снарядов, применявшихся в береговой артиллерии, у нас на вооружении не было. Отечественные заводы отказались от разработок таких снарядов. Снова приходилось идти на поклон к иностранцам. Представитель завода «Тер-Нуар» соглашался продать снаряды, но с условием гарантированного контракта и по высокой цене, что обошлось бы казне больше чем в три миллиона.

Износков с Путиловым решили овладеть секретом французов. После многочисленных опытов им удалось получить безраковистый металл при помощи введения в шихту сплава железа с большим количеством марганца и кремнистого чугуна. Такой металл обрабатывался впоследствии термическим способом. Именно это и составляло секрет французов. Износковские снаряды были вдвое-втрое дешевле «тер-нуаровских».

В 1885 году, как представитель пермского завода, А. А. Износков присутствовал на испытании одинадцатидюймовых снарядов завода С. Шамон. Снаряды легко пробивали 15,5-дюймовые стальные плиты, «чем вызвали всеобщее удивление». Французы опять потребовали завышенную цену за свою продукцию. Александр Александрович решил сделать подобные же снаряды. В течение 10 месяцев он усиленно работал. Изготовленные по его рецепту снаряды дали блестящий результат. Тем не менее, в исторической справке А. А. Износков с горечью констатировал, что русское правительство, ориентируясь на иностранные металлургические заводы, забывало свои собственные и не обеспечивало их заказами, тормозя тем самым технический прогресс.

С именем Износкова связано еще одно мероприятие в военной области. Впервые в России он освоил производство броневых плит из литой некованой стали для обороны крепостей.

А. А. Износков около сорока лет проработал на благо отечественной металлургии. «Известия общества горных инженеров» в некрологе А. А. Износкова писали: «Чрезмерная его скромность и даже застенчивость оставляли имя Александра Александровича излишне в тени. Он был совершенно чужд личного рекламирования, а между тем его жизнь изобилует такими заслугами перед отечественной техникой, которая человека другого душевного склада поставила бы на иную высоту общей

известности. Александр Александрович Износков работал для дела, которому был предан искренне от всей души не для удовлетворения личного тщеславия и честолюбия».

В столетний юбилей открытия первой мартеновской печи в России 4 марта 1970 года на заводе «Красное Сормово» собрались прославленные металлурги из многих городов страны. На новом корпусе висит мемориальная доска: «Здесь в 1870 году сормовскими инженерами и рабочими создана первая в России мартеновская печь». Именем талантливого ученого-металлурга названа одна из центральных улиц в Сормове.

г. Горький

ХРАМ НА ВАВОЖСКОЙ ГОРЕ

Вера
СИБИРЕВА-НЕСМЕЛОВА,
краевед

Хочу рассказать о храме родного мне села Вавож Кировской области, что был полуразрушен в 60-е годы. В его истории есть много поучительного, заслуживающего нашей сыновней памяти и уважения.

В феврале 1811 года церковный староста крестьянин Федор Несмелов выехал в Вятскую духовную консисторию с прошением прихожан села Вавож перекрыть обветшавшую крышу церкви на свой счет «без употребления на то из казенной, церковной суммы денег...» Преосвященнейший Гедeon на прошение написал: «Если консистория препятствий не найдет, то позволить перекрыть крышу оной церкви, но не иначе, как с тем, чтобы заготовляли материал для построения каменной церкви. Для сего просителя и обязать подпиской».

Служители Николаевской церкви дьякон Стефан Несмелов и дьячок Владимир Несмелов обошли 61 селение, чтобы опросить прихожан, и в июне того же года в консисторию поступил рапорт с приложением двух реестров прихожан Николаевской церкви — ясашных, крестьян и новокрещенных вотяков вновь открытой Малмыжской округи, желающих и не согласных строить каменную церковь.

Середина XVIII века была временем усиленной миссионерской деятельности среди инородцев. Новокрещенным выдавали даже денежную награду «За восприятие крещения» и представляли льготы в уплате податей и прохождении рекрутской повинности. Существовали особые защитники новокрещенных от обид и притеснений. Но скоро миссионеров заметно поубавилось, должности проповедников были упразднены, и единственным просветителем вотяков осталось приходское духовенство. А на каждого священника в среднем приходилось свыше 600 душ одного только мужского пола, к тому же бездорожье, разбросанность селений, незнание языка мешали разъяснительной работе. Благочинный Иоанн Вознесенский доносил рапортом в духовную консисторию, что «не взирая на убеждения, большая часть прихожан, новокрещенных вотяков вновь открытой Малмыжской округи, Больше-Учинского и Водзимонского волостных правлений без вразумления земской полиции не соглашаются строить каменную церковь».

Но все-таки согласных строить оказалось больше.

Проектирование Николаевской церкви было доверено архитектору Ижевского оружейного завода С. Е. Дудину. Сохранились ампирные постройки, выполненные по его проекту: комплекс железодельного завода, первый арсенал...

Место для церкви выбрали к востоку от старой, деревянной, в центре Вавожской горы.

Сбор денег для строительства, начавшийся с 1819 года, вели доверенные сборщики, избранные прихожанами села. Все фиксировалось в спе-

циальной церковно-приходской книге.

3 февраля 1823 года с согласия мирских людей составлен договор подрядчика с мастером кладки каменных зданий крестьянином Нижегородской губернии Балахнинского уезда села Вершилова «Алексием Федоровым, сыном Брусничным». Он обещал выстроить храм за четыре года и «со времени окончания кладки должны быть по моей ответственности 5 лет». То есть давал гарантию качества. За два лета 1821 и 1823 годов церковь была выложена выше арок второго этажа, «колокольница» до арок первого. Однако в марте 1825 года преосвященнейший Павел на договоре написал: «Подрядчика Брусничина до означенной работы допускать в таком только случае, ежели он при производстве строения согласен будет взять по осьми рублей с тысячи кирпича, в противном же случае договаривать других подрядчиков». На что А. Брусничин, построивший не один каменный храм на Руси, ответил, что «менее одиннадцати рублей взять ему нельзя».

Для окончания кладки за плату по восемь рублей с тысячи кирпича был подряжен мешанин города Вятки Филипп Трушков.

С окончанием строительства в село начали поступать иконы и иное внутреннее убранство. 26 июля 1835 года было učinено освидетельствование вновь написанных икон для Николаевской церкви живописцем елабужским мешанином Петром Новиковым. Признано, что его живопись в представленных иконах «довольно тщательна и не имеет ничего противного греко-российскому писанию, кроме некоторых терпимых недостатков». 16 сентября 1835 года

священником Андреем Даровским было совершено освящение Николаевской церкви в нижнем этаже — во имя святителя и чудотворца Николая.

7 июня 1841 года ночью над Вавожем пронеслась страшная гроза. Молния ударила в самую сердцевину правой возле царских ворот плиты, повергла на пол правую половицу иконостаса до Пономарских дверей, а на нижнем этаже прошлась по позолоте нижнего иконостаса, опалив ее. Святые же иконы и другие церковные вещи, а также своды и стены здания не пострадали.

В 1842 году при Николаевской церкви открылась церковно-приходская школа. Сначала она помещалась в приходском доме, а потом переведена в средний этаж церкви. В школе обучались в основном дети малообеспеченных крестьян. Состоятельные родители предпочитали частных учителей.

Через несколько лет прихожане решили купить новый колокол, так как колокольный звон «скуден и недалеко слышен». Накоплению необходимой суммы много способствовал церковный староста Иван Несмелов, пожертвовавший два «серебрянозолотеных» ковчега в 157 рублей 15 копеек и «Евангелие, довольно великолепное с серебряными, позолотенными досками в двести десять рублей серебром». Колокол установили весом в 64 пуда 8 фунтов ценою по двадцать рублей за пуд.

Причт Николаевской церкви состоял из двух священников, дьяка и двух псаломщиков. Квартиры они имели казенные, братский денежный доход составлял 2300 рублей. Земли имели они усадебной — 4 десятины 216 сажень, пахотной — 33 десятины 600 сажень. Приходжан русских было православных 1703 человека мужчин, 1848 женщин, крещеных вотяков — 2190 и 2240. Приход состоял из 26 селений, от села Вавож они находились на расстоянии от 2 до 18 верст.

С освящением Николаевского храма Вавож постепенно превратился в «певучее село». Церковный хор составили из местных крестьян. На клиросе пели лучшие ученики Вавожской школы. Из дальних селений приходили люди послушать церковное пение, полюбоваться красотой двухглавой церкви, поведать о своей тяжелой крестьянской судьбе...

Вся история края связана с храмом. В грозном 1918 году у стен церковной ограды девять часов продолжался кровавый вавожский бой местного продотряда с белогвардейцами... Украшением села был этот храм. Но в 30-х годах церковь закрыли. Разрушили деревянную часовню на приходском кладбище, по кирпичику разбирали кладбищенскую ограду. Надгробные памятники пошли на фундамент кулевых мастерских. А в 60-х была полуразрушена и сама цер-

ковь... Сейчас вместо храма стоит в селе скучная, четырехугольная, безликая коробка, на первом этаже — клуб, на втором — детская музыкальная школа. Невольно вспоминаются пушкинские слова: «Дикость, подлость и невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь перед одним настоящим».

г. Свердловск

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ П. В. ЗАСОДИМСКОГО

Ольга БУХАРКИНА,
научный сотрудник
архива

В личном фонде уральского краеведа В. П. Бирюкова хранится собранная им коллекция автографов. Разбирая ее, я наткнулась на маленькую серую тетрадь. На обложке рукой Бирюкова написано: «П. В. Засодимский. Разбойник и Христос (по поводу последней картины Н. Ге)».

О Засодимском я впервые услышала от своей бабушки. Она вспоминала, что в начале века издавались его замечательные рассказы для детей, которые в маленьких книжечках расходились по всей стране, попадали на Урал, например, в Кушву, где тогда жила моя бабушка.

Павел Владимирович прожил интересную жизнь. Он был современником Толстого, и Лев Николаевич писал об одном из его рассказов: «...это то искусство, которое имеет право на существование»; сотрудничал в некрасовских «Отечественных записках», где опубликовал один из лучших своих романов «Хроника села Смурина»; дружил с революционером-демократом Н. В. Шелгуновым, поэтом Плещеевым, был знаком с Маминым-Сибиряком, Решетниковым...

Будучи по убеждениям народником, П. В. Засодимский участвовал в «хождении в народ», посвятил свое творчество русскому крестьянству, его труду, горестям и бедам.

Но вернемся к архивной находке. Рецензия на картину Н. Ге «Распятие» предназначалась писателем для газеты «Волжский вестник» и была написана в июне 1894 года в местеч-

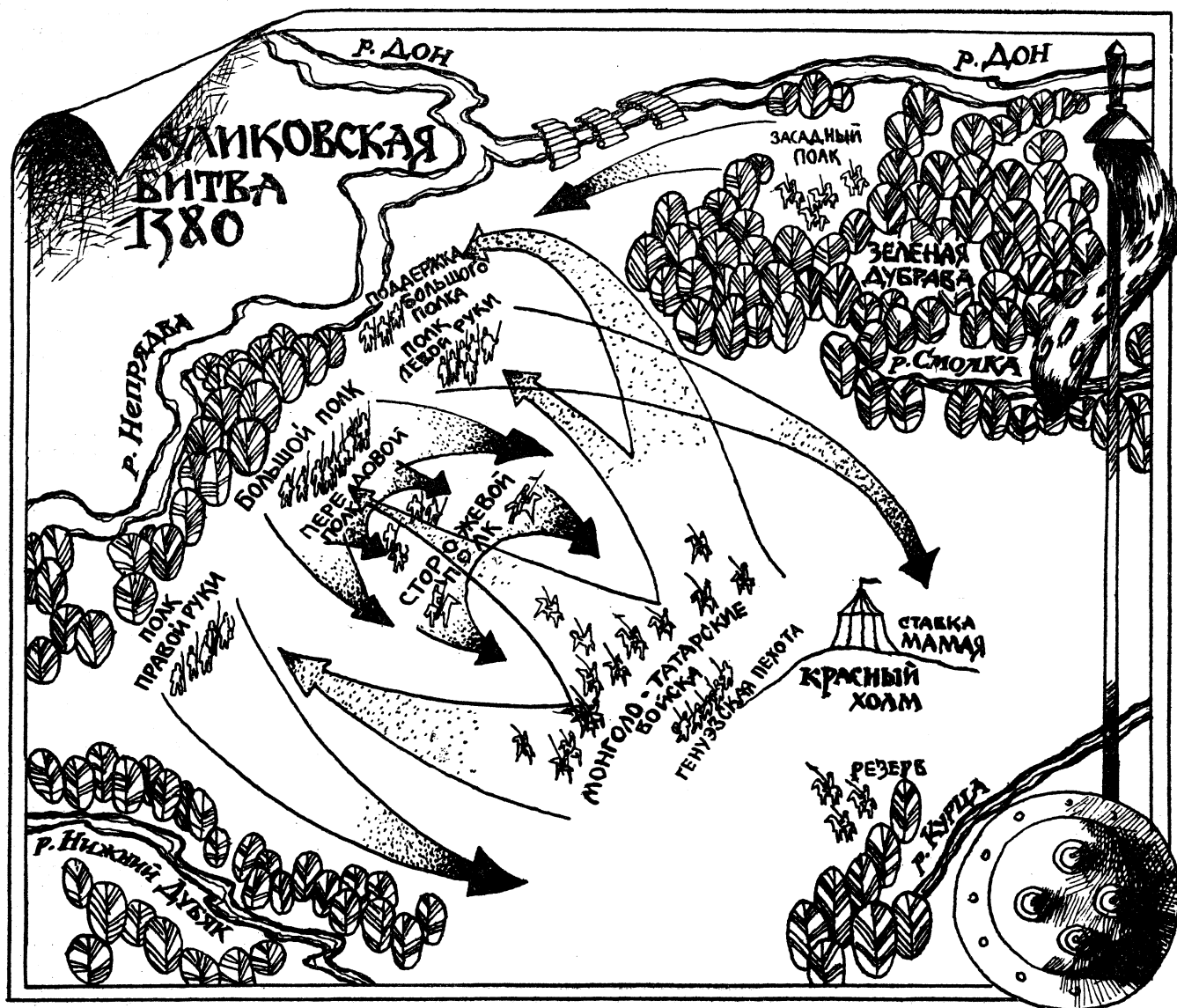
ке Кидаш, в Башкирии, куда Засодимский приезжал лечиться кумысом. Рукопись была подготовлена к печати, видны следы редакторской правки: изменено название — «Христос и разбойники» (Христос поставлен на первое место), многие места зачеркнуты, например: «Разве перед богом истины и справедливости цена жизни какого-нибудь блестящего вельможи выше цены жизни самого жалкого нищего?». Но автор, по-видимому, не согласился изъять их из текста: карандашные линии, зачеркнутые строки, погашены мелкими черточками и на полях написано: «надо». Однако цензура не разрешила выпустить статью, и она попала в руки корректору Александру Гри-

горьевичу Куренкову, которого позднее судьба забросила в Шадринск (Куренков был родом из Симбирска и учился там в гимназии вместе с Лениным). В 1924 году Куренков передал рукопись Бирюкову.

П. В. Засодимский постоянно интересовался живописью, но его не удовлетворяло искусство официальное, попирающее, как он писал, правду во имя «эстетической чистоплотности». «Пойте нам о человеке, — обращался он к художникам, — о его грехах, его блаженстве и печалах, ибо только его горе, его стремления понятны нам». Именно этим требованиям отвечала картина Ге «Распятие». Она стала для Засодимского поводом высказать свое творческое credo убежденного демократа и гуманиста.

Неизвестная рукопись писателя-народника хранится в Государственном архиве Свердловской области и должна заинтересовать литературоведов.

г. Свердловск

КУЛИКОВО ПОЛЕ

Виктор ШАВЫРИН

Рис. Сергея Малышева

Из книг о Куликовской битве можно составить немалую библиотеку. Но практически все, что писалось о ней до 1980 года, суть переложение трех средневековых источников: краткой «Летописной повести», поэтической «Задонщины» и расщепленного риторикой, а то и религиозной фантазией «Сказания о Мамеевом побоище».

Не удивительно, что позднейшая литература рисует цепь одних и тех же, с детства памятных каждому эпизодов. Получив благословение Сергея Радонежского, русские князья идут с войском в Коломну, затем на запад, к устью Лопасни, затем к Дону и вновь на запад — к устью Непрядвы. Они долго стоят на берегу Дона, споря: переходить ли за реку, затем велют строить мосты, переправляют-

ся через Дон и занимают позицию на его берегу. Ночью Дмитрий Донской и воевода Боброк выезжают в степь «слушать землю», которая предсказывает своим стоном и плачем нелегкую победу. Наутро князь меняется конем и доспехами с незнатным боярином Бренком и велит возить над ним свое знамя, а сам становится в строй простых воинов. Перед битвой происходит поединок монаха Пересвета с та-

тарским богатырем, в котором оба гибнут. Мамай выезжает на высокий холм, чтобы наблюдать за сражением. Ордынская конница штурмует русскую оборону и прорывает ее на левом фланге русских, но в результате поворачивается тылом к заранее спрятанной в Зеленой дубраве засаде. Засадный полк выступает и гонит врагов, уничтожая их на сорокаверстном пути до реки Красивой Мечи. После этого русское войско восемь дней стоит «на косях», павших хоронят в братских могилах, строят над ними часовню и с победой возвращаются по домам.

Драматизм истории усугубляется позицией соседей: литовский князь Ягайло спешит на помощь Мамаю, но не успевает на один день пути к Куликову полю, а великий рязанский князь Олег то ли тоже хочет ударить на Дмитрия Донского, то ли хранит нейтралитет. Во всяком случае, войско московского князя опасается его удара с тыла и обходит его княжество стороной, принимая удар Орды в диком, ковыльном, совершенно безлюдном поле, не принадлежащем ни одному государству.

С детства каждому ясно и место битвы: у впадения Непрядвы в Дон на юге Тульской области, где в девятнадцатом веке был поставлен памятник Дмитрию Донскому, а позднее и церковь Сергея Радонежского. Над самой Непрядвой стоит село Монастырщина, церковь которого была возведена над братскими могилами русских воинов. На поле известно и еще несколько курганов, в которых тоже были похоронены герои Куликовской битвы.

Таким образом, все понятно, и описание сражения у разных авторов отличаются только в деталях. Не в последнюю очередь это вызвано тем, что средневековые источники слишком лаконично рисуют природу Куликова поля. Поэтому одни с жаром описывают буйную степь, населенную только волками и лисицами, другой утверждает, что воины в битве гибли не только от стрел и копий, но и от множества змей, жаливших коней и пехотинцев, третий говорит о поле как болотистой и озерной местности, где водилось множество куликов, якобы и давших ей название...

Существуют схемы построения полков и направления ударов, есть альбомы со снимками захоронений русских воинов. Все так ясно и понятно, что прибавить к нашему знанию, казалось бы, нечего.

Правда, не всю эту информацию можно извлечь из средневековых повестей, которые к тому же до последнего времени были малоизвестны широкому читателю. Но у него, у читателя, создавалось впечатление, что на Куликовом поле потрудились целые поколения историков, краеве-

дов, что многие свидетельства донесли до нас народная память. Иначе откуда могли взяться подробности?

Может быть, так считали бы и ныне, если бы на 1980 год не пришлось 600-летие Куликовской битвы, а в ходе подготовки к нему выяснилось, что мы практически не располагаем подлинными предметами с Куликова поля. В ходе подготовки к созданию юбилейной экспозиции Государственный исторический музей решил поправить дело и направил в 1979 году на место битвы археологов. Они вернулись ни с чем...

В следующем году к устью Непрядвы отправилась новая экспедиция, организовавшая масштабные работы с помощью миноискателей. Раз за разом прочесывая место наиболее ожесточенного сражения, цепи солдат находили гайки от тракторов, подковы крестьянских лошадей, осколки и пули минувшей войны, но только не раритеты XIV века. Раскопанные в то же время курганы оказались насыпанными в совсем другие эпохи. А в одном случае выяснилось, что в качестве курганов были сфотографированы для альбома естественные склоны оврага...

Общественность глухо заволновалась. Праздничное настроение было основательно подпорчено слухами о том, что место битвы толком неизвестно, что, может быть, близ мемориала, куда возят туристов и где работает музей, никакого сражения не было, да и было ли оно вообще? Масла в огонь подлил доктор исторических наук В. А. Кучкин, заявивший «особое мнение»: битва, скорее всего, произошла не на южном берегу Непрядвы, где были организованы юбилейные торжества, а на северном.

Тут и настало время спросить: а что достоверного мы знаем о битве, откуда взялась детализированная информация о ней? Просматривая всю грандиозную литературу, нетрудно выйти на первоисточник: работы тульских краеведов, в первую очередь С. Д. Нечаева, который определил еще в 1821 году район к югу от устья Непрядвы как место, называвшееся в древности Куликовым полем. Небезынтересно, что то были земли, которыми он, как помещик, владел...

Ныне вопрос состоит в том, насколько точно Нечаев проанализировал письменные свидетельства. А они к тому же могут быть и не во всем достоверны, так как писались и переписывались много позже эпохи Дмитрия Донского. Да и место битвы указано в них туманно: «у Дона великого на берегу», «на усть Непрядвы», «на поле Куликовом». Где же оно, поле Куликово? Ни устная традиция, ни документы XIV века ничего не говорят о его положении. Да

и что такое сам термин «поле»? Понимать ли под ним то, что мы понимаем теперь, или это ландшафтный термин, стоящий в одном ряду с Диким полем — всей южнорусской степью, Оковским лесом, Брянским лесом, Опольем, Мещерой?

Ориентацию Нечаеву дали в основном два объекта: устье Непрядвы и село Куликовка, которое, по его мнению, унаследовало название старинного поля. Увы, при этом и он, и его земляки-краеведы игнорировали другие свидетельства летописей. Достаточно очутиться в этой местности, чтобы убедиться: район мемориала, так называемый Красный холм — вовсе не высокое, а плоское место, и основной части предполагаемого района сражения Мамай с него не увидел бы.

Источники говорят, что, сблизаясь, оба войска спускались с холмов в какую-то долину. «Нечаевское» Куликово поле имеет общий уклон в сторону Дона и Непрядвы, и русская рать должна была постепенно подниматься на высокое плато. А как объяснить сообщение «Сказания...» о том, что татарские трупы лежали в лесах и по обим берегам Непрядвы? Как объяснить, что в лесу был найден полуживым Дмитрий Донской, что в Непрядве тонули татарские всадники? Значит, битва разыгралась на обоих берегах реки и не только «на траве-ковыле», но и в дубравах?

Драматично состояние воинов Засадного полка, наблюдавших за сражением из Зеленой дубравы, но до поры не имевших приказа прийти на помощь собратьям. Тульские краеведы прошлого века определили место Зеленой дубравы — но поля не видно и оттуда... Они же рисуют фронт войск протяженностью в 4, максимум в 6 километров и утверждают, что Мамай был вынужден атаковать его в лоб, так как не смог обойти с флангов. Но неужто это было так трудно? В районе мемориала вы не встретите ни обрывистых оврагов, ни дремучих лесов, ни болот и сколько-нибудь широких речек. Правда, можно утверждать, что таковые были раньше. Да и Дон, который в районе мемориала ныне легко перейти вброд, был якобы полноводнее — иначе зачем надо было строить мосты, к которым так рвался Мамай?

Насколько верно, что русские князья боялись переходить Дон, и зачем они все же отказались от этой удобной позиции, вывели полки в чистое поле, под удар степной конницы? Впрямь ли огромная сила, «какой не бывало прежде на Руси», боялась дружины Олега Рязанского, и верно ли, что Олег был изменником? Почему Мамай не соединился прежде с Ягайлой, стоявшим у него за спиной, в одном переходе от Непрядвы? Зачем Мамай резко свер-

нул с прямого пути на Москву и пошел в землю «дружественного» князя Олега? Зачем Дмитрий с таким самопожертвованием защищал путь в княжество «изменника»? Верно ли, что он поменялся доспехом с приближенным, если доспехи делались точно по фигуре и тщательно подгонялись к ней? А монах Пересвет — действительно ли он стал первым русским, обagrившим своей кровью ковыль на Куликовом поле? Он, несомненно, лицо реальное и несомненный герой битвы, но позволить усомниться в реальности поединка, о котором говорит «Сказание...». Более ранняя и потому более достоверная «Задонщина» упоминает подвиги Пересвета в разгаре сражения: «Поскакивает Пересвет на своем борзом коне, золотым доспехом посвечивает, а уже многие лежат посечены у Доне великого на берегу». Мало того, что богатырь еще жив, «Задонщина», в отличие от позднейшей повести, рисует его не в монашеском одеянии, а в дорогах, едва ли не княжеских латах.

Да и имел ли смысл поединок богатырей в случае, если фронт сражения составлял несколько километров (по некоторым летописным данным — 18 верст), и отдельные полки не могли видеть друг друга?

Но если подвергаются сомнению и даже рушатся мифы, то что же конкретного мы можем сказать о Куликовской битве и Куликовом поле? Кажется, великое сражение все сильнее покрывается туманом. И без того загадочное, оно становится все более нечетким: исчезает наглядность истории, и возникает опасение, что исчезнет и наше трепетное отношение к прошлому.

Но есть плодотворные сомнения, особенно, если они ведут не к голому отрицанию, а к новой кропотливой работе по выяснению истины. Официальные торжества в честь 600-летия битвы не означали конца археологических работ на Куликовом поле. Оставив надежду возить реликвии машинами, ученые взялись за систематическое изучение не только местности у мемориала, но и так называемого Большого Куликова поля.

Большое Куликово поле — термин довольно условный. В отличие от «малого», то есть «нечаевского» поля, под ним понимают верховья Дона от истока до границы Тульской области и бассейн его притоков: Непрядвы, Смолки, Таболы, Рыхотки, Курцы... В определенной мере оно соответствует историческому Куликову полю, ибо так в позднее средневековье называлось большое пространство, занимающее едва ли не половину современной Тульской области. К слову сказать, это выясни-

лось уже в наше время — Нечаев об этом ничего не знал.

В XVI—XVII веках под Куликовым полем понималась окруженная со всех сторон лесами лесостепь, с чем, возможно, и связано его название. Во всяком случае, кулигой в ту пору называли покос, поляну, кустарниковые заросли, откуда и Кулишки в Москве, и улица Большая Кулига в Туле, и многочисленные Куликовки, по одной из которых Нечаев определил находящееся ныне под сомнением место битвы.

Большое Куликово поле — это самые северные в мире участки ковыльной степи, перемежаемой зарослями степной вишни, дрока и других кустарников, разрезанными дубравами, малыми речками, поросшими ивняком и зелеными лощинами. Все вместе создает мягкий волшебный ландшафт, быстро меняющий характер при продвижении на все четыре стороны — в северные и западные леса, рязанские болота или, через лесные массивы Красивой Мечи, в южную степь.

Когда осенью 1380 года русские полки без труда перешли маловодный Дон, гидрологический режим которого, как ныне установлено, соответствовал современному, и начали продвигаться правобережьем, то есть Куликовым полем — они попали в непривычный для большинства воинов ландшафт. Конные отряды без затруднений проезжали злешние перелески и при необходимости могли укрыться в тени вековых дубов. Места были сухими, но и водоемы попадались достаточно. Несомненно, ополченцы из северных земель дивились местным черноземам, подходящим здесь ближе всех к Москве. После низменного переувлажненного рязанского берега эти места казались особенно просторными и привольными. Несомненно, на поле во множестве водились волки и лисицы, гуси и лебеди, упоминаемые в «Сказании...». Водились также тарпаны, косули, заходили сюда и сайгаки.

Как выстроились полки, и где произошло сражение? Ответ на этот вопрос могут дать только находки реликвий 1380 года и особенно — братских могил. Увы, их пока не найдено. Не отвергнута полностью нечаевская версия. Нельзя исключить и северный берег Непрядвы близ ее устья. А может, войска Дмитрия вышли на водораздел, соединивший Степь с окскими переправами, и преградили врагу дорогу где-то в верховьях Непрядвы? Эта версия помогает объяснить некоторые неувязки в традиционных описаниях похода и битвы, в частности — невозможность Мамаю соединиться с Ягайлой.

Как говорят злые языки, чем боль-

ше археологи копают на Куликовом поле, тем более они закапывают нечаевскую версию. Но научные работы идут и за пределами Малого Куликова поля, однако и там не найдены следы битвы. Торопиться с выводами не стоит. Главное в другом: юбилейные торжества дали толчок к тщательному, многостороннему исследованию этой местности, и результаты работ представляют огромный интерес даже вне связи с проблемой Куликовской битвы. Это — первый опыт изучения большого региона на всем протяжении его истории, опыт реконструкции ландшафта в разные эпохи и в связи с хозяйственной деятельностью человека. Впервые комплексно изучен регион расселения древнерусского сельского населения. Усилиями специалистов различных институтов и ГИМа установлены состав флоры и гидрологический режим на реках, составлены почвенные карты, выявлены поселения, древние дороги не только четырнадцатого века, но и других эпох за последние десять тысяч лет. Сейчас Куликово поле представляет собой район, изученный наиболее полно и всесторонне, он же стал полигоном для испытания новых методов в археологии и смежных с нею науках. Имея уже представление о древнерусских городах, мы можем теперь ответить на вопрос: какой же была древнерусская провинция, как жила основная часть населения Руси, как менялся из века в век средне-русский пейзаж, как воздействовал на него человек и как климатические изменения воздействовали на хозяйственную деятельность и культуру человека.

Человек впервые появился на Большом Куликовом поле по крайней мере в эпоху мезолита, 7—8 тысячелетий назад. Этим временем датируются стоянки, обнаруженные прямо в районе мемориала, на речке Смолке.

Древнейшая керамика, найденная в этих местах, относится к гребенчато-накольчатому типу и имеет возраст 6300—6400 лет, что соответствует началу неолита на Русской равнине. На рубеже 4—3 тысячелетий до нашей эры ее сменяет ямочно-гребенчатая керамика, которую принято связывать с обширным кругом финно-угорских племен, расселявшихся в лесной зоне от Урала до Балтийского моря.

Верховья Дона никогда в полном смысле не относились к таежной зоне. Здесь на протяжении последних ста веков пролегла своеобразная буферная зона между лесом и степью, которые периодически наступали друг на друга и отступали, оставляя реликтовые виды флоры. Так же периодически наступали и отступали «привязанные» к определенным ландшафтам древние племена.

Сегодня мы имеем несколько

ландшафтных карт местности для разных эпох, в том числе и для неолита. В ту пору основную часть района занимали участки сухой, отчасти полевой степи. Для них были характерны также клевер, иван-чай, шалфей, лютики, ковыль и многие другие виды, составляющие разнотравье. Многие из них сохранились до нашего времени, как бы подчеркивая собой реликтовый характер Куликова поля. Лесов было мало, и основную породу в них составлял не дуб, как ныне, а береза. Поймы рек зеленели ольхой и влажнолюбивыми травами. Около 6 тысяч лет назад, во время увлажнения Куликова поля, на нем появилась ель.

Деятельность охотников и рыболовов еще не могла существенно преобразить этот растительный мир. Но в почвенных пластах, сформировавшихся в ту пору, уже присутствует пыльного крапивы — спутника человеческого жилья, свидетельство того, что естественный травяной покров был местами нарушен.

Земледелие пришло на Куликово поле около 5200 лет назад. С тех пор земледельцы не раз отступали из этой лесостепной зоны, уступая насиженные места скотоводам, и вновь возвращались к берегам Непрядвы. В этом немалую роль играли периодические длительные засухи и соответствующие изменения растительного мира.

Около четырех тысяч лет назад здешние степи несколько увлажнились. Стало меньше полей и больше ковыля, шире распространилась луговая растительность. В соответствующих пластах появляется пыльца белой маии — сорняка, распространяемого с навозом животных, а также щавеля и васильков — растений, не поедаемых скотом и поэтому распространявшихся на интенсивно используемых выпасах. Это — явное свидетельство широкого развития скотоводства, которое впервые стало заметно влиять на ландшафт лесостепи.

Эпоха скотоводства на Куликовом поле длилась долго, в чем ей способствовало прогрессирующее усыхание лесостепи. Падает уровень воды в реках, пересыхают озера, и рыболовство перестает играть былую роль. Во втором тысячелетии до нашей эры южные степи подвергаются катастрофической засухе, и кочевники начинают переселения в северные, более холодные, но и более влажные районы. Но и само Куликово поле страдает от засухи. Между XV веком до нашей эры и X веком нашей эры усыхание достигает такой степени, что при половодьях Непрядва перестает заливать прибрежные луга, и накопление пойменных почв прекращается. А значит появляется провал в «пыльцовой летописи».

Правда, еще есть надежда отыскать где-либо другой разрез и про-

следить по нему изменения растительного мира, если только такой разрез есть в непосредственной близости от Куликова поля. Дальние разрезы в расчет брать не приходится: пыльца многих растений распространяется по воздуху не более чем на несколько километров.

Пока пыльцы этого периода нет, но археологические материалы свидетельствуют, что поле продолжало находиться во власти скотоводов, принадлежавших к кругу степных культур. В это же время по соседству, на Красивой Мече, зафиксировано наличие земледельческих поселений городищевой культуры, носителями которой были финно-угры. Отмечено и взаимодействие лесных и степных культур, ассимиляция их носителей.

Во второй половине первого тысячелетия нашей эры в верховьях Дона расселяются славянские племена. В XI веке наблюдается резкий подъем пашенного земледелия, говорящий об увеличении плотности населения и росте его культуры. В эту пору Большое Куликово поле становится типичным сельскохозяйственным районом Руси, ныне наиболее полно изученным археологически.

К тринадцатому веку плотность населения здесь увеличивается настолько, что крестьяне начинают переходить с легких пойменных почв на водораздельные черноземы. Для распашки степи требовался тяжелый плуг и мощная животная тяга. Этим периодом датируются четыре таких «степных» поселения на Смолке, близ мемориала, в том самом месте, где, по версии Нечаева, был центр Куликовского сражения. Если это так, то бой кипел прямо на бывших пашнях и заросших травой руинах русских деревушек.

С учетом исторических свидетельств история первой русской колонизации Большого Куликова поля выглядит ныне следующим образом. Расселившиеся здесь вятичи не создали собственного государства и постепенно вошли в состав соседних княжеств. Куликово поле вначале граничило с владениями удельного города Пронска, подчиненного Великому княжеству Рязанскому. Пронск постепенно расширял свои границы на юго-запад и к концу XI века прикрывал со стороны Куликова поля полукольцом городищ-убежищ, близ которых находились большие села, игравшие роль волостных центров. Каждое село, в свою очередь, было центром целого гнезда малых поселений — хуторов и выселок, если вернуться позднейшим языком.

Нет сомнений: такие радиальные системы крепостей, создание стройной инфраструктуры, требовавшие организации и больших затрат средств и сил, были не самостоятельностью кре-

стьян, а результатом целенаправленной государственной политики.

На рубеже XII—XIII веков пронские князья создают новую линию укреплений, захватившую и Куликово поле. Это — та же система больших сел, стоявших под охраной крепостей, и гнезд малых поселений. Видимо, такое продвижение на юг связано с рядом побед над половцами, в том числе и на Дону. Именно в этот период резко увеличивается население Куликова поля, причем переселенцы приносят туда сложившиеся земледельческие и ремесленные навыки, они оказываются способными снабжать северные области выращенным на плодородных почвах хлебом и одновременно — оттаивать свою землю от возможной опасности с юга.

Несколько позже население расширившегося княжества выходит на новый рубеж — на Красивую Мечу, южнее которой наличие городищ-убежищ не отмечено, хотя открытые селища присутствуют. Можно считать, что упорядоченная государственная структура Рязанского княжества и его Пронского удела оканчивалась на Красивой Мече, за которой, по данным позднейших авторов, кончалось и Куликово поле и начинались половецкие земли. Отметим попутно, что Куликовская битва в таком случае произошла на земле Великого княжества Рязанского, хотя бы к тому времени население и покинуло эти места. Между прочим, пронский князь принимал участие в битве.

Планомерное освоение южных черноземов, передвижение укрепленной границы в сторону степи шли параллельно и в связи с борьбой против тогдашних врагов земледелия — половец. Городища на Верхнем Дону и его притоках — ровесники «Слова о полку Игореве», целого ряда походов в степь, совершенных князьями с целью обезопасить свои отчины и решить проблему относительной перенаселенности, а также увеличить продажу хлеба Новгороду и другим северным землям, где летописи периодически фиксируют «глад и мор велик».

Всё это звено одной цепи — одной глубоко продуманной политики. В этой связи вряд ли уместны рассуждения о грабительских целях походов типа Игоревы. В сущности, древнерусские князья еще в домонгольскую эпоху решали те же проблемы, которые были вынуждены решать московские цари 16—17 веков: перекрывали пути из Степи городами, населяли «украины» и по-прежнему цивилизовали и распаивали «Дикое поле».

Эта стратегия была вполне успешной, и экстраполируя ее в будущее, можно было ожидать, что вскоре русские княжества достигли бы тех

же целей, которых достигли впоследствии цари, сломившие силу Золотой Орды и Крымского ханства, заселившие черноземную степь, вышедшие на торговые пути, обезопасившие страну с юга, стремительно увеличившие население и его благосостояние. То есть по ряду характеристик Русь к XIV веку могла бы достигнуть тех же результатов, которых она с огромным трудом достигла к XVI и даже к XVII векам.

Но этого не произошло: в глубинах Азии уже зрели силы, готовые перевернуть весь мир и отобрать Русь на двести лет назад. Орды Батые, пройдя насквозь Пронское княжество, разгромили важнейшие центры обороны, управления и ремесел. На Куликовом поле ордынские отряды в то время, видимо, не появлялись, но нашествие трагическим образом сказалось и на жизни этого региона.

В научной и особенно популярной литературе особо подчеркивается дикий, «ковыльный» характер местности, на которой в 1380 году развернулась решающая битва за возрождение Руси, где, по выражению историка В. О. Ключевского, родилось Московское государство. До 1980 года считалось, что эти места запустели при Батые настолько, что там вообще не появлялись русские. Но это — еще один исторический миф, ныне развеянный благодаря трудам комплексной экспедиции. Ковыль в бассейне Верхнего Дона, несомненно, рос — но он растет там и ныне, хоть и не на таких площадях. Сам по себе ковыль — вовсе не свидетельство незаселенности местности. Истина состоит в том, что с нашествием Батые Большое Куликово поле вовсе не запустело.

Многие села и деревни продолжали существовать и во второй половине XIII, и в первой половине XIV веков. Причем археологические находки говорят о том, что они даже не пришли в упадок. Среди этих находок есть такие, которые до недавнего времени считались бы почти невероятными для глухой, удаленной от больших городов сельской глубинки, граничившей к тому же с владениями Орды. Скажем, серебряные украшения, монеты — свидетельство товарообмена, или меч — дорогостоящее оружие, принадлежавшее мужику-хлеборобу.

В то же время все городища-убежища, в которых население могло бы отсиживаться и обороняться в случае опасности, были в середине XIII века разрушены, их деревянные постройки — сожжены и разобраны. Однако никаких следов штурма или осады не найдено. Создается впечатление, что крепости в достаточно спокойной обстановке уничтожило само население. Почему? Конечно, не

по своей воле. Есть исторические сведения о том, что к этому русских людей вынуждала Орда. После разгрома Пронска, Рязани, Коломны и других главных центров общерусской обороны крестьяне были вынуждены пойти на это, и открытые села стали полностью беззащитны перед врагом. Так была уничтожена — в интересах завоевателей — создававшаяся десятилетиями эшелонированная оборонительная система. Но села продолжали существовать, вести торговлю, заниматься ремеслами и, главное, сеять хлеб.

Однако эта жизнь на опасной границе не укладывается в простую схему. Местные крестьяне, кузнецы и гончары продавали хлеб и принимали участие в транзитной торговле, тем более что жили они на великой транспортной артерии — в междуречье Оки и Дона, а также на самом Дону. Но лопата археолога вскрыла и наспех похорошенные, а иногда и просто брошенные без погребения скелеты убитых людей, и остатки сожженных строений — свидетельства драматических сцен, разыгравшихся на Куликовом поле еще до того, как Русь дала решительный бой Орде. Жизнь здесь не была спокойной. И все же население цеплялось за этот плодородный район, стремилось отстоять его и не уходило с куликовских ковылей по крайней мере полтора века после Батыева нашествия. Это были неизвестные герои Куликова поля, не подозревавшие, что на их могилы придут новые герои, чтобы дать новый отпор врагам.

В результате работ археологов, палеоботаников, гидрологов, почвоведов и других специалистов в наших глазах резко возросла роль сельского населения в ремесленничестве, торговле, обороне. Порушен миф о замкнутости натурального хозяйства при феодализме. Усложнились представления о взаимоотношениях Руси с Ордой. Развенчана легенда о стихийности расселения русского этноса в ту эпоху и об аморфной структуре его расселения.

Картина спрятанных в лесах и болотах, беспорядочно торчащих там и сям деревенок, где на медведя и супостата ходят в лучшем случае с рогатиной, а сержы девушкам дарят в лучшем случае из меди, сменилось картой радиальных или приуроченных к рекам оборонительных полос, состоявших из крепостей, сельских ремесленнических центров, откуда совершался «выход на хутора». Имелась налаженная сеть дорог и пристаней, мастерских, сторожевых пунктов, ярмарок, действовала эффективная связь от центра к периферии и от периферии к центру. Можно

ли удивляться теперь, что в несколько дней Дмитрий Донской собрал «небывалую силу» — а ведь в эту «силу» вошли воины и ополченцы из Московских, Ростовских, Ярославских, Псковских, Елецких, Пронских, Белоозерских и многих других земель, каждая из которых была равна европейскому государству!

Встречали ли эту рать местные жители, куликовцы, «пересидевшие» злогорькое ордынское иго на самом краешке степи? Судя по археологическим данным, некоторые поселения на Большом Куликовом поле и даже непосредственно близ мемориала дожили приблизительно до эпохи Куликовской битвы. Скорее всего, временем запустения поля следует считать 1370-е годы. В это десятилетие на рязанских рубежах шла почти непрерывная война с Ордой, кульминационным событием которой и стала Куликовская битва. Видимо, в эту пору жизнь на краешке черноземов стала невыносимой. Однако не исключено, что какие-то поселения еще сохранялись и окончательно исчезли уже после битвы.

В любом случае можно почти с полной уверенностью утверждать, что на рязанской стороне Дона Дмитрия Донского встретили люди, хорошо помнявшие бассейн Непрядвы и способные послужить информаторами и проводниками.

Память о былой заселенности этих мест сохранялась долго. Об этом, в частности, свидетельствует писатель Игнатий Смолянин, сопровождавший в 1389 году в Царьград кандидата в митрополиты Пимена. Он описывает верховья Дона как запустевшую местность, где в прошлом стояли многие села и города.

Но показательно, что, пройдя по краю Куликова поля, едва ли не по «нечаевскому» месту сражения, он ни словом не упоминает о недавней великой битве. Пимен не останавливается на месте сражения, не служит молебн над еще свежими могилами, в часовой, срубленной, по преданию, из дубов Зеленой дубравы, мимо которой проезжало посольство. А ведь Игнатий очень подробно описывает путешествие, касаясь куда менее значительных деталей. В чем дело? Не в том ли, что место сражения лежало в стороне от Дона? Может, этим и объясняется тот факт, что источники ничего не говорят о его недавней заселенности, рисуют его как дикую ковыльную степь, перемежаемую безлюдными лесами?

По данным тульского архивиста Н. К. Фомина, проанализировавшего писцовые книги XVI века, постоянного населения на Большом Куликовом поле не было приблизительно до 1570 года. Последнее татарское нашествие на образованный при Иване Грозном Елифанский уезд произошло в 1659 году. И только после этого местность стала вполне без-

опасной от набегов. С этого времени здесь вновь возрастает плотность населения, и это сразу же сказывается на состоянии ландшафта. Но еще в XVIII веке в бассейне Верхнего Дона сохранились обширные участки северной ковыльной степи, встречались сайгаки и тарпаны, а дрофы водились здесь даже в начале нашего столетия.

«Пыльцовая летопись», не противореча археологическим материалам и письменным источникам, показывает запустение Куликова поля между концом XIV — началом XVII веков и резкое преобладание пыльцы зерновых культур после этого периода. Одновременно резко увеличивается снос плодородной почвы на пойму Непрядвы. Подумать только: за три последних века наслоения в пойме составили три метра — столько же, сколько за несколько предыдущих тысячелетий! Это — следствие сплошной распашки, в том числе и на склонах долины. Началась интенсивная вырубка лесов, стал беднее видовой состав трав, ковыль сохранился на крохотных участках по склонам балок...

Вопрос о сохранности биоценоза Куликова поля стоит даже вне связи с его историческим прошлым. Эта местность сама по себе уникальна как исток великого Дона, самый северный участок Степи, южная граница лесов, и к тому же она, как никакая другая, изучена в палеографическом плане.

Разумеется, ход истории необратим, и о полной реконструкции древнего ландшафта речи идти не может. Но максимальное приближение к такому не только возможно — оно может быть достигнуто без особых затрат и усилий. В сущности, это даже не финансовая или экономическая, а, в основном, административная проблема.

Защита перелесков и берегов рек — задача, которую надо решать в любом случае. Возобновление некоторых дубрав на прежних местах тоже очень желательно даже вне связи с вопросом музеефикации «нечаевского» поля. В ряде мест было бы желательно расширить площади, занятые ковылем. И здесь нет особых проблем: просто надо вывести из севооборота наиболее эродированные склоны балок, распашка которых является грубым нарушением правил природопользования. Пересадки степной дернины с ковылем с рязанской стороны Дона, где он сохранился лучше, уже производились и дали обнадеживающий результат. Их технология проста: под руководством специалистов это делали местные школьники. А в дальнейшем ковыль будет распространяться с пересаженных участков дернины на соседние почвы и вновь украсит легендарное поле.

А в некоторых случаях природа

берет свое даже без помощи человека, даже вопреки его неразумной деятельности. Тут важно только одно: чтобы такая деятельность была, наконец, прекращена. Прекрасный пример — район мемориала, где вокруг памятника Дмитрию Донскому сохранился клочок степной целины площадью около пяти гектаров. Он был едва ли не главной достопримечательностью поля, вызывая восторг своим душистым разнотравьем и давая представление о былом биоценозе, внушая ощущение подлинности памятного места. К 600-летию битвы здесь подсыпали чернозема и посеяли газонную траву, а чтобы по газону не ходили, проложили дорожки с твердым покрытием. Но ныне у подножия памятника вновь царит разнотравье: колокольчики, лютики, чабрец, цикорий. И слава Богу! Ведь не на «агличком газоне» и не на асфальте «русская рать, как трава скошенная, лежала». «Дикая степь» берет свое, и вряд ли этот факт кого-то огорчит.

Наконец — но тут уже без административных решений не обойтись — следовало бы перепрофилировать местные зерновые хозяйства на производство семян кормовых трав. Это принесло бы им большие доходы, позволило бы решить проблему кормов, остро стоящую в Тульской области, и одновременно приблизило бы биоценоз заповедного поля к естественному. А все меры в сумме вернули бы полю почти тот же ландшафт, который существовал до начала его интенсивного освоения человеком. Таково предложение ученых, и думается, что это было бы прекрасным опытом сочетания хозяйственных, экологических и культурных интересов.

Проблема поля имеет еще один аспект. Километрах в 25 от мемориала стоит поразительный памятник средневекового градостроительства — волшебная и неповторимая Епифань. Основанная первоначально при первой колонизации Большого Куликова поля, а повторно при Иване Грозном, она в советское время утратила статус города и стала перспективным поселком. А между тем в Епифани — увы, в бесхозном состоянии — стоят и разрушаются восхитительная Успенская церковь XVII века, величественный Никольский собор, надвратная башня-храм, другие памятники архитектуры.

По мнению ученых и общественности, именно этот сказочный город должен стать опорным центром будущего ландшафтно-исторического заповедника «Куликово поле», тем более, что в самой заповедной зоне строительство гостиниц, кемпингов, ресторанов совершенно недопустимо. Здесь, в Епифани, следует разместить и панораму «Куликовская битва», работу над которой надо начать, конечно, после того, как будет

установлен природный фон сражения, то есть точно определено его место в пределах Большого Куликова поля. Лучшее здание для панорамы — тот же Никольский собор, который сами епифанцы согласны сравнить только с ленинградским Исаакием.

К нашей чести, планы относительного музеефикации Куликова поля разрабатываются не в тайне от населения. Ежегодно участники комплексной экспедиции отчитываются в Туле перед общественностью о проделанной работе. Многие студенты и школьники участвуют в раскопках, многие энтузиасты погружены ныне в куликовские проблемы. И каждый год, начиная с 600-летия битвы, у мемориала проходят народные праздники. Понемногу собирается экспозиция для второго куликовского музея, который будет открыт в отреставрированной церкви села Монастырщина, близ слияния Непрядвы с Доном, среди выявленных экспедицией древнерусских поселений.

Сегодня Большое Куликово поле выступает как грандиозный природно-исторический объект, где подлежат охране все: верховья тихого Дона и малые реки, более 130 древнерусских и множество иных поселений, курганов, могильников, стоянок, городищ, старинные церкви, участки реликтовой степи и реликтовые для этой зоны хвойные леса, лиственные перелески, геологические разрезы, болота, древние дороги и переправы, топонимы, птицы, звери, насекомые, камни-следовики, старые усадьбы, парки и сады, священные источники, броды и омуты, старые хозяйственные постройки и планировка населенных пунктов.

Сохранить Куликово поле — значит сохранить Дон, а с ним и Азовское море. Сохранить знаменитые дубравы средней полосы России. Сохранить ковыль-траву и вместе с нею сохранить народное уважение к минувшему. Вспомним еще раз: Московское государство родилось на поле Куликовом. Но его значение не только в прошлом — оно и в будущем тоже.

МОЙ ДРУГ - ФАНТАСТИКА

Сегодня мы, откликнувшись на многочисленные просьбы наших читателей, даем хотя и не большой, но самостоятельный материал о давнем авторе «Уральского следопыта» — художнике Евгении Ивановне Стерлиговой.

«Здравствуйте! Я пишу через редакцию «Уральского следопыта», потому что Вы мой самый любимый художник-иллюстратор», — писал еще в 1982 году Дима Бавильский — школьник из Челябинска.

«...В вашем журнале часто, особенно под рубрикой «Мой друг — фантастика», печатаются рисунки художника Е. Стерлиговой. На меня лично эти рисунки производят очень большое впечатление, можно сказать, поражают своим мастерством, фантазией. Их сразу отличишь от работ других художников. Очень бы хотелось узнать о самом художнике», — просит нас двадцатипятилетний рабочий Башмаков из Горьковской области.

Наконец позвольте привести отрывок из письма старейшины советских фантастов Евгения Брандиса к писателю Сергею Другалю: «Я давний и неприменный поклонник Стерлиговой. Талант ее узнаваем — можно взглянуть на любую иллюстрацию, не зная, кто выполнил, и сразу отличишь ее манеру, ее легкий, изящный, романтический штрих. Особенно хороши ее рисунки к повестям Крапивина. Тут я нахожу полную гармонию художественного видения обоих».

Письма, письма, письма... Их, писем подобного рода, много получала и получает редакция. Многие наши адресаты обращают внимание на талантливое проникновение художницы в ребячий мир, живущий полнокровно на страницах книг Владислава Крапивина. Замечание верное, но не до конца. Думается, причина этого имеет свои корни в нашей жизни и заключается в неустроенности и непредсказуемости творческого бытия художника, которым командуют, которого признают или не признают по прихоти лиц, вольных распоряжаться издательскими заказами.

На предлагаемой вниманию читателя вкладке опубликованы рисунки Евгении Стерлиговой к «Заповеднику гоблинов» К. Саймака; в папках Евгении Ивановны лежат многочисленные иллюстрации к произведениям братьев Стругацких, а писатели чаще печатаются в других изданиях, да и иностранную фантастику «Следопыт» не берет, вот и лежат рисунки, ждут своего зрителя и часа, но дождутся ли?

Да, художница реже появляется на страницах даже «своего» журнала. Чаще предлагают свои работы ее ученики (она преподает на кафедре рисунка в Свердловском архитектурном институте), и если кто-то спросит: «Почему реже?», можно ответить однозначно: Евгения Стерлигова всегда относится очень строго к своей работе, не позволяет себе скороспелых рисунков. Со временем ее требовательность к себе стала гораздо жестче; она дольше, скрупулезнее работает над каждой иллюстрацией. Преподавание в САИ дает финансовую независимость и возможность не спешить в своем творчестве художника-графика. Не будем сбрасывать со счетов и прочие интересы художницы. На экраны телевидения вышли мультфильмы «Все дело в шляпе», «Лето в Мумидоле», «В Мумидол приходит осень», созданные по ее рисункам.

Рисунки Стерлиговой действительно изящны и филигранны. Да, они имеют ювелирную отточенность и завершенность, и этому сопутствует желание рассматривать их, вглядываться в дета-

Иллюстрации к повестям В. Крапивина «Вечный жемчуг» и «В ночь большого прилива»

Окончание на стр. 57

АНОМАЛИЯ

Сергей
КАЗАНЦЕВ

Почти фантастический рассказ о поисках инопланетян в пермской Зоне и в самом себе

«Если бога нет, его следовало бы выдумать». Мы стали столько говорить об инопланетянах, что они просто обязаны были появиться.

«Неважно, откуда они прибыли, зачем прибыли, почему так недолго пробыли и куда девались потом».
А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине»

Я верю в инопланетян. Вера моя зиждется на научной основе, корнями уходящей в древние века. Сегодня меня не сожгут на костре, как Джордано Бруно, за упрямое утверждение о множественности обитаемых миров во Вселенной, и даже строгая цензура уж полгода как перестала вычеркивать строки, подобные этим. Сейчас меня меньше смущает известный меморандум академика Шкловского, 13 лет назад не только меня огорчивший безмерно. Пионер научного подхода в СССР к проблеме поиска внеземных цивилизаций (первое издание его книги «Вселенная, жизнь, разум» вышло в 1962 году) — И. С. Шкловский заявил, что мы, земляне, практически одиноки если не в обозримой части Вселенной, то по меньшей мере в нашей Галактике. Аргументы его отказа от собственной же теории просты: 1) мы давно бы заметили обитаемые планеты, ведь даже технически слабо развитая Земля бытовым телевидением излучает ультракоротких волн больше, чем Солнце, т.е. очень громко кричит в космос о своем существовании; 2) по той же причине ОНИ давно бы уже нас нашли... Как жаль, что Иосиф Самуилович не дожил до нынешних дней!

На Западе настроены более оптимистически, выводя по формуле Дрейка немалые вероятные количества обитаемых миров даже в рамках нашей Галактики: от одного до пятисот миллионов. Правда, в формуле Дрейка есть хитрый коэффициент: время жизни цивилизации. Если все инопланетяне ведут такой же самоубийственный образ жизни, как мы, — уцелевший разум обнаружится едва ли на десятке планет среди 400 миллиардов звезд нашей Галактики...

Кстати, их не так-то просто обнаружить. Излучений в космосе полно — поди-ка докажи, искусственное оно или естественное. А может, то же телевидение на других планетах просто-напросто работает в ином диапазоне. Современная программа SETI (поиск внеземного разума) первым шагом к объективным доказательствам считает наличие у какой-либо звезды планетной системы. Если есть планеты, на одной из них возможен разум. Нет планет — где ж ему разместиться? (Я думаю, не слишком ли это антропоцентрический подход? Вдруг разум способен базироваться в энергетических полях — значит в огненном аде звезды или в ледяной пустоте открытого космического пространства). Так или иначе, но астрономы ищут прежде всего планеты. И надо же! — американский спутник IRAS, работающий в инфракрасном диапазоне, нашел (вероятно) систему планет у... Веги — давно известной, близкой звезды, на которую искали внеземных цивилизаций никогда бы не подумали! Подумали — как часто бывает — другие: в своей «Туманности Андромеды» И. А. Ефремов направил экспедицию землян именно к Веге. Еаликое предвидение великого ученого и фантаста!

К программе SETI не очень охотно подключаются ученые СССР. В Специальной астрофизической observa-

тории Академии наук, на самом большом в мире оптическом телескопе чуть ли не на общественных началах, самодеятельно трое энтузиастов — В. Ф. Шварцман, Г. М. Бескин и Е. Л. Ченцов исследовали 8 солнцеподобных звезд — ни-че-го... Отрицательный результат — тоже результат. Надо продолжать. Но оказывается, в обсерватории официально не утверждена ни одна тема, касающаяся поиска братьев по разуму...

И все-таки они существуют! Мы это знаем. Другой вопрос — знают ли они о нас?

Бум сообщений о НЛО — неопознанных летающих объектах — возобновился в последний год с новой силой. И не каждый пролет светящегося шара можно объяснить так, как, например, — я согласен — объясняет студент Дмитрий Киселев из Уфы наблюдавшееся 26 апреля 1989 года явление, о котором я рассказывал в «Уральском следопыте» (№ 10, 1989 г.). Доказательства убедительные, это действительно больше было похоже на работу второй ступени ракетоносителя, поднявшего в этот день с космодрома Плесецк советский спутник «Фотон».

Сообщения о прямых контактах с НЛО навами редко, но все же проникали в печать и раньше. Они встречали массовое недоверие. А сегодня — «весь мир сошел с ума, порвалась связь времен», и уж конечно, не мне ее восстановить. Хотя такой ажиотаж меня, к примеру, не удивляет. В смутные времена, когда прошлое черно, будущее туманно, а настоящее несет череду бед, испокон века на Руси поднималось повальное увлечение мистицизмом, не сдерживаемое властями, обрадованными тем, что народ самостоятельно находит какое-то забвение в этом проклятом замкнутом круге нерешаемых проблем. Вчера — «экстрасенс» Григорий Распутин и духи из загробного мира, сегодня контактеры и инопланетяне... Я к мистикам себя не отношу, тем не менее, начитавшись осенних публикаций латвийской газеты «Советская молодежь», движимый журналистским долгом, тоже ринулся в так называемую зону аномальных явлений в Пермской области, куда устремились толпы контактеров, экстрасенсов, корреспондентов и просто любопытствующих зевак. Организовал туда экспедицию и наш издательский кооператив «Свиток», собрав полтора десятка людей достаточно взрослых, серьезных и решительно настроенных, если не на разоблачение рижан, то, по меньшей мере, на добычу доказательства как земной, так и инопланетной версии.

— Вы, вероятно, имеете в виду сталкеров?
— Я не знаю, что это такое.
— Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти».

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине»

Я не собирался развенчать и опровергнуть рижанина П. Мухортова, и уж тем более — проверить его лавры на себя. Шел в Зону, повторяю, по долгу службы, твердо зная, что хотя инопланетяне существуют — где-то там, но их прибытие на Землю мало реально, ведь наша Солнечная система выброшена на задворки Галактики. И если бы ОНИ в самом деле когда-нибудь прилетели, то объявились бы торжественно, официально, с участием глав правительств и духовых оркестров. А тут...

«Они пришли без спроса — это раз. Они пришли тайно — это два. А раз так, то, значит, подразумевается, что они лучше нас знают, что нам надо, — это раз, и они заведомо уверены, что мы либо не поймем, либо не примем их целей, — это два. И я не знаю, как ты, а я не хочу этого. Не хо-чу!»

А. и Б. Стругацкие.

«Волны гасят ветер»

На том же «не хо-чу» базировался и мой великоземлянский скепсис. В Зоне он разбился на мелкие осколки, но они все-таки царапают душу. Наверно, боль от этих царапин будет прорываться в тоне моего рассказа, но я все же постараюсь объективно передать вам то, что видел, слышал и ощущал сам — там, в Зоне.

Итак, в близкую к новолунию темную ночь с 28-го на 29 сентября 1989 года я вошел в Зону вместе с собкором «Труда» Анатолием Джапаковым и редактором Свердловского телевидения Николаем Порсевым. Я встретил их в первый же день и, отколовшись от своей группы, присоединился к коллегам. С нами был водитель собкоровской «Волги» Рафик Алиев. Вчетвером, скользя на раскисшей грунтовой дороге, мы поднимались на небольшую возвышенность, охлестнутую причудливой петлей северной реки Сылвы. За рекой притихла пермская деревня Молебка. Где-то рядом незримо делила тайгу граница Свердловской и Пермской областей.

Чудас я не ждал. Да и рассказы моих спутников, находящихся в Зоне уже третьи сутки, не обещали массы впечатлений. Как старожилы, они шли уверенно в полной темноте, не включая фонариков. Я же цеплялся за порсевский рукав, ошалело глядявываясь в непонятное впереди. «Ничего, обыкновенно», — снисходительно утешали ребята. И я решил, что наконец-то начал адаптироваться, когда увидел, как рядом проявляются из черноты спина и плечи моего поводыря. Неладное заподозрил, когда сообразил, что лишь боковым — атавистическим, охотничьим, острым — зрением улавливаю эту необычную оранжевую подсветку на выгоревшем серо-зеленом брезенте Колиной штормовки. Эту же подсветку — и тоже боковым зрением — Порсев обнаружил на моем синем полуальто. А Джапаков и Алиев, как ни вертели друг друга и нас, ничего не видели. Вот уже стало немножечко интересно: светит будто бы сзади кто-то красным фотофонарем, а оглянешься — чернота, даже звезд нет, небо с вечера облаками обложено. Позже специалисты предположили, что подобный эффект могла дать работа прибора ночного видения или лазера с красной накачкой. Но мы ходили, поворачивали в разных направлениях — подсветка не исчезала. Или в Зоне за каждым кустом сидит инопланетянин с инфракрасным прибором?! Паспорти мы. Но это позже, а пока...

Шли мы медленно, останавливаясь, обзвывая невидимые темные окрестности: вдруг что-нибудь блеснет? Блеснуло наверху, на плоской вершине лысой горушки: кусты, которые мы почти проскочили, осветились холодным белым, как люминесцентным, светом. Повернувшись к ним, мы замерли, чтобы не спугнуть. Мне показалось: образовался подукруглый экран. Ребята же, обладая более острым зрением (а я близорук), утверждали, что кусты как бы накрыл светящийся купол высотой чуть меньше человеческого роста и диаметром 4—5 метров. Через несколько секунд в куполе пролетели два ярко светящихся шарика величиной, может, с грецкий орех. Они летели со скоростью большей, чем полет насекомых, ловко лавируя среди ветвей, один за другим, как бы наперегонки. Цвет их был какой-то неестественный, неприятно желтый, вроде пищевого красителя для карамели. За ними тянулись короткие хвостики, тающие, как инверсионный след. Только они исчезли за правым краем купола, как вслед им, словно догоняя, по той же извилистой траектории проскочил третий такой же шарик. Немного погодя купол растаял, оставив множество мельчайших белых звездочек, будто светилась в кустах роса на паутине. Когда и они погасли, мы подошли и осмотрели кусты: сухие, голые вицы, ни паутины, ни изморози. Это не мог-

ли быть огни деревни, просвечивающие сквозь лес, — к Молебке надо повернуться более чем на 90 градусов.

Шагая дальше, мы все поглядывали на небо. Уж с полчаса как заметили примерно в середине небосклона туманно светящиеся столбы, или цилиндры. Я шепотом уверял ребят, что это звездные скопления в облачной дымке, — они не очень-то верили, потому что столбы стояли недвижимо и не меняли очертаний.

Пока они рассматривали и фотографировали эти столбы, я обернулся, проводя взглядом, как мы говорили, «по площади». И явственно увидел, как на той стороне пахотного поля, метрах в 100—120 от нас, по черному фону леса (лес ночью темнее неба) прошел светящийся «карандаш». Он как бы выпал из пуготы неба и со скоростью, меньшей, чем скорость падения, углубился, укорачиваясь, в землю. Был он белый, как из полированного алюминия, и реальным размером, учитывая расстояние, с телеграфный столб или ствол взрослого дерева. Последнее соображение заставило нас предположить, что кто-то там провел лучом фонаря по белому стволу березы. Пошли проверить. Прошли вдоль всей той лесной гряды туда и обратно — сплошной еловый густой колок, ни единой березы. Отошли метров на 50 — Порсев резко обернулся, уловив отблеск на ветвях. Он успел увидеть, как метровая (видимым размером) «алюминиевая» полоса наискосок циркнула по небу и по лесу и воткнулась в землю.

Те туманные столбы на небе все еще, вот уж часа полтора, раздражали наши взоры. Они стояли на том же месте, а рисунок созвездий (небо к тому времени очистилось) уже сдвинулся по отношению к ним. Порсев решил сфотографировать их с новой точки — мы двинулись по лесной дороге. Случайно он нажал кнопку фотовспышки. Нас ослепило. Попеняли Коле. А он сказал, что заметил ответную вспышку в лесу, в глубине, метрах в 10-ти от опушки, на высоте примерно середины стволов. Попробуем еще раз. По команде мы зажмурились, и через 4—5 секунд отсчета действительно увидели в указанном месте слабый блик. Так повторилось еще дважды. Идем к нему! С трудом продрались сквозь кусты, подобрались к опушке и... остановились. Потоптались, и Джапаков говорит: «А ну его! Пошли обратно». И мы ушли. Позже я допытывался у ребят: в чем дело? Может, испугались? Нет, страха не было. Просто расхотелось...

А самое необычайное ждало впереди. Вышли из леса. Алиев, обогнавший нас метра на два, остановился и предвещающе махнул рукой: «Внимание! Смотрите!» Мы на цыпочках скользнули к нему. На пашне перед нами, метрах в 80-ти, светились огоньки. Два — красный и зеленый, они как бы играли в «ляпки», гоняясь друг за другом мелкими скачками. Толя Джапаков торопливо зашептал: «Не двигайтесь, не делайте резких движений, сейчас они приблизятся!» Позже он объяснил свое предсказание. В предыдущую ночь он видел на этом же поле похожую игру белого шарика размером (видимым) с пятак. Попрыгав в собственное удовольствие, шарик двинулся в сторону замершего на дороге Джапакова, как бы заигрывая с ним: подскокит — отскокит. За это Толя обозвал его «кокеткой». Когда шагнул к нему, шарик ускакал.

И точно — наши «кокетки» побежали к нам! Впечатление такое, будто милые зверьки, не боясь людей, зазывали с ними поиграть. Смотреть на них было приятно и весело, как на расшалившихся котят.

Зеленая подскочила первой и остановилась метрах в 30-ти. Я рассматривал ее подробнее. Вблизи она показалась крупной виноградиной, словно выточенной из нефрита. Внутри будто светилась маленькая лампочка из елочной гирлянды. Она не освещала почву, я не видел бликов на комках земли. Остановившись, «кокетка» заиграла лучиками — короткими, широкими, треугольными, выдвигая их и пряча, как солнышко в мультифильме.

Порсев — у него зрение охотника, лесовика — позже описав обеих «кокеток» так: толстые диски-таблетки, наклоненные под углом 60° к плоскости поля; двигались скачками, не изменяя наклона, лицами-зеркальцами вперед.

Догнала свою подружку красная «кокетка». И — выбросила хвостик-кисточку. Широкий, с ладонь. И начала помахать им, как лисичка. От этих движений стало видно, что кисточка состоит из отдельных светящихся нитей, причем они вроде витые.

Со вздохом сожаления сегодня боюсь даже предположить, чем могло кончиться наше общение, если бы его так грубо не прервали. Справа в перелеске раздался треск сучьев. Там ломился кто-то, подсвечивая фонарем. Луч фонаря полоснул по полю. «Кокетки» в луче не погасли, но зеленая замерла, спрятав лучики, а красная, мгновенно вобрав в себя хвостик, прострельным движением, размазываясь от скорости в полосу, метнулась через дорогу, поперек нашего взгляда, в противоположный от фонаря конец поля, задержалась метрах в 50-ти и нервно заморгала, запульсировала. Зеленая же обычным прыжком перескочила дорогу и остановилась, как бы выжидая. Но луч второй раз полоснул по ней, и она таким же прострелом отлетела к красной, и они, обгоняя друг друга, длинными скачками убежали за край пашни, в лес.

Я никогда не слышал о шаровых молниях, которых можно запросто спугнуть, и для химического свечения на почве типа болотных огней их поведение было слишком осмысленным...

Это место — словно заколдовано. Позавчера здесь же Джапаков, Порсев и рижанин Петерис заметили светящееся оранжевое круглое пятно с черной полосой, диаметром метра полтора. Оно спокойно плавало по пашне. Петерис направился к нему, вступил в него. Он почувствовал как бы удар электротоком. Оставшиеся на дороге Анатолий и Николай увидели, как пятно отпрыгнуло из-под ног рижанина. А Петерис двинулся дальше. Пятно следовало за ним, потом погасло. Петерис вернулся. «Не догнал, — сокрушенно покачал он головой. — Выскочило вперед и не подпустило. Вперед? Но ребята-то ясно видели его за спиной рижанина».

Световые явления обнаруживались и днем. Джапаков с Порсевым, возвращаясь под ярким солнцем из деревни (ходили за хлебом), разглядели две вспышки: одну, сильную, над лесом, и сразу вторую, слабее, на фоне деревьев. Фотографу экспедиции «Свитка» Владимиру Кунину удалось днем же заснять светящийся шарик на ветке куста. На фотографии оказались еще два таких же шарика у корней соседнего куста.

Ночные чудеса продолжались. «Новичкам везет!» — сказали мои спутники-старожилы. Мы вернулись в первом часу ночи к нашему костру, заварили редкий нынче напиток — чай. Обхватив кружку обеими руками, чтоб согрелась пальцы, я, допивая нектар, запрокинул голову. И! — полетела кружка, звеня, я тыкал рукой вверх в безмолвном крике, горло перехватило. Мне показалось, будто ниже верхушек деревьев, окруживших нашу стоянку, над нами зависла какая-то плотная, огромная масса. Порсев прыгнул через костер, вскинул голову и ахнул. Через несколько секунд он, волнуясь, сказал: «Теперь я понимаю поговорку: «Небо с овчинку показалось!» Он увидел заполнившую почти весь проем между кронами деревьев темно-серую массу в виде многолучевой морской звезды или осьминога. Ощущение: вот сейчас обрушится, раздавит всех и всё — людей, костер, палатки. Но «звезда» стремительно рванулась вверх и, в мгновение превратившись в точку, исчезла в глубине небес.

Конечно же, мы предположили, что это дым от костра скопился между деревьев. Но как он сумел рассеяться со скоростью ракеты? Дым не ответил. Его просто не было. Перед нами спокойно потрескивала хорошо прогоревшая охотничья нодря. В прозрачной пелене над ней дрожали наши лица...

И «осьминог» меня не напугал. Давно разошлись по палаткам ребята, а я все сидел у потухающего костра, перебирая мысленно разные версии, высказанные сегодня моими коллегами и нашими друзьями-физиками, кандидатами наук, Александром Диченко и Василием Громовым. Как они спорили, Саша с Василием! Выдвигали теории, тут же опровергая друг друга. Так и не сумели найти

удовлетворившее бы обоих земное объяснение увиденному нами. Только на одном сошлись дружно: здесь, в Зоне, в первую очередь нужен психиатр. Забегая вперед, скажу, что и такие специалисты здесь появлялись, и... Чуть позже, а пока я ломаю голову над едва светящим костром, чернота лесной ночи придвинулась вплотную, но страх не приходит никак, будто я знаю, что меня кто-то оберегает...

(А вот на следующую ночь я с содроганием ощутил, что мне ни секунды более нельзя оставаться у костра. До палатки четыре шага — но не дойти. «Коля, проводи», — дрожащим голосом попросил я Порсева. Тот не удивился, в Зоне всякое возможно, отвел меня в палатку. Утром рассказал, что тут же его самого что-то с силой погнало скорее забиться в спальный мешок. Да что (или кто?) дергает нас, как за ниточки марионеток?!).

Однако замерз. Да и время к пяти подкатило. Дрожа (от холода, конечно), залезая в палатку, ажикаю застужкой-«молнией», забираюсь в спальный мешок. Нет, не заснуть. Колотун. Да и мозг перевозбужден. Закинув руки за голову, вперю взор в невидимый потолок, стараясь успокоиться. Глаза привыкают к темноте, вон уже и потолок палатки различаю. Что-то он слишком ярко высвечивается. Эге, видать, кто-то костер расщевелил, аж тени от ветвей просвечивают. Ветер ветви колышет. Тени танцуют на потолке, на обеих сторонах двускатной крыши нашей старенькой зеленой брезентушки. В хаотическом танце ветвей какое-то гипнотическое очарование. Мне хорошо. Мне очень хорошо. По ногам катится теплая волна, будто погружаюсь в горячую ванну. Засыпаю-аю...

А утром я спросил у непоседливых соседей, кому это взбрело в известную голову, которая ногам покою не дает, глубокой ночью взбадривать костер? Раскопегарили, аж ветки напросвет! «Стоп, стоп! — сказали мне с волнением. — А ну, рассказывай, что видел. Я рассказал. И мне сказали: «Поздравляем. Ты смотрел «кино». Правда, только начало». И объяснили, что за два дня до меня на этом месте ночевал Иван Гурин, редактор Чернушинской районной газеты из Пермской области. И он тоже увидел «веточный узор». Но в отличие от некоторых, — сказано было с укоризной, — разбудил соседей по палатке, и они тоже наблюдали. А когда на этом кадре первый фильм закончился, провели эксперимент: Джапаков с Алиевым снаружи освещали палатку фонарями, а Гурин изнутри кричал, что ни черта не видит. А если б и увидел, то что? — указали мне на дерево, под которым стоит палатка. Это пихта с широкими мохнатыми лапами, тени от которых совершенно не могли быть похожими на увиденный узор.

Что-то он мне напомнил, этот узор. Ветви пересекаются, а кончиков их не различить. Сеть узора дробится, усложняется... Уж не деление ли клеток мне показывали?..

Опомнись! Кто показывал?! Не знаю. Я-то опомнюсь, я больше ни одного кадра не видел, а вот Порсев смотрел «кино» трижды! В соседней палатке. Причем в первом «фильме» он видел улицы с непонятными строениями, потом наплывом четыре лица: три веселые, добродушные, а четвертое настолько искажено злостью, что на нем и выключилось. То же видел Саша Диченко. А потом оба они дважды посмотрели один и тот же «ролик»: «веточный узор» играет, дробится и превращается... в формулы. Все как положено: числитель, знаменатель и прямая линия деления между ними. Значки похожи на японские иероглифы или грузинское письмо. Причем Николай видел их серыми и объемными, как из пенопласта, а Саша — зелеными и плоскими. После формул на экране (именно на экране, на плоскости палаточной ткани, а не в воздухе, не в воображении) долго прорисовывалась схема какого-то механизма. Порсеву стало не интересно, и он уснул. (А я сказал ему: «Это не тебе стало интересно, а «киномеханики» поняли, что ты в этой схеме ничего не понимаешь, и выключили тебя».)

(Здесь будет кстати подчеркнуть, что мы, в отличие от

некоторых других групп в Зоне, в которые входили, и сожалению, корреспонденты, сообщившие затем в своих газетах, что не видели в Зоне ничего, — мы же за все дни не прикоснулись к спиртному, у нас его просто не было. Если все это померещилось нам на трезвую голову, значит все мы одновременно сошли с ума. Хотя... Почему, в таком случае, галлюцинации были у всех одинаковы? — ведь, как известно, каждый сходит с ума по-своему...

...Через день меня контузило. Вот уж этого я от Зоны не ожидал!

«А все-таки черт бы вас побрал, — сказал он пришельцам. — Не могли устроить свой пикник в другом месте. На Луне, например... Или на Марсе».

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине»

Ясным солнечным днем шли мы с Порсевым по лесной дороге, выбирая очередную ночной маршрут. Разговаривали на отвлеченные темы, что называется, «за жизнь». Резкий колющий удар в пальцы правой ноги был совершенно неожиданным. Ощущение такое, будто наступил босой ногой на оголенный электропровод под высоким напряжением. Я ойкнул. И с ходу проскочил это место. Решили вернуться. По обочине отсчитал десяток шагов и вновь зашлепал резиновыми своими сапогами по середине дороги. Удар повторился. Правда, уже слабее, может, потому, что я его ожидал. Остановился на этом месте и начал вести репортаж, вслух выговаривая то, что чувствовал. Одновременно записывал в блокнот. Смотрю сейчас на эту запись, и у самого мурашки по коже: пляшущие буквы несут воспоминания о той нестерпимой боли, почерк ломается — это пальцы отказывались подчиняться. «Пошло онемение левой голени, правой, поясницы, подгибаются колени... Онемение правого плеча. Подгибаются колени. Рука правая — токовая боль от кисти к локтю... Ломит виски... Давит в затылке... Боль в глазах...» — в этот момент я не выдержал, побоялся потерять сознание — и поковылял прочь. Боли в голове выключились сразу, а вот бедные мои кости ноют до сих пор... Но, может быть, мне даже повезло. Председатель Молебкинского сельсовета говорил, что им приходилось на руках выносить людей из проклятой речной петли — и своих, и пришлых.

Двум физикам из Карелии тоже, видимо, повезло. Среди белого дня они выломались из леса к палаткам моих коллег. Лица белые, губы серые, глаза пустые. «Я никогда не встречал людей в таком ужасе», — Толя Джалаков, вспоминая это, передергивает плечами. Ему уже были знакомы эти ребята — опытные туристы, один из них штурмовал Эльбрус... Они не смогли ничего объяснить, только просили проводить их до деревни. Пришлось чуть не за ручку довести их до брода. По дороге пытались успокоить, но карельцы твердили одно прыгающими губами: «Нет... нет... нет!» Через реку они бежали, не разбирая брода, словно спасаясь от гибели...

«...Прозрачная пустота, притаившаяся в тени ковша экскаватора, схватила его, вздернула в воздух и медленно, с натугой скрутила, как хозяйка скручивает бельё, выжимая воду».

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине»

На горушке есть странный вывал леса. В круге диаметром метров 50 деревья надломлены примерно на середине стволов. Вершины их легли веером, или «бабочкой». Там, где у бабочки спинка, т. е. в эпицентре удара, стоят несколько бывших осин. От них остались одни стволы, все ветви сорваны — с полосками коры, которые, как стрелки, указывают, что удар был сверху. Под горой река делает крутой поворот. Верящий в инопланетную версию легко может предположить, что какой-то летательный аппарат шел над рекой и внезапно из-за поворота наскочил на эту гору; чтобы не врезаться в нее, врубил форсаж двигателей, ударил их силой по деревьям. И взмыл вверх, очевидно, с доворотом — потому что с

краю вывала две толстые (меня не видно было из-за одного ствола) осины скручены так, что в месте излома превратились даже не в щепу, а в мочало.

Этим аппаратом мог быть вертолет? Не похоже. В свое время я налетался на них, навиделся их на тюменском севере. Да и любой воздушный удар — будь то смерч, ураган (которые, кстати, соорудили бы просеку) или форсаж вертолета — первым делом не дощадил бы листву, а высохшие листья на склонившихся к земле вершинах цели.

В этом вывале я вновь испытал болевые ощущения. Но, слава богу (или кому?), не такие сильные, как на лесной дороге. А вот Марина Кузовлева, молодая женщина, вондуля отлеживалась в палатке, преодолевая страшную головную боль. «Невозможно, — возмущалась она, — чтобы здоровый человек в хорошем настроении за пять минут был приведен в такое ужасное состояние!» 18-летний Гена Ходжаев не смог даже подойти к вывалу. Но через пару часов он таки полез туда — «для чистоты эксперимента». (Должен признаться, что для той же «чистоты» и я второй раз навесил «электропровод» на лесной дороге — меня вновь за милу душу шандарахнуло.) И Гена опять схлопотал по голове: как он рассказывал, сначала будто мягкой ладошкой уминали его мозг от лба к затылку, затем все усиливающаяся пульсирующая боль в висках выгнала его из вывала.

Не ко всем была Зона неласкова. Кто-то ничего не чувствовал, даже добросовестно топчась в одних носках по «электропроводу» или усаживаясь на поваленные стволы. Но где гарантия, что воздействие Зоны не проявится позже — и как?

«Вы знаете, какие дети бывают у сталкеров, вы знаете, что бывает с самими сталкерами».

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине»

«Слушайте, Ричард, вам не стыдно? Вы же все-таки человек с образованием...»

Там же

Мне бы очень не хотелось мрачно пророчествовать, и тем более наводить тень на плетень. Но при всей моей образованности и начитанности у меня до сих пор на все вопросы о Зоне имеется один универсальный ответ: «Не знаю». Ученые мужи! И жены тоже, и может быть, в первую очередь, ведь, говорят, женщины сердобольнее. Одно дело — когда вы отмахиваетесь от сообщений о «летающих тарелках». Но ведь совсем другое — человеческая боль. Она реальна, клянусь! Ну хотите — я, как подопытный кролик, опять стукнусь тем «электричеством», залезу в вывал, к черту на рога — только вы будьте рядом, пронблюдайте, и если Зона опасна для человеческой жизни — закройте ее!

«...Десять лет назад я совершенно точно знал, чем это все должно кончиться. Непреодолимые кордоны. Пояс пустоты шириной в пятьдесят километров. Ученые и солдаты, больше никого. Страшная язва на теле планеты заблокирована намертво... И ведь надо же, вроде бы и все так считали, не только я. Какие произошли законопроекты... А теперь вот уже даже и не вспомнишь, каким образом эта всеобщая стальная решимость расплылась вдруг киселем».

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине»

Наверное, можно и не подсказывать тебе, дорогой читатель, что я леплю эти цитаты из фантастической повести с упорством маньяка для того, чтобы натолкнуть на мысль: да ведь все это было предсказано! Фантастика СССР предупреждает... Паломничество в Зону продолжается. Да я и сам наверняка пойду туда еще раз. Зона заразна (может быть), но она еще и заразительна. Вот только не возвращаемся ли мы оттуда тронскими конями?..

Планета Трон — родина пришельцев, как утверждает П. Мухортов, рассказывая о своих личных контактах с инопланетянами. Я лично этого не слышал — в контакт не входил. Но нечто странное услышать довелось.

Все ночи подряд три наши туристские радиостанции «Жарат» перехватывали в эфире чужую станцию. Сквозь

тичного воображения, но когда дело касается здоровья детей, надо исключить любую опасность, какой бы невероятной она ни казалась. Спасибо работникам пермской «Молодой гвардии», они же напечатали статью Э. Бачурина «Не ходите, дети, в Зону, или инструкция для дилетантов». Жаль, что она опубликована только в Перми, ведь в Зону сыплются со всего Союза, и, говорят, стремятся туда иностранцы. (Кстати, это будет вполне в российском нашем стиле, если первыми проведут комплексные научные исследования в Зоне, скажем, финны, которых ждали в Молебке, а наши академики в своих работах потом будут привычно ссылаться на зарубежные первоисточники.)

«Ну вот, например, вы, ученые. Надеетесь вы получить из Зоны что-нибудь фундаментальное, что-нибудь такое, что действительно способно перевернуть науку, технологию, образ жизни?..»

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине»

Я встречал в Зоне ученых — биологов, физиков, геофизиков — молодых и очень молодых (наша научная молодость, как известно, заканчивается после 50 лет). Все они предприняли эту вылазку самостоятельно, на свой страх и риск, и больше всего боялись, чтобы об этом не узнало их высшее академическое руководство. Официальная наука испокон веков чуралась черта, но, может, черт возьми, не так он страшен здесь, как его малюют дилетанты-журналисты, и стоит все-таки проверить чертовщину Зоны доступными современной науке средствами, чтобы дать хоть приближенный к истине ответ.

А может, тамошняя истина сегодняшней науке недоступна... А может, и наоборот, только нам, простым смертным, знать о том не положено. Наверно, инстинктивно чужа это, американские и наши журналисты раздраженно выдвигают предположение, что в СССР, в США, в Великобритании и т. д. лет 30—40 существуют, плодотворно действуя, сверхсекретные отделы при военных ведомствах, изучающие не только обломки «летающих тарелок» и трупы их пилотов, но и обращающие в свою — военную — пользу прямые контакты с живыми пришельцами. Что, мол, секрет антирадарного покрытия невидимого бомбардировщика «Стелс» американцы выманили у инопланетян...

«Фактически мы сейчас находимся в состоянии контакта, только не подозреваем об этом. Пришельцы угнездились в Зонах и тщательно нас изучают, одновременно подготавливая к «жестоким чудесам грядущего».

А. и Б. Стругацкие.
«Пикник на обочине»

Слухи слухами, но мне кажется, что отмена в СССР цензурного запрета на «инопланетянскую» тематику в 1989 году обусловлена тем, что, наконец, благодаря перестройке, удалось обменяться с американцами «сверхсекретной» информацией о НЛО, и мы выяснили, что зря подозревали друг друга в испытаниях нового оружия. Но если так, если обе стороны не виноваты, значит «грешна» третья сторона. Какая? С планеты Трон?

...А я таки попытаюсь сделать хоть какие-нибудь выводы.

В пермской Зоне (а могут обнаружиться подобные ей и в других регионах) объективно существуют аномальные явления. Их надо изучать, применяя серьезные научные методы. Я не боюсь, несмотря на свою до сих пор неуверенность в инопланетной версии, что при этом могут возникнуть прямые подтверждения ее. Я боюсь других аномалий, связанных с этой проблемой.

Аномально то, что паломничество в Зону принимает массовый характер, все более окрашиваясь в мрачные тона средневекового мистицизма. Это не само заболевание, это сыпью проступает на теле общества социальная болезнь.

Аномально то, что все возрастающее число людей верит, что пришельцы с других планет решат за нас наши земные проблемы, что есть у нас хозяева-инопланетяне, они и определят, как мы будем жить дальше и будем ли жить вообще.

Аномально то, что отдельные люди, вынося из Зоны фанатичные убеждения в преподанных им откровениях инопланетян, одеваются массами в хламиды апостолов новой веры.

Аномально то, что представители официальной науки и властей не желают и не могут вступить в диалог с этими людьми, твердо, закоснело считая их сумасшедшими.

Аномально то, что, несмотря на бум в массовой пэнати, отмалчиваются военные, чьи действия, возможно, стали причинами хотя бы части этих аномальных явлений.

(А может, не одни военные творят здесь «чудеса»? Любопытное предсказание есть у Артура Кларка. В романе «2001 год: космическая одиссея» он описывает, как ученые-психологи из Гарвардского университета проводили эксперимент: подопытным массам населения внушали, что человечество вступило в контакт с внеземной цивилизацией, а отдельным людям — что они непосредственно общались с инопланетянами. Ученым было интересно, как поведут себя их соплеменники... Вся ситуация — по роману, впервые переведенному на русский язык в 1970 году — разворачивается в 1989 году...)

Аномально то, что ни одна из ответственных за безопасность, жизнь и здоровье людей организаций не реагирует на сообщения уже и в центральной печати о болезненных ощущениях, о нападениях (в иных случаях с применением оружия) неизвестных существ на землян.

Аномально то, наконец, что, десятилетиями знакомясь в фантастической литературе с разными моделями Kontakта, мы в конце концов оказались совершенно не готовыми к нему, демонстрируя инопланетным гостям (если они прилетели на самом деле) свое общественное бескультурье, психологию зевак. А если и не добрались пока до нас посланцы иных миров, — что ж, мы все равно показываем свою незрелость друг другу — разве от этого легче?..

«Не судите, да не судимы будете». Я знаю, что любой из тех камней, из которых я складываю эту горку обвинений, можно бросить в меня самого. Говорили мне экстрасенсы, что Зона поднимает глубоко упрямое, сокровенное из тайников человеческой души. Быть может, в суе не прерывающихся буден мне не удавалось заглянуть в себя, но вот сейчас заставили это сделать раздумья, связанные с походом в Зону, и — боже мой! — сколько дряни почудилось мне во мне...

Наверное, чтобы понять это, не обязательно идти в Зону. Инопланетянин сидит в каждом из нас. Это — наша совесть. И не одни только личные качества наши тому виной, что она, как пришелец, то призрачна, то реальна...

И размышляя об этом, я вновь и вновь перечитываю крик души первого Сталкера, его молитву:

«Я животное, ты же видишь, я животное. У меня нет слов, меня не научили словам, я не умею думать, эти гады не дали мне научиться думать. Но если ты на самом деле такой... всемогущий, всесильный, всепознающий... разберись! Загляни в мою душу, я знаю — там есть все, что тебе надо. Должно быть. Душу-то ведь я никогда и никому не продавал! Она моя, человеческая! Вытани из меня сам, чего же я хочу, — ведь не может же быть, чтобы я хотел плохого!.. Будь оно все проклято, ведь я ничего не могу придумать, кроме этих его слов: «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ ДАРОМ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УИДЕТ ОБИЖЕННЫЙ!»

*Молодой человек смотрит в окно,
которое ему поворачивает фантом
Супермена: «Самолетик, Траф, как же
мне справиться. Научитесь!» — «Да,
Траф и я? ... Мне не больше семи,
откуда мне знать про добро и
зло...» Многие переплавились
в море. Траф, се приключая
нам добрый стор.
Траф Траф Александр.*

Алексей
ИВАНОВ

ПОВЕСТЬ

ОХОТА

ША

„Большую

Медведицу”

Рисунки АМИТРИЯ ЛИТВИНОВА

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ С ИГРЫ

— Отдай бластер! — сказал папа Валентин Николаевич своему сыну Даниилу и положил тяжелую отцовскую руку на приклад.

— А з-зачем он тебе? — спросил Даниил.

— Мне-то незачем, а тебе и подавно. Как и с какой целью ты его стащил? А?

— С-сумел, — уклонился от ответа Даниил. — Мы будем играть.

— Прекрати рычать и коверкать дикцию. От этого твой голос не становится мужественнее.

— Стан-новится.

— И что у вас за игры — с бластером на людей! А если случайно спустишь с предохранителя, ты подумал?

— А я и так спущу. У него и батар-рея не зар-ряжена, и магазин я вытащил, пусть щелкает.

— Играй с чем-нибудь другим, — сказал папа Валентин Николаевич, снимая бластер с сына Даниила. — Чего у вас там Милора нового прочитала? Детектив?

— Вестер-рн, — ответил Даниил. — Тогда давай договоримся, а? Мы устр-роим погоню за р-роботами, а вы, если где увидите их, нам сразу сообщите, л-ладно?

— Ладно, — согласился папа Валентин. — Только говори нормально.

— Ер-рунда, — отмахнулся Даниил и пошагал прочь по тоннелю.

Звездолет «Аввакум» летел в пустоте вот уже третью неделю, и детям, естественно, порядком наскучил однообразный полет. «Аввакум» направлялся от Земли к планете Пальмира, где имелось все, что могло сделать счастливым истинного ценителя красоты и первозданности: дикие, буйные джунгли, чистые леса, широкие прерии, горы до небес, облицованные тысячелетними ледниками, теплые моря, атоллы с бирюзовыми лагунами и прочее, прочее, прочее. Миллионы людей со всех трехсот освоенных миров Галактики летели на Пальмиру отдохнуть, загореть, поохотиться или просто побродить. И все эти миллионы растекались по планете, растворялись в необъятных просторах, и каждому новому пришельцу казалось, что он — первопроходец этих чаш, а это вселяло в избалованного цивилизацией, огражденного от всех бурь и катаклизмов, вооруженного самой совершенной техникой человека уверенность в себе и могучую бодрость. Но до Пальмиры оставалась еще целая неделя, и экипаж «Аввакума» развлекался, как мог.

На борту звездолета находилось восемь человек — пятеро взрослых, Даниил, Артем и Милора. Даниил и Артем летели с родителями, а Милора только с отцом, потому что мама Милоры — крупный специалист по окраске пестиков цветопауков с переменной Хлои — прислала телеграмму, будто цветопауки начали миграцию к полюсу, и пестики надо срочно опрыскивать раствором бромистого йода, а потому лететь на Пальмиру она, мама, ну никак не может. Отец Милоры — известный писатель-историк — день и ночь напролет работал над новым романом о героическом борце с пьянством конца XX века Аникее Мохнатове. Автор подходил к кульминационному моменту, когда Аникей Мохнатов раскрывает секрет подпольной школы самогонщиков и его вместе с председателем одного ферганского комбеда из-за куста саксаула убивает из обреза матерый взяточник и казнокрад Сахалинбабаев. Законченные эпизоды писатель зачитывал по вечерам в кают-компани. Мама Артема, которая писала диссертацию о системе сёгуната в Японии, и поэтому тоже занималась историей, вела с папой Милоры долгие споры о том, правомочен ли автор устами Аникее Мохнатова, который бредил, рассказывать своему напарнику, раненному в голову председателю ферганского комбеда, о дальнейшем ходе антиалкогольной компании, ведь Мохнатов к этому времени уже один-

(70)

надцатые сутки полз через раскаленные пески к райкому и тащил председателя комбеда на себе. Мама Даниила в дискуссии не участвовала, потому что по профессии была аквалангистка и теперь трудилась над разбором материалов своей последней экспедиции в море Бофорта. Папа Даниила занимался делами звездолета, потому что был капитаном, и в споре принимал пассивное участие; папа Артема вообще не появлялся на читках, так как, готовясь к испытаниям духа и тела на Пальмире, занимался хатха-йогой по системе Михаила Кузякина, потому что был толстый.

И вот теперь, обезоружив сына, капитан звездолета «Аввакум», он же папа Валентин Николаевич, шагал обратно на свой пост в ходовую рубку. Открыв дверь, папа-капитан сразу услышал голоса папы Милоры и мамы Артема, которые обсуждали очередной эпизод. Папа-капитан поставил бластер в угол, как швабру, и сказал:

— Знаешь, Джейк, твоя Милора подбивает наших с Мариной парней на новую авантюру с применением оружия. Я отобрал бластер у своего отпрыска.

— Ну что ты хочешь, — пожал плечами папа Джейк. — Это же дети! По струнке они тебе ходить не будут. Я же предупреждал, когда Борис отыскал в библиотеке вестеры для Милоры. Лучше бы он нашел что-нибудь о привидениях, тогда бы все ограничилось воплями и рваным бельем.

— Опять будет стрельба, да? — вздохнула мама Марина. — Господи, что за варварские игры! Две недели назад они охотились за скальпами, потом сражались на шпагах, потом брали рубку на абордаж... Я понимаю — игры, но почему же такие?!

— Ну что ты хочешь, Марина, — засмеялся папа Джейк. — Нормальные игры для парней, а свою Милору девочкой я не считаю. Хорошо, что их всего трое. Сами себя вспомните-ка. Я как-то в их возрасте даже удрал с Марса на каком-то транспортнике — тогда это было еще возможно. Ну и что? Мы тоже играли в войну и выросли нормальными людьми, своих теперь воспитываем! В игре, понимаешь ли, основные души закладываются, надо чутко подходить. Тем более, что времена меняются, а игры — нет... Черт, эта мысль для романа!.. Чутко надо подходить, чутко!

А в это время в комнате Милоры дети готовились к новой заварухе. Даниил надел кожаные перчатки и стал боксировать сразу с двумя грушами, которые на гибких шнурах летали вокруг него по эллипсам и постоянно меняли орбиты. Даниил скакал между тяжелыми бомбами, коренастый, крепкий, как зеленое яблоко. Худенький Артем сидел за столом и молекулярным паяльником оттачивал контакты последнего, третьего блока хитрости для роботов, которые вскоре должны были стать бандой ночных грабителей. Чернукодрая, такая долговязая в своем красном комбинезоне Милора лежала с книжкой в руках на диване, водрузив ноги на стол Артема, и читала, время от времени разражаясь хохотом, воплями и салунными ругательствами. Всем троим было по десять лет, все трое знали друг друга как облупленные и все трое готовились к баталии. Три робота, ожидав блоки хитрости, переминались с ноги на ногу у дверей.

— Готово! — сказал Артем и отключил паяльник. Даниил на мгновение отвлекся, получил грушей в лоб и упал. Артем встал, перешагнул через Даниила и подошел к роботам.

— Дьявол! — воскликнула Милора. — Ну и хватка у этого Джо!

Роботы загремели кожухами. Артем помогал им подсоединить блоки к системе.

— Работает? — спросил Даниил и с кряхтением сел.

— Спрашиваешь!.. — ответил Артем с гордостью. Милора захлопнула книгу и уселась на диване. Лицо ее горело от возбуждения.

— Ну и что? — поинтересовалась она, взяла со стола паяльник и прицелилась в Артема.

«Аэлита»-90

— Сейчас начнем,— ответил Даниил, поднимаясь на ноги.

Деликатный Артем закрыл крышки кожухов на корпусах роботов и настойчиво спросил:

— Все поняли? Нужны разъяснения?

Роботы закрутили головами.

— Значит, десять минут.— Артем постучал пальцем по часам на запястье.— И начинаем бой. Все.

Секунды роботы стояли без движения, потом молниеносно кинулись к двери и исчезли, только железный топот прогрохотал в коридоре.

— Долго ждать!— сказала азартная и нетерпеливая Милора, встала на диване, и, как кошка, прыгнула на кольца, что висели под потолком. Кольца пронесли Милору по отсеку и ударили ногами в шкаф, из которого посыпались мячи, каски, какая-то рухлядь, а сверху, сминая все, упала еще и тяжеленная гиля Даниила. Даниил, рыча, бросился к Милоре, но та, засмеявшись, так же легко упорхнула обратно на диван. Артем в это время наполнял водой баллоны в игровых столах. В баллоны Артем заранее насыпал краски, и теперь заряды станут разлетаться брызгами крови— так захотела кровожадная Милора.

Десять минут тянулись, как неделя. Артем успел прибрать на столе. Даниил ходил из угла в угол. Милора от нетерпения прыгала на диване, а потом пару раз пальнула в заляпанную краской мишень на стене. Но десять минут истекли, и дети вылетели в коридор.

И началась самая увлекательная охота. В один миг весь опостылевший мир взорвался дивными бешеными красками. Жизнь ускорила темп до бега, и в распахнутые, как рты, глаза хеслись гнутые коридоры. Пела каждая струна души, натянулся каждый нерв. Здесь, в этой жизни, целью существования была сутулая спина робота; здесь любая сложность бытия была проста; здесь высшим наслаждением было ощущение власти собственной руки над дэума величайшими константами вселенной— жизнью и смертью, которыми раньше управляла природа, а теперь— человек; здесь самым страшным были малоосвященные отсеки; здесь худшим горем было остановиться на бегу. Невозможно понять все чувства десятилетнего человека, с головой погружившегося в яростный водоворот Большой Игры. Время, несущееся стремительным потоком, двумя руками обтекало эту Игру, и только папы и мамы изредка слышали за дверями и перегородками топот и крики.

Роботы воевали так, как могли воевать только роботы. Они не видели и не понимали иронии и полутонов. Первую стычку они устроили через двадцать минут. Даниил, Артем и Милора стояли на повороте, когда из-за стены высунулись три квадратные головы, и целая туча алых стрел понеслась на детей. Артем сразу упал, Даниил бросился под защиту стены, а Милора, вскинув пистолет, всадила целую обойму в потолок.

И началось.

Выдавшие себя роботы уходили самыми мудренными путями, отстреливаясь и руша мебель. Они устраивали пальбу на каждом лестничном марше, на каждом повороте. Даже серьезный Артем, не говоря уже о Милоре, которая валялась, как сноп, улыбался, ибо за любым углом неизменно торчала засада. Засада раздражалась сотней выстрелов и с грохотом бежала прочь, запинаясь о коврики.

— Что за глупости!..— сказал папа Борис, попавшийся на пути погони, и пошел дальше, а на спине его пламенели три попадания.

К исходу второго часа раненный в плечо Даниил, невредимый Артем и смертельно раненная Милора страшно проголодались и сделали налет на камбуз, где, к их удивлению, никого не было, только остывали блины для всего экипажа.

— Забирай,— сказала Милора и стала пить из носика чайника.

Артем вывалил стопку блинов в пустую кастрюлю, и дети бросились наутек.

Они устроились в укромном уголке под лестницей на втором ярусе, но едва Артем снял с кастрюли крышку, как здоровенный алый заряд шлепнулся в блины, разбросав брызги по лицам.

— Выследили!— крикнула Милора и исчезла. На лестнице послышались топот и выстрелы. И все понеслось по новому кругу.

Через полчаса Милора была убита попаданием в сердце, но возглавила погоню. Даниил подстрелил одного робота, и тот вышел из игры. Потом Артем предложил натянуть шнур на лестнице, чтобы свалить оставшихся. Шнур был натянут, но дети сами дважды яросчитали ступеньки, прежде чем на шнур налетели роботы. Они грохочущей кучей покатались вниз, только замелькали руки и ноги, а Даниил, Милора и Артем сверху прикончили их.

Победа была одержана блистательно. Дети кричали, размахивали руками, стреляли вверх, а потом пошли в бассейн, чтобы смыть с себя краску и пот. Накупавшись в искусственном прибое, они лежали под искусственным солнцем и наконец решили вернуться к родителям. Шумно вспоминая битвы, дети направились в кают-компанию и на полпути были потрясены жутким зрелищем: в дальнем конце коридора, не заметив их, двое незнакомец быстро протащили куда-то связанного по рукам и ногам папу-капитана.

У незнакомцев была тилочная внешность пиратов.

ГЛАВА 2.

НЕ ВСТРЕЧАЙСЯ С «БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕЙ»

Пиратский катер «Большая Медведица-4» висел в пустоте на пересечении оживленных трасс Земля— Пальмира и Квазар БВ— Пампуржак. Вторые сутки катер качали волны гравитационной нестабильности, шедшие от ближайшего коллапсара Сонор, и пираты надеялись, что транзитные звездолеты будут снижать ход. «Большая Медведица» шарила локаторами по пространству, но ни одного пеленга не вспыхивало на экранах. Пираты тосковали, круглые сутки не выключали миксер и слушали заигранную кассету Чайковского.

Пиратов было всего трое. Маловато, конечно, для крупной банды, но ровно столько, чтобы создать идеальный коллективчик, способный на самую дерзкую акцию. Этими тремя были: бывший землянин, а ныне космополит и предводитель банды Андраковский, немой клон с Семи Крестов по имени Бомбар и старый робот Катарсис модели СТРАГ-434. Бомбар варил курицу на камбузе, Катарсис сидел у приборов, а Андраковский писал маслом сплетение турбулентных потоков квазара Торпеда. В старом комбинезоне, заляпанном краской на локтях и груди, Андраковский стоял у подрамника с натянутым холстом напротив большого выпуклого иллюминатора рубки-салона и, глядя в темноту, чуть заметно качал кистью в такт мелодии Чайковского.

После долгих странствий Андраковский чувствовал, что вот уже второй год он счастлив. Его жизнь всяма напоминала авантюрный роман. Десяти лет от роду Андраковский— землянин по рождению— ступил на покатую тропу флибустьерства. Лайнер Земля— Петушиный Гребень был взят на abordаж бандой пирата Параллакса. Маленький Андраковский, польстившись на романтику, тайком перебрался на корсар Параллакса. Земля, слишком понятная и комфортная для ребенка, навсегда осталась за роем звезд.

Обнаружив зайца, свирепый Параллакс рычал от восторга, но расстреляв часового. Непривычными к педагогике руками он взялся за воспитание в Андраковском мужичины. Через год Андраковский уже не давал себя бить, не боялся крови, ценил деньги и власть. Параллак, как талисман, носил на цепочке свой зуб,

выбитый мальчишкой на одном из уроков. Но в туманности Аакселя корсар Параллакса нарвался на патруль. Подбитый корабль выбросился на ближайшую планету. Параллакс погиб. Оставшиеся в живых 116 человек побрели через болота и трясины за двести миль к спасательному маяку. Начались болезни, голод, и пираты взялись за людоедство. Андраковский бежал из обезумевшей шайки. С ножом в руке он отбил от стаи водяных павианов и добрался до маяка, а пираты были разорваны в клочки.

С маяка Андраковского забрал звездолет рабовладельческой империи Урион. На Урионе-II его продали на соляные копи. Здесь парень научился ценить свободу как высшее счастье. Андраковский пытался поднять восстание и был схвачен. Его товарищам отрубили головы, а его самого бросили в Горло Хасса — бездонный тоннель в никуда. Тоннель оказался лазейкой разведчиков с Праксителя, и Андраковский с рабского Уриона улетел в созвездие Скульптора, в мир утонченной поэзии.

Три года с огрубевшей души пирата стекали потоки кровавой грязи. Андраковский бродил по древним руинам Праксителя, читал слова, выбитые на копытах первобытных каменных быков, скитался в бесконечных колоннадах рухнувших храмов. Здесь, на Праксителе, Андраковский впервые влюбился. Но девушка, прекрасная, как богиня, спросила его, изумленно распахнув глаза: «Разве ты совершенств?» Андраковский бежал прочь с Праксителя и, пустившись во все тяжкие, снова связался с пиратами.

Во всем скоплении Турбины не было пирата более дерзкого и злого. Мезозойская душа, взращенная Параллаксом, бурлила, как смола. Но внезапно кровавый туман разошелся перед глазами пирата, и, сидя у тела убитого им человека, в диком отчаянии Андраковский схватился за голову. Только поворачивать обратно было поздно. Баида Андраковского состояла сплошь из убийц, воров, изуверов и прочей мерзости. После первой попытки удержать их от разбоя Андраковский был избит, после второй — выброшен в космос в одном скафандре.

Семь дней — на столько был рассчитан паек скафандра — Андраковский летел в пустоте, взывая к Галактике, как к богу, о благодати для заблудших душ. На исходе седьмого дня его подобрал мусорщик. С мусорщика Андраковский перешел на базу крестоносцев.

Миссионером Андраковский прошел пять миров: предотвращал войны, поднимал падших, строил дома, лечил эпидемии. На шестой планете дикари архипелага Съеденного Капитана повесили Андраковского за ноги на дереве, остальных монахов сожгли живьем и их пеплом присыпали раны бывшего пирата, чтобы рубцы остались на всю жизнь. Ночью соседнее племя напало на мучителей Андраковского, и пират в заварухе бежал. Во вселенной нет любви к человеку — вот что вынес Андраковский из всего этого.

Через месяц в составе наемных рот маршала Тарана Андраковский вернулся к дикарям и выбросил их в море. Наемники едва успевали справляться со всеми заказами Звездного Шара. Мыслительная деятельность Андраковского прекратилась, и жила только руки, которые давили мятежи на Бульжнике, травили сельву на Алмазной Игле, сражались с ордой Пустого Тифона. В лазерном бою в предгорьях Бушуя, пятый квадрант Оцеолы, танк Андраковского был подбит, сам он попал в плен, и его присудили к трем годам каторги сверх двух пожизненных сроков.

Приговор Андраковский воспринял стоически. Он твердо решил раскаяться и загладить вину перед самим собой. Его сослали на Двужильный Тягун в рубидиевые штреки. Через полгода каторги Андраковский озверел заново. Каторга и была каторгой, а вовсе не монастырем или скитом, где послушники умеренно умерщвляют плоть. Андраковский бежал, был пойман

и месяц простоял в карцере. Выйдя, он снова бежал, был пойман и бит электробичом. Оправившись, он бежал в третий раз и снова был бы пойман, но его укрыл странствующий художник Афелий-Пропан.

Несколько недель, пока Афелий вез его на станцию «Метеомиморит», Андраковский не отходил от картин. Станция «Метеомиморит» принадлежала Земле. Никогда еще Андраковский не был так близок к дому. Но все его мысли были поглощены живописью.

Он достал холсты и краски и начал писать. Первая картина — «Что я думаю о Галактике» — повергла всех в шок. Потрясенный собственным талантом, Андраковский не отходил от мольберта сутками. Через полгода по Галактике поползли слухи об удивительном художнике. А сам художник вдруг бросил живопись, влюбившись в метеоритчика Надежду. Но Надежда была женой начальника станции, и однажды Андраковский узнал, что станция вообще-то не рассчитана на пассажиров сверх персонала... Андраковский попросил не гнать его еще десять дней, и за эти дни он написал портрет Надежды. А после — разбитый, опустошенный и отчаявшийся — понесся куда глаза глядят и выбросился робинзоном на безлюдную и ласковую планету.

Целый год Андраковский провел в одиночестве и не писал картин. Он думал: если уж он сам не нужен никому, то кому нужны его картины? А через год ради интереса Андраковский на каное переплыл море и высадился на атолле, где к своему изумлению встретил такого же робинзона, как и он сам, но только не художника, а философа. Мы все, сказал философ, люди из разных времен, и если мы сумеем рассказать о себе своему времени, значит, жили не зря. Ты, похоже, человек из будущего, до которого сам не доживешь — значит, пиши картины как письма на родину. Они дойдут до будущего вместо тебя. И Андраковский вернулся к мольберту. Еще год провел он наедине с холстами. В его сознании смутно вырисовывался идеал жизни, до этого не ведомый ему: тихая музыка, переливы звезд и рождение красок. Андраковскому хотелось писать картины, а две трети времени у него уходило на сон и добывание пищи. Но все же он был доволен. А на третий год мимо планеты робинзонов пролетали механические орды роботов-кочевников хана Мехмата. Мехмат спустился посмотреть на картины, и по его корпусу текла скучная мужская смазка, выдвленная небывалыми чувствами. Мехмат увез Андраковского в космос. Андраковский подарил Мехмату картину «Мое мнение о смерти коллапсаров». Мехмат отдал Андраковскому новенькую станцию, четыре катера и пятьдесят роботов обслуживающего персонала, а сам, рыдая, скрылся вдали. Андраковский зажил, как царь. К нему прибилась бедняга Бомбар, выброшенный самодуром-капитаном за немоту и тупость — последствия неудачного клонирования в лаборатории Граненого Меридиана на Семи Крестах.

Андраковского выбрали секретарем галактической ассоциации живописцев, но сторонники школы маренго и хаки, заслоненные новым талантом, из зависти начали плести козни. За роковое прошлое Андраковский был исключен из ассоциации. У него даже хотели отнять подарок Мехмата — станцию, которую он назвал «Большая Медведица». Андраковский защищался как мог. В бою погибли три катера и все роботы; из их останков Андраковский сам собрал Катарсиса. «Большая Медведица», отвоевавшая независимость, перекечевала на новую орбиту и вскоре была забыта всеми. Слава Андраковского развеялась без следа. Но Андраковский продолжал жить и творить. А чтобы не умереть с голоду и не остаться без энергии, он раз в месяц грабил пролетающие звездолеты. Его душа пришла в равновесие. Он обрел долгожданный покой и наслаждался звездами.

Правда, сейчас покоя не было. Неоконченное полотно тянуло к себе, но Андраковский, слушая музыку, стоял и думал, что если в хвостовую спираль потока,

которую он сейчас заканчивал, добавить ультрамарина, а ядро из багрового сделать алым, искрящимся, то это будет картина о любви. Он назовет ее «О чем говорят турбулентные потоки».

Мысли Андраковского были прикованы к вечному вопросу не случайно. Ой, как не случайно.

Два часа назад радар сообщил: приближается неизвестный корабль. Судя по размерам — в самый раз для грабежа. Катарсис включил дальний проектор, и на экране появился среднего тоннажа катер под названием «Санскрит». Вряд ли экипаж больше четырех. Андраковский оставил кисти и велел готовиться к abordажу.

А на «Санскрите» летели всего два человека. Это был свадебный круиз молодой супружеской пары из Сванетии — гляциолога Лалы и тренера школы юных альпинистов Аравилья Разарвидзе. Аравиль сидел в рубке в пилотском кресле перед пультом, а Лала сидела на коленях Аравилья, нежно обнимая его за шею. Аравиль гладил Лалу по волосам и ласково шептал:

— Ты прекрасней, чем самая высокая вершина в миг рассвета, когда все горы лежат в синеве, а она одна, алая, как тюльпан, плывет в мерцающем небе! Ты стройна, как кипарис, что вырос под сенью огромной скалы, защищающей его от бурь! Твои руки нежны, как шелковые шарфы! Я унесу тебя в горы на недоступные ледники любви, как снежный барс уносит искры солнца на изогнутой луком спине!..

И тут раздался стук по корпусу в районе шлюза.

— О небеса! — завопил Аравиль. — О несравненная Лала, прости мне мой уход, ибо, клянусь Эльбрусом, это какой-нибудь несчастный просит о помощи, и я помогу, чтобы восславить имя твое! Как ни долг будет мой путь, ты только жди и поклонись любви вечной!..

Лала прижалась к груди Аравилья. Аравиль застонал, подхватил любимую на руки, закружил по рубке и осторожно, как бесценный сосуд, опустил обратно в кресло, а сам бросился открывать.

Электронасосы быстро накачали в камеру воздух, и двери разъехались. В клубах морозного пара в коридор вошли Андраковский, Бомбар и Катарсис. Аравиль помог людям снять шлемы.

— Здравствуйте, — сказал Андраковский, пожал руку и деловито пошagal в рубку. Тактика нападения была отработана уже давно. Бомбар — детина огромного роста, но маленького ума — топал сзади, нависал над Андраковским. Катарсис, скрипя с холода и охая, шел третьим, а за пиратами уже бежал ничего не понимающий Аравиль Разарвидзе.

— Здравствуйте, — сказал Андраковский, увидев Лалу.

— Звезда очей! Мы потревожили тебя! — закричал из-за спин пришельцев Аравиль, рванул к жене и, упав на колени, стал целовать ей руки. Катарсис несколько раз ткнул пальцем в кнопку общего сбора экипажа.

— Это жена моя, несравненная Лала, чей лик подобен сиянию льдов под луной, — ревниво сказал Аравиль, поднимаясь с колен. — Сам я — землянин, а кто вы?

— Есть еще на борту кто-нибудь? — спросил Андраковский, расстегивая куртку, под которой спрятал бластер.

— Мы думали, что мы вдвоем на миллион парсеков! — закричал Аравиль. — Но судьба послала нам трех попутчиков! О, если бы!..

Андрковский достал бластер и, виновато улыбаясь, устал его в живот Аравилья. Аравиль мгновенно смолк, только глаза его, расширяясь, полезли из орбит. Бомбар поглядел в лицо Андраковского, обрадованно заулыбался и тоже достал бластер.

— Простите нас, бога ради, — сказал Андраковский и пожал плечами. — Но нам очень нужны продукты и энергия. Мы — пираты. Мы голодаем.

— Дорогой, ты меня хочешь убить? — свистящим шепотом спросил Аравиль.

Андрковский никого не хотел убивать. Его самого слишком много убивали, и он научился уважать любое существо.

— Нет, понимаете... — замялся Андраковский.

— И жену мою, блистательную Лалу, тоже хочешь убить! — утвердительно прошептал Аравиль, медленно закрыл глаза и сокрушенно покачал головой. Потом он поднял лицо к потолку, рот его приоткрылся, и вдруг яростный вопль вырвался наружу.

Аравиль подлетел в воздух, пинком выбив бластер из рук Андраковского, перевернулся через голову и вторым пинком — в челюсть — отбросил пирата в угол. Бомбар ухнул от восторга и бластером, как дубиной, хватил Аравилья по голове, но за миг до удара тот вернулся из-под приклада и рванул Бомбара за руку. Бомбар, потеряв бластер, с грохотом распластался на полу. Катарсиса от неожиданности замкнуло, и Аравиль коротким толчком плеча откинул его на пульт. Что-то затрещало, и по дисплеям пронесли желтые зигзаги. Бомбар со сведенными на переносице зрачками сел, хрустнув позвоночником, и Аравиль живо приставил к его виску дуло. Андраковский не шевелился. Катарсис, гремя, свалился с пульта. Лала лежала в обмороке. Глаза Бомбара вернулись на место, он взглянул на Аравилья, который был искренне убежден, что держит пирата под контролем, медленно сжал кулак, и, занеся руку, засадил Аравилью в лоб. Аравиль перелетел через Андраковского, ударился в стенку и уснул. Секунду спустя Бомбар уже стремительно волочил Андраковского и Катарсиса к шлюзу — прочь от этого дикого горца.

Именно поэтому сейчас Андраковский думал о любви, рисуя турбулентные потоки. «Санскрит» скрылся во тьме, но челюсть болела. Краски сохли на палитре. И в это время Катарсис сообщил:

— Вижу новый звездолет. Большой, невооруженный... Грех пропустить, честное слово. Называется, э-э-э... «Аввакум»!

ГЛАВА 3. САМОЕ ВРЕМЯ СМЫТЬСЯ

Погасив огни и включив электромагнитную защиту, никем не замеченная и не обнаруженная, «Большая Медведица» подрулила к «Аввакуму». Пираты вышли в пустоту, Андраковский отмычкой ловко открыл люк, и все перебрались в шлюзовую камеру. Сам Андраковский был несколько удручен предстоящим злодейством; Бомбар смотрел на него, как на бога, но что делать — не знал. Катарсис кряхтел и охал, стучал себя по спине, где невыносимо искрил контакт, и вполголоса ворчал. С бластерами наперевес пираты выбрались из шлюза и побежали к рубке. По пути они никого не встретили. «Это знак! — тоскливо бормотал Катарсис, который верил в приметы. — Западня, как пить дать, западня! Надоело! Просить милостыню и безопаснее, и прибыльнее, маэстро!» Андраковский не отвечал ему. В рубке оказался один вахтенный папа Валентин Николаевич. Катарсис, ругаясь, зарядил бластер сонным пистолетом и бесшумно выстрелил через замочную скважину. Папа Валентин Николаевич уронил голову на грудь. Пираты проникли в рубку. Бомбар встал на стеме у входа, Катарсис бросился к пульту, а Андраковский достал из пенала полетный журнал. Пока Катарсис переводил энергию в инвариантное состояние и выводил отсосный кабель на кибере, Андраковский установил, что на борту звездолета «Аввакум» летят восемь человек — пятеро взрослых и дети. Андраковский захопнул журнал и кинул его на приборы.

— Надо еще от остальных отвязаться, — сказал он. — А то, сами понимаете, тревога, шум, погоня... Ты, Катарсис, останься, а мы с Бомбаром помчимся на камбуз. У них обед сейчас по расписанию.

— Правильно, маэстро! — воскликнул Катарсис. — Я самый старый, а мне всегда рисковать в одиночку!..

— Ничего! — примиряюще улыбнулся Андраковский. — Только ты не теряйся, старина. Если кто сунется, то сперва пугни, а потом сонными его. Но не калечь, Христа ради! А детей вообще отругай и прогони, а то я боюсь, что такое ущемление свободы, как насильственный сон, вызовет в их неокрепшей психике непоправимые сдвиги...

— Дети-то сейчас пошли, маэстро... — начал было Катарсис, но Андраковский и Бомбар уже бежали по коридорам.

На камбузе они нашли только четырех человек — дети играли в войну. «И бог с ними!..» — облегченно шепнул Андраковский. Пираты перезарядили бластеры и без промаха усыпили оставшихся.

— А теперь, дружище, перетащим их в кают-компанию, — сказал маэстро Бомбару, глядя на распростертое тело. — А то им здесь жестко.

Пираты примерились и, охнув, подняли тяжеленного папу Джейка.

Управившись со спящим экипажем, Андраковский и Бомбар прибежали в рубку за папой Валентином Николаевичем. Катарсис в это время завершал грабеж «Аввакума», отстреливая контейнер с продуктами.

— Кончаю, маэстро! — сказал Катарсис потному Андраковскому.

Андраковский кивнул, хватаясь за ноги капитана.

Спустя три минуты пираты были замечены детьми.

Даниил замычал, ухватил Милору и Артема за одежду и рванул назад, за угол.

— Пираты?! — восхищенно спросила Милора, и он захлопнул ей рот своей ладонью. Артем побелел и сел на пол.

Милоре вывернулась из-под руки Даниила и выглянула в коридор. Пусто.

— А что делать? — шепотом спросил Артем.

— Будем брать! — сказала Милора, сузив глаза.

— Сперва к родителям, — угрюмо возразил Даниил.

— Зачем?! — изумилась Милора.

Даниил помялся и объяснил:

— Для очистки совести...

И дети на цыпочках помчались в рубку. А там никого.

Даниил поскреб затылок.

— В кают-компанию? — предложила Милора.

В кают-компании лежали все пятеро. Мамам под головы Андраковский заботливо сунул подушки с дивана. Папа Джейк и Борис храпели в креслах. А папа Валентин Николаевич, как капитан и наиболее волевой человек, сквозь сон почувствовал неладное, сполз с кресла и спал на полу.

— Та-ак!.. — сказала Милора, оглядывая кают-компанию. — Так и надо. Сами виноваты. Придется пиратов вязать в одиночку. Пусть потом завидуют.

Звездолет «Аввакум» был оснащен двумя скоростными катерами малого тоннажа. Назывались они соответственно «Аввакум-1» и «Аввакум-2». Милора выбрала второй, он был ближе. Даниил с отцовским ключом направился за бластерами, а Артема командировал за скафандрами. Милора сквозь шлюз, кессонный бокс, диафрагму и стыковочный тоннель пробралась в темный катер, где слабо и тускло тлели лишь огни аварийного освещения, и прошла в пустую рубку с огромным экраном. Звезды, как скифские костры на бесконечной полночной равнине, окатили лицо древним светом.

...Это было красивое зрелище: громада «Аввакума», плывущая в невесомости; распростертые крылья приемников гравитации; вращающиеся пластины радаров; решетчатые трубы генераторов; багровые жерла сопел; переливы алых и синих маршевых огней. И рядом, как при ките акулы, хищный силуэт «Большой Медведицы» с раскрытыми створками грузового трюма. Трюм глотает последний ребристый контейнер с награбленным добром, створки опускаются; полыхнув бело-лазурным

огнем, катер разворачивается, плавно набирает скорость и, словно монета в мутной воде, тает во мраке, уходя прочь. А через двадцать минут оживают кормовые отсеки «Аввакума», зажигаются алые предупредительные огни, штанги разводят броневые плиты, и из дымно освещенного ангара по стапелям выплывает другой катер. Ангар закрывается, катер, работая носовыми двигателями, ложится на крыло, делает пробный вираж вокруг звездолета и тоже уходит в темноту.

Безмолвие.

— Кажется, я нашел их, — неуверенно сказал Артем, управляющий локатором. На зеленом расчерченном поле дисплея светился желтый крестик.

Даниил, сидевший в пилотском кресле, перегнулся через подлокотник и внимательно поглядел на крестик.

— Они, — авторитетно сказал Даниил.

— Все равно больше никого поблизости нет, — рассудительно заметил Артем и покрутил какую-то ручку на пульте. — Я все обшарил.

— Тогда будем брать этих, — сказала Милора.

Даниил уселся прямо, немного подумал, потер в нерешительности переносицу и положил руки на панель управления.

«Большая Медведица» уходила не спеша. Пираты совсем не ждали погони. Андраковский в фартуке сидел перед горой консервов и сортировал коробки и банки.

— Это на вечер, — сказал он, нагружая Бомбара. — Отнеси на камбуз.

Бомбар поспешно бросился к двери.

— А это что? — задумчиво спросил себя маэстро и ногтем колопнул наклейку на банке. — Ка-пу-ста цветная, ат-лан-тичская... Чего ведь не придумают, а?..

Над головой пирата захрипел динамик и голосом Катарсиса сказал:

— Маэстро, здесь что-то подозрительное на экране...

— Что? — спросил Андраковский и чихнул, понюхав какой-то концентрат.

— Похоже, что нам в хвост кто-то пристроился, — сказал Катарсис. — Такой подозрительный курс...

— Не волнуйся, старина, — ответил Андраковский, складывая коробки в ящик. — Они все спят, какая может быть погоня?..

— Мало ли, — недоверчиво хмыкнул Катарсис. — Я все-таки прибавлю хода, а?

— Валия, — согласился пират.

Через секунду катер дернулся. В коридоре с грохотом упал Бомбар.

— Ага! Удирают! — завопила Милора и трахнула кулаком по пульту. — Пираты! Точно — пираты!

Поблудневший от волнения, Даниил вцепился в рычаги. На экране, как на мишени, вспыхнули концентрические круги. «Левым подрабатывай!» — шепнул Артем, Даниил чуть передвинул руку, и крошечный силуэт «Большой Медведицы» вошел в крест прицела. В окошечках на дальномере кривлялись светящиеся цифры, отмечая убывающее расстояние до пиратов. Милора стала хлопать ладонями по подлокотникам кресла, потом вскочила и, преодолевая легкую перегрузку, перебралась поближе к Даниилу. Артем, морщась от тяжести, надел наушники и, откинув панель радиоотсека, начал, щелкая тумблерами, тонко кричать в микрофон:

— Эй, впереди, на катере! Немедленно тормозите! Будем стрелять, слышите? Останавливайтесь!

— А где метеоритная пушка? — хрипло спросила Милора.

— Нету пушки, — сказал Даниил и облизал губы. — Но пираты же не знают...

А на «Большой Медведице» у Катарсиса от удивления лопнул маслопровод в колене. Андраковский прибежал на призыв друга и долго, внимательно слушал, как Артем взывает к пиратам.

— Это ребенок, — наконец сказал Андраковский,

— Он нас убьет,— прозорливо промолвил Катарсис. Андраковский помолчал.

— Значит, мы должны убедить его в его же неправоте,— убежденно сказал он через минуту.

— Ага! Испугались! — закричала Милора.

Катер, что до этого момента уходил на всех парах, вдруг сбросил скорость и лег в свободный дрейф. Видимо, понял, что ему не уйти.

— Перестреливаться будем? — спросила Милора.

— С кем? — посмотрел на нее Даниил. — Они же сдаются!

Артем быстро пролистал справочник по навигации до реформы Синайской конференции — россыпь огней, что горела на корме врага, действительно означала сигнал о капитуляции.

В черном выпуклом аквариуме иллюминатора быстро росла приближающаяся «Большая Медведица». Даниил, осмелев, сделал круг и мягко подвел «Аввакум-2» к торчащему, словно рука для рукопожатия, буферу стыковочного узла.

— Берем бластеры,— сказала Милора.

Через десять минут дети, поставив оружие на боевой взвод, шагнули в шлюзовую камеру пиратов. Створки прохода с шипением разъехались, и в прямоугольнике света дети увидели три фигуры: угловатого старого робота, высокого худого человека и здорового сутулого детину. Бластеры моментально устались на них, как стрелки компаса на север.

— Руки вверх! — сказал Даниил.

Все трое послушно подняли руки.

— Вы пираты? — с надеждой спросила Милора.

— Нет,— честно соврал Андраковский и улыбнулся. — Здравствуйте, дети!

— Руки не опускать! — велела Милора.

— То есть как это не пираты? — удивился Даниил.

— А что вы имеете в виду? — миролюбиво поинтересовался Андраковский.

— Под термином «пираты» мы подразумеваем разумных существ, совершающих грабежи с целью наживы,— разъяснил Даниил.

— Ну какие же мы пираты! — малость покривил душой Андраковский.

— А кто вы?

— Художники,— ни с того ни с сего брякнул Катарсис.

Андраковский немного помолчал и сказал:

— Да-да.

— Сегодня было совершено бандитское нападение на лайнер «Аввакум» с Земли,— сказал Даниил. — Никого кроме вас в окрестностях нет.

— Странно! — изумился Катарсис.

— Гы-ы!.. — засмеялся Бомбар, посмотрел на Андраковского и снова стал строгим.

— Вы пройдите, посмотрите,— пригласил маэстро детей. — Не стесняйтесь, дело-то серьезное...

Даниил помялся, оглянулся на молчаливых Милору с Артемом и неохотно согласился:

— Ладно, ведите... Но руки не опускать!

Под конвоем детей, не опуская рук, Андраковский прошел по «Большой Медведице» и, кивая головой, надежно доказал, что никаких криминальных пистолетов и дукатов, изумрудов и бриллиантов в отсеках и трюмах катера не содержится.

— Все равно подозрительно! — шепнула Милора Даниилу, но Даниил мрачный, как гроза, только показал кулак Артему.

— Да не мог я упустить! — отчаянным шепотом крикнул Артем.

— Ладно, руки-то это... — хмуро сказал Даниил пиратам. — Обозначись.

— Ничего,— успокоил Андраковский. — Может, тогда чайку?..

— Некогда,— вздохнул Даниил и метнул в Артема тяжелый, испепеляющий взгляд.

— Давайте-давайте! — живо сказал Артем.

Обняв Даниила и Артема за плечи, Андраковский повел всех в рубку. Бомбар притащил стол, отодвинул мольберт, расстелил скатерть; Катарсис принес из кладовки самовар и чашки, вытащил из шкафа огромный пряник и поставил кипятить воду.

Все расселись вокруг стола.

— А что, ваш корабль сильно пострадал от пиратов? — осторожно поинтересовался Андраковский. — Может, помочь?

— Не знаю,— пожал плечами Даниил. — Мы решили сперва бандитов обезвредить.

— А где... — маэстро помялся. — Где ваши родители?

— Их пираты усыпили,— ответила Милора. — Там и спят, на звездолете.

— Значит, вы в одиночку полетели? — Андраковский покачал головой. — Думаете, справитесь?

— А что? — вызывающе спросил Даниил.

— Нет-нет,— быстро сказал Катарсис. — Ничего абсолютного!

— А почему вы считаете, что вы вправе наказывать этих несчастных? — печально полюбопытствовал маэстро.

— Возраст здесь ни при чем,— отрубил Даниил. — Мы — представители более высокоразвитой и гуманной цивилизации, поэтому имеем право.

— Конечно, так,— неохотно согласился Андраковский. — Но...

— Это логика воинствующей добродетели.

— Понятия добра и зла очень относительны. Нужен богатый опыт, чтобы верно разобраться.

— Все равно, ни у кого нет морального права грабить.

— Но это же не детское дело — карать за проступки. Я всегда считал Землю очень гуманной планетой! У вас, кажется, был даже какой-то Христос, который завещал прощать падших.

— Христос — это легенда, бывший бог. И примитивно под гуманизмом понимать всепрощение.

— А милосердие? Будьте милосердны, дети! Вы идете по зыбкой трясине! Вам надо учиться милосердию и чуткости! Чутко надо подходить, чутко!.. Может, вас плохо воспитываю?

— Наши понятия о нравственности вполне сформировались, чтобы мы могли принимать самостоятельные обдуманные решения и строить свои отношения с людьми на объективных предположениях! — громко, зло и официально заявил Даниил.

Андраковский ухватил себя за подбородок. Рассуждения этого малехонького, самоуверенного землянина брали верх над его смутной системой человеколюбия, где одно противоречило другому, где творились письма для будущего и совершались грабежи. Катарсис разлил чай по чашкам, и Даниил, взяв чашку в обе руки, стал дуть, смешно округляя щеки. Милора грызла пряник, роняя крошки, и Артем краснел от стыда за нее и толкал ее ногой под столом.

В чем же загвоздка? — думал Андраковский. — Где проходит та эфемерная линия, что не бросает доброго и гуманного по натуре человека — а ведь даже давний воспитатель маэстро пират Параллак был добр по-своему! — из одной крайности в другую? Где та система воспитания, что учит сильного, мужественного и стойкого землянина быть милосердным, чутким, умеющим прощать? А может, он и не прав вовсе? Может, это и есть доброта — объективная, целесообразная, расставляющая всех по местам и насылающая возмездие?

Но пока Андраковский думал, в пустоте по направлению к двум катерам несся третий. Это разъяренный Аравиль Разарвидзе случайно обнаружил не подающий признаков жизни «Аввакум», а в нем — спящий экипаж и записку Даниила.

— Шакалы! — шипел Аравиль, форсируя скорость. — Гнусные твари! Подонки!

Катер трясся, двигатель ревел. На экранах иллюми-

наторов уже вырисовывалась страшная картина: беззащитные дети попались в плен к пиратам. Два сосыко-вавшихся катера, словно вампир и его жертва.

И уютную тишину чаепития вдруг разорвал грохот включившегося динамика.

— Подлый пират, оборотень, садист! — заорал голос Аравилы. — Отпусти детей, слышишь, мерзавец!

Все вскочили, опрокинув чашки. Глаза Милоры полезли на лоб. Даниил ужаснулся. Артем позеленел. Минуты три длилось молчание, потом Андраковский достал бластер и сказал:

— Дети, уходите, пожалуйста...

ГЛАВА 4.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЗАВАРУХА

— Это знак, — говорил Катарсис, который верил в приметы. — Этот Аравиль Разарвидзе нам послан судьбой на горе. Чувствую, что нам будет очень плохо.

Андратовский сидел на ручке кресла, молчал и нервно курил сигарету за сигаретой, гася окурки в окошечке циферблата. Бомбар стоял, прислонясь к переборке, и дремал.

Отвязаться от Аравилы было легче, чем думали пираты, но Аравиль еще кричал по радио вслед уходящей «Большой Медведице», что дни ее сочтены и, шайтан их дерн, он лично расправится с нею. Но не это удручало маэстро. Очень плохо получилось с детьми. Он едва-едва пошатнул непробиваемую стену справедливости в маленьких землянках, едва-едва попытался освободить окостеневшие души, как этот дурак врывается со своими ругательствами, выворачивая все наизнанку. Смогут ли дети отнестись милосердно к какому-нибудь малопонятному существу, когда первые же пираты на их пути гнусно их обманули, выдавая себя за людей честных и благородных?

Андратовский курил и кашлял, а в иллюминаторе росла громада приближающейся станции «Большая Медведица» — помесь железнодорожного моста, исполинского барабана и автомобильного мотора чудовищных размеров. Обойма из пяти гигантских труб-ангаров торчала, целясь в пустоту, как забытая артиллерийская батарея. Катер сбавил ход и, словно поршень в цилиндр, вплыл в ангар.

— Вошли, — сказал Артем Даниилу.

«Аввакум-2», с погашенными огнями и выключенной сигнализацией гнавшийся за «Большой Медведицей» на гравитационной тяге и потому невидимый, будто черная кошка в угольной яме, плавно замедлился перед пастью ангара. Ни Милора, ни Даниил, ни даже Артем не рассчитывали отпускать пиратов подобру-поздорову. Когда, услышав ругательства Аравилы, Андратовский отправил детей на их катер, Милора предложила этот план: выждать немного, погасить все огни, включить глушители и мчаться за маэстро в погоню, чтобы разведать местонахождение тайной пиратской базы, и там прихлопнуть всю шайку, как шляпой тараканов. И Аравиль с Андратовским попались на удочку, разошлись в разные стороны, а потом «Аввакум-2» исчез прямо из-под носа «Санскрита».

Тем временем Андратовский поручил Бомбару перетащить награбленное добро, ушел в свой отсек, высыпал в ванну пакет хвои для аромата и залез в горячую воду.

Он подождал, пока тепло проберется внутрь и ослабит тело, как расслабляют подпруги у седел, взял в руки книжку стихов-танка и задремал. Он сам не заметил, что задремал, книжка поплыла по воде, но вдруг с треском и искрами над головой маэстро включился экран, и Катарсис крикнул:

— Я говорил, что не надо связываться!..

Андратовский от неожиданности хлебнул остывшей воды, закашлялся и погрозил роботу кулаком.

— Эти дети нашли станцию! — крикнул Катарсис.

(76) И теперь — на, пожалуйста! — заходят в ангар! Через пять минут они нас перестреляют!

— Не волнуйся, ради бога, — ответил маэстро и выловил из ванны книжку. — По отношению к детям никакого насилия!

— Как же!.. — рассвирепел Катарсис, но маэстро прервал его:

— Значит, так... Раз уж они нас считают мерзавцами, надо с педагогическими целями таковыми и представиться. Мы должны дать понять детям, что такое истинное зло. Пусть они победят нас и зло в нашем лице, а потом мы как-нибудь уладим это дело... Если они потерпят поражение или впоследствии будут мучиться от совести, что наказали нас несправедливо, может развиться комплекс неполноценности, а это...

— А они уже взломали дверь шлюза, — желчно сказал Катарсис, следивший за детьми из рубки по монитору.

— Сделаем следующее, — Андратовский вылез из ванны и схватил полотенце. — Пусть они немного побродят по станции, а после мы их возьмем в плен. Я изобразю из себя злодея, желающего уничтожить всю планету, а затем мы дадим им возможность бежать и расправиться с нами. Уж тогда-то они должны понять, что такое настоящее добро и зло, а, Катарсис?

Маэстро накинул халат, взял бластер и побежал в рубку, то и дело теряя тапочки. Он был вдохновлен своей новой идеей.

А дети перебежками двигались по станции. Со структурой помещений они, конечно, знакомы не были, а потому, попав в хозяйственный отсек, первым делом расстреляли два скафандра, приняв их за пиратов. Катарсис, следивший за детьми, скупо скрипнул. Потом дети выбрались в центральный тоннель и побежали к энергоотсекам, но отвлеклись на каюты экипажа. Затем, взломав дверь, они попали в помещение металлосвалки, откуда, проплывив стену, выбрались на лестничный марш второго внешнего обвода. Спустившись на две палубы вниз, они прошли сквозь мастерскую Андратовского и постояли у полотен. «Они умеют ценить искусство!» — растроганно шепнул маэстро Катарсису. Дети тем временем уже исследовали пустую багажную камеру, откуда по грузовому каналу проникли в жерло заброшенной катапульты и долго гадали, где же они очутились.

— Уже сорок минут прошло, — напомнил Катарсис. Андратовский вздохнул и стал вызывать Бомбара. Через пятнадцать минут дети, стоявшие у левой трахеи компрессора в агрегатном цехе, услышали деликатное покашливание и обернулись. На них смотрели стволы бластеров Андратовского и Бомбара.

— Руки вверх, дети, — сказал маэстро.

Артем выронил оружие. Даниил от неожиданности забыл, где гашетка. Пираты молниеносно упали на пол — это Милора огнем ответила на приглашение к сдаче. Сзади гулко лопнул газовый баллон. Бомбар на животе подвезал к Милоре и длинной рукой греб девочку. Андратовский укоризненно поглядывал на Артема с Даниилом и встал с пола.

Через минуту дети под конвоем Бомбара уже шагали в специально отведенный тюремный отсек. Андратовский для острастки связал им руки за спиной и убежал в медпункт, где нашел и съел таблетку цианмола, от которого любой голос становится рычащим и хриплым. Порывав для тренировки, маэстро стащил с себя куртку и бластером аккуратно выжег дыру на боку. Потом подумал, натер лицо кремом с Тальвикса, от которого очень быстро росла щетина, а после уже побежал к пленникам.

У тюремного отсека переминался с ноги на ногу стоявший на часах Катарсис. Андратовский сочувственно вздохнул и вошел внутрь.

Дети сидели на диване, лица у них были угрюмые и суровые. Они предчувствовали мучительную смерть

в руках пиратов, но не желали терять гордого звания землянина.

Андраковский остановился посередине, оглядел их и сказал:

— Что ж, шутки в сторону. Пираты — не игрушки для детей. Мы рассчитывали захватить взрослых, но немного промахнулись...

— Вы от нас ничего не добьетесь, — сказала Милора.

— Через три дня здесь будет боевой крейсер с Земли, если вы нас не отпустите, — мрачно соврал Даниил.

Андраковский оглушительно расхохотался, сел в кресло и, достав нож, принялся чистить ногти.

— Значит, так, — сказал он. — Вам все равно умирать, и я расскажу. На вашей планете я закопал двенадцать мин, и если вы — я имею в виду землян — откажетесь выполнить мои условия, я их ужасно взорву.

— А какие условия? — спросил Артем и получил локтем в бок от Милоры.

— Совсем немного. Мне нужен новый, хорошо вооруженный корабль и пять миллионов в галактической валюте.

— А от нас что надо? — спросил Артем и получил второй раз локтем в бок.

— Вы ничего не дождетесь, — ответил Даниил и стиснул зубы.

— Вы должны сказать пароль, чтобы я прошел сквозь защитный экран Земли. Иначе, если я нажму красную кнопку — она, кстати, находится в верхнем ряду второй секции левого сегмента на главном пульте — но не узнаю пароль, мины направят разряд в глубь земли, и никакого взрыва не будет.

— Нас не запугать! — отрезала Милора. — Мы ничего не скажем!

— Ладно, — Андраковский усмехнулся как можно кривее. — Не хотите — как хотите. Тогда сегодня после ужина я приду вас пытать, ясно?

Он встал, почесал грудь, плюнул в угол и вышел. Катарсис достал платок и вытер испарину со лба маэстро.

Половина дела была сделана. Андраковский считал, что ловко придумал ситуацию. Теперь дети, когда вырвутся из плена, нажмут дурацкую красную кнопку и будут уверены, что разрядили мины, спасли Землю и наказали зло в лице пиратов. По мнению Андраковского, в этой истории он верно ухватил суть истинного зла, к тому же дети, испытав близость смерти, начнут уважать жизнь человека и его свободу, поймут, как многое зависит от каждого их поступка. Вот только как потом выкрутиться из этой истории, маэстро пока еще не решил. Но до этого еще ой как далеко, и надо ждать вечера.

Однако планы маэстро были властно скорректированы чужой рукой. Бледный от волнения и злой, словно голодный беркут, с бластером наперевес по коридору крался Аравиль Разарвидзе.

Когда из-под носа «Санскрита» буквально исчез «Аввакум-2», Аравиль опешил. Он беспорядочно включал и выключал приборы, шарил локаторами, потом бегал по рубке; пока его не осенило: пираты! Да-да, кто же еще, пираты! Их козни, их дьявольский, злоеущий замысел! И Аравиль развернул катер. Кое-как сориентировавшись, он долго летал по пространству, яростно буравя вакуум пламенем из сопел, пока индикатор едва слышно не пискнул — это на пределе дальности была обнаружена станция. Опасаясь ловушек, Аравиль подбирался чертовски осторожно. Как он и думал, «Аввакум-2» находился в пиратском ангаре. Аравиль хладнокровно приготовил бластер, три батареи боекомплекта, ввел «Санскрит» в ангар, пришлюзовался, расцеловав жену свою Лалу, и, незамеченный, выскользнул наружу, то есть внутрь станции.

Он крался, точно барс, умело используя любой поворот, любую нишу. Острый кинжальный взгляд бил не хуже молнии. Куда уж несчастному, старому, довер-

чивому Катарсису было соперничать с этим дьяволом во плоти!

Катарсис стоял на часах с бластером с руке. Дети сидели за дверью тихо, только что-то едва слышно настойчиво скрежетало — это Даниил карманным ножиком выпиливал замок. Аравиль затаился, незаметно выгладывая время от времени, и, когда Катарсис отвернулся, пружиной вылетел в коридор. Тяжелый приклад бластера обрушился на кубическую голову Катарсиса, грохнул металл, и робот с тихим мычанием опустился на пол. Аравиль пинком вышиб дверь, подбив глаз Даниилу, и чуть не завопил от восторга — дети были здесь!

— Ранен? — Аравиль бросился поднимать Даниила.

— Пустяки... — прокряхтел Даниил. — Все живы... Бежим...

Аравиль выглянул в коридор — никого.

— Бежим! — воскликнул он. — Но в сторону от меня ни шага!

Они выскочили в коридор. Даниил нагнулся за бластером, выпавшим из рук бесчувственного Катарсиса.

— Надо найти у пиратов рубку, — вдруг сказал Артем.

— Зачем? — спросил Аравиль.

Через минуту он понял, что освободить детей — это мало. Он понял, что эту пиратскую шайку, эту сорную траву на поле Галактики надо выжечь на корню. Четыре решительных мстителя помчались по коридору.

— Как плохо-то все вокруг!... — тоскливо прошептал Андраковский, который вместе с Бомбаром прятался за углом и видел все.

Пираты постояли еще минуту и вышли из укрытия. Андраковский склонился над Катарсисом.

— Ты жив, старина? — сострадательно спросил он.

Катарсис со скрежетом сел.

— Козел, — с чувством сказал он. — Горец проклятый. Голову помял, в левом глазу цветное изображение отбил...

Маэстро и Бомбар с трудом поставили Катарсиса на ноги, но робот сразу же прислонился к стене.

— Ладно, дружище, мы тебя пока оставим, — подумав, сообщил Андраковский. — Они, значит, побежали в рубку? Делов натворят!.. Сделаем так. Обгоним их по второму ярусу и дождемся в аккумуляторном отсеке. Горца от детей отрежем дверью. Ты, Бомбар, возьмешь его на себя. А я — за детьми. Усвоил?

Бомбар кивнул.

Через секунду пираты уже летели на дело.

Андраковский имел в виду пустой энергоотсек. Там в полу была четырехугольная шахта глубиной метров в пять, куда маэстро посоветовал Бомбару спихнуть Аравилу.

Земляне, понятно, и не подозревали о готовящейся каверзе. Они находились уже в двух шагах от засады. Андраковский напрягся. В полутемном тоннеле зашевелились тени. Потом послышались шаги, и, пригибаясь, в проеме появился Аравиль с бластером. Поставив и оглядевшись, он шагнул в отсек.

Маэстро с силой толкнул от себя дверь на роликах. Металлическая пластина пронеслась за спиной Аравилы и грохнула в стену. Сработал замок. Бомбар выскочил из темноты и ногой очень ловко выбил оружие из рук Аравилы. Андраковский обрадованно улыбнулся и нырнул в горловину вентиляционного люка.

Едва не задохнувшись, он выбрался в тоннель. Дети колотили кулаками в запертую дверь. «Ау!...» — крикнул им Андраковский и побежал прочь, громко топая. «Вот он!» — завопила Милора, указывая на маэстро. Бластерная струя ударила о переборку. Маэстро припустил, слыша за собой погоню.

Бомбар же, ухнув, ухватил Аравилу поперек туловища, поднял над головой, подумал и бросил на пол. Горец грянулся так, что сознание, как пух из подуш-

ки, выскочило из его головы. Бомбар подтащил Аравиль к шахте, схватив за ноги, опустил его вниз. Аравиль упал на дно, но не очнулся. Бомбар спихнул ему и выбитый бластер, ибо был существом незлым, честным и простодушным, постоял, почесал затылок и пошел искать своих.

А маэстро в это время убежал от погони.

Он летел по тоннелям и переходам, давно потеряв и направление, и благодушие. Он хрипло дышал, глаза выкатились, набрякли мешки. За спиной не стихал топот, и время от времени молнии били в стены, озаряя все алым светом. Андраковский бежал что было духу, бросался из стороны в сторону, сворачивал в боковые проходы и кувырком скатывался по лестницам. Люки, двери, огни, ступеньки — и все это по новому кругу. В боку страшно щемило, сердце тархтело, как пишущая машинка. Маэстро убежал и страстно проклинал тот миг, когда в голову ему пришла идиотская затея с воспитанием землян. Какое к черту воспитание, когда учителя развалят на кусочки, если он чуть сбавит бег! Выжить, только бы убежать, о господи, если ты есть, не дай запнуться рабу твоему Андраковскому!..

Дети тоже изнемогали от бешеной погони, но Земля умела растить выносливых детей. Багровый Даниил бил ногами в пол, как бычок, Милора лишь раскраснелась, но Артем совсем спекся. Даниил ухватил его за плечо, но тут пират вдруг свернул в узкий проход.

Андратовский ворвался в собственную мастерскую. Еще один бросок через зал, и он нажмет на рычаг у распределительного щита, и бронированная дверь хлопнется перед носом преследователей. Но тут нога маэстро могуче врезалась в порог, и он с разгона стремительно полетел вперед, перевернувшись в воздухе. Колесом прокрутились светильники и полотна на подрамниках, и Андраковский упал вниз лицом у самой лучшей своей картины — «Автопортрет в эклипнике». Он хотел вскочить, но в этот же миг волна жара промчалась над его головой, и по натянутому полотну словно ударили молотком. Андраковский прикрыл затылок руками, и на руки упал горячий пепел. Маэстро расцепил пальцы и медленно поднял лицо. В картине, что стояла над ним, как парус, зияла огромная дыра с обугленными краями, и дыра эта еще расплзалась, скручивая полотно в невесомые пепельные трубочки.

Дети стояли в трех шагах от распластавшегося на полу пирата и смутно чувствовали, что этот неудачный выстрел гораздо неудачнее на самом деле, чем им сперва показалось. Пират сел на корточках спиной к землянам, потрогал пальцем дыру и, обхватив голову руками, стал качаться из стороны в сторону. Вся его фигура выражала нестерпимую муку. Так он качался минут пять, но потом встал и, обратив к детям мокрое лицо, грустно сказал:

— Дети, это была игра. Мы просто тихие, мирные, нищие и безобидные пираты, не трогайте нас, пожалуйста. И нету никаких мин и никакой кнопки. Научитесь, дети, различать добро и зло. А пока уходите, я очень вас прошу. Уходите навсегда.

ГЛАВА 5.

ПУГАЮЩАЯ ИГРА

— Мы позволили, чтобы нас выставили со станции, как!.. — Даниил задохнулся, не найдя слов. — Мы собрались с корнем выдрать пиратов с галактической нивы, а нас сдвинули с дороги, как!.. В двух шагах от нас пиратское логово, где остался этот... как его? Аравиль Разарвидзе, а мы ведем себя, как!..

— Но он же просил не приходите никогда... — робко заметил Артем.

Милора хмыкнула, а Даниил лишь выпучил глаза и стал багровым.

«Аввакум-2» третий час летал вокруг станции «Боль-

шая Медведица». Аравиль Разарвидзе, забытый пиратами, сидел на дне шахты и грыз ногти. Бомбар спал в каюте Андраковского. Маэстро глядел в иллюминатор и пальцем на стекле писал какие-то слова. Бесшумный Катарсис нес вахту. Одна в пустом катере Аравиль тихо плакала Лала...

На тридцать четвертом витке «Аввакум-2» вдруг разразился огнем из сопел и вкось поплыл к ангару. Катарсис дождался, пока на пульте погаснет зеленый огонек, что означало стыковку, встал, вышел из рубки, запер дверь на замок и пошел искать маэстро.

— Они возвращаются, — услышал Андраковский за спиной и оглянулся, не вникнув в смысл слов. По лицу его бродили тени не угасших еще размышлений, глаза глядели неосмысленно.

— Дети возвращаются на станцию, — повторил Катарсис, открыл дверцу в груди и достал бластер. — Их надо убить.

На лице маэстро словно из глубины выплыло выражение озверелости. Поблуднев, он с минуту бешено глядел на робота, пока тот не спрятал бластер, потом пошел в свою каюту. Там он поднял с койки Бомбара, вытащил белую простынь и стал врать ее на флаг.

Через двадцать минут процессия пиратов, шедшая под белым флагом, была обстреляна в районе малого кубрика.

— Эй! — крикнул Андраковский из-за угла, где укрылся, — Дети! Мы идем с белым флагом! В нас нельзя стрелять! Мы хотим перемирия и переговоров.

В коридор вышел Даниил и остановился, вставив руки в карманы. Андраковский двинулся ему навстречу, подняв знамя повыше. Они сблизились, посмотрели друг на друга и по обоюдному молчаливому согласию сели на пол.

— Мы вернулись, чтобы арестовать вас, — сказал Даниил.

Маэстро тоскливо посмотрел на потолок.

— Пиратству — бой, — сказал Даниил. — Мы вас все равно арестуем.

Андратовский заворочался, достал сигарету, но спохватился и спрятал ее.

— А потом нас куда, в колонию? — спросил он.

Даниил пожал плечами.

— А если мы дадим честное слово больше не пиратствовать? — с надеждой спросил Андраковский снова. Даниил подумал.

— Во-первых, мы вам не верим, потому что вы нас уже однажды обманули. Во-вторых, существует такое понятие, как расплата за прежние преступления.

— Это, в конце концов, негуманно! — в сердцах, но безнадежно сообщил маэстро.

— Гуманизм — растяжимое понятие, — возразил Даниил.

— А я слышал, что Земля — планета чуть ли не идеального гуманизма. Это мне один каторжник на Двужильном Тягуе говорил.

— Глупости он вам говорил, идеального гуманизма нет. Скажем, данная ситуация. Вы проповедуете гуманизм в отношении к одной личности без оглядки на все остальное общество. Мы же — наоборот. Что гуманно для общества — гуманно для личности.

— Но это исключает свободу!..

— Относительно. Если человек... — Даниил замолчал.

— Во-первых, это нивелирование духа; а во-вторых... Во-вторых, неужели Земля такая бедная планета, что, воспитав в человеке верные моральные принципы, она не может позволить ему идти своим путем, пусть и не таким, как все? Ваше добро несправедливо!

Маэстро увлекся пафосом беседы, как вдруг Даниил строго сказал:

— Не кажется ли вам, что мы уклонились от темы? Андраковский словно споткнулся на полуслове.

— Сдавайтесь, — жестко сказал Даниил, не дожи-

даясь ответа противника, и добавил: — Пока мы с вами разговаривали, Артем и Милора обошли ваших с тыла.

Маэстро изменился в лице, оглянулся, встал и побежал к своему укрытию. Но едва он завернул за угол, в живот ему уткнулся ствол бластера. Сердце пирата ёкнуло, тошнота подступила к горлу.

— Руки вверх,— сказала Милора.

У стены под прицелом Артема лицом к пластику стояли Бомбар и Катарсис, заложив руки за головы. — Это низко,— тихо сказал маэстро.

Через десять минут пиратов втолкнули в пустую каюту и захлопнули за ними дверь. Рыча, сработал мотор замка. Андраковский с досады пнул косяк и крикнул:

— Вот он, ваш гуманизм!..

Никто не ответил на выпад маэстро. Бомбар преданно глядел на него наивными глазами. Катарсис взял Андраковского за локоть и, попытавшись лукаво подмигнуть правым фотоэлементом, доверительно шепнул:

— А бластер-то у меня с собой!..

Он похлопал себя по дверце на груди.

Андраковский ничего не ответил, поспел, как бык, ушел в угол каюты и оттуда уже буркнул:

— Ладно, сейчас спим, а ночью вырежем дверь и убежим. Заведи будильник на четыре, старина.

До ночи дети занимались важными делами. Отлет с пленными пиратами был назначен на утро, и надо было успеть проверить версию с красной кнопкой и найти Аравилу Разарвидзе.

Красная кнопка действительно оказалась фикцией. На всякий случай Милора нажала на кое-какие другие красные кнопки, но ни к чему это не привело, если, конечно, не считать случайно отстрелившихся отсеков с туалетами. Аравиль тоже был найден быстро, но извлечь его из ямы дети не смогли. Ему сбросили матрас, подушку, одеяло и ужин и пообещали к утру чего-нибудь придумать. На ночь стоять в часах у пиратской каюты упростила Милора. «Большая Медведица» погрузилась в сон, и автоматика выключила свет. Синий сумрак наполнил коридоры.

Пираты спали, когда раздался рокот замка, но маэстро моментально открыл глаза. В появившейся щели темнел силуэт ребенка. Маэстро тихонько толкнул ногой Катарсиса.

— Эй, пираты,— позвала девочка шепотом.

— Чего? — так же интимно ответил маэстро.

— Убегайте отсюда,— сказала Милора.

Маэстро сел на койке.

— Как это? — тупо спросил он. В темноте заворочалось, и рядом выросли тени Бомбара и робота.

— Я вас выпускаю,— сказала Милора.— Бегите.

Она открыла дверь пошире и отступила, давая проход. На плече у нее висел бластер.

— Маэстро!.. — страстно шепнул Катарсис, и в левом боку у него вдруг яростно затрещали блестящие искры. Андраковский еще не оценил ситуацию, как Катарсис вдруг рванулся и исчез, распахнув дверь настежь. Аквариумная синева ночного освещения плескалась в пресеме. Бомбар посмотрел на маэстро, мигнул и тоже исчез. Только тут до пирата дошел весь смысл положения, и в груди его словно ударник клюнул в капсулю. Андраковский метнулся вслед, но внезапно какая-то сила развернула его и отбросила к молчаливо стоящей Милоре.

— Девочка,— свистящим шепотом спросил он.— А зачем ты это сделала?

Милора попятилась, перетягивая бластер.

— Вы — пираты... — сказала она.— Значит, вы убегайте... Давайте скорее... Через десять минут я объявлю тревогу, и будет погоня...

— Девочка!.. — выдавил маэстро, и голос его ушел куда-то в область ультразвука.— А ведь ты можешь нас убить!..

Милора еще попятилась.

— А ведь это плохая игра! — глаза Андраковского светились белым, тусклым светом.

— Маэстро!.. — донесся призывающий стон Катарсиса.

Андраковский бросился на зов.

Они мчались по ночным тоннелям, сворачивая куда попало; желтые светящиеся указатели молниями летели мимо.

— Катарсис, погоди! — крикнул, наконец, маэстро.— Я же не железный, я так быстро не могу!..

Катарсис остановился, и Андраковский едва не врезался в него. Тяжело дыша, маэстро сел на пол. Из тьмы появился Бомбар, убежавший далеко вперед и уже вернувшийся.

В наступившей тишине слышались лишь частые хрипы маэстро да очень далекий вой сирены.

— Ищут уже,— на выдохе сказал Андраковский и на другом выдохе добавил: — Прятки...

— Прятки — разорви штаны на тряпки,— зло ляпнул Катарсис.

— Куда бегим-то? — спросил маэстро.— Не бежать надо, а спрятаться получше.

— Зачем? — поинтересовался робот.

— Отдохнем, переждем и придумаем, как детей выжить.

— А где мы? — спросил Катарсис.— А, понял! Представляете, маэстро, это катапульта! Я здесь не был уже лет пять!

На гигантской станции «Большая Медведица» встречались такие закоулки, где Андраковский вообще ни разу не появлялся, поэтому слова Катарсиса он воспринял спокойно.

— Я предлагаю здесь и спрятаться,— сказал маэстро. И добавил:

— Думаю, минут через сорок они нас найдут.

— Всего сорок?! — с ужасом воскликнул Катарсис.

— Они же пойдут с металлоискателем,— грустно пояснил маэстро.— А ты, старина, железный.

— Никель и хром,— из гордости поправил Катарсис.

— Тем более,— вздохнул маэстро.— Значит, твой изотопный след не растворяется в воздухе втрое дольше.

Маэстро встал и направился к ближайшему люку. Пираты выбрали в причальный блок, перелезли компрессорные кофры, обойдя инерционный поршень, поднялись на грузовые аппарели и по пандусу сквозь раскрытый шлюз прошли в огромную шахту катапульты.

Пока Андраковский закрывал люк и ставил блокировку, Катарсис забрался по лестнице на периметрический мостик и через темное маленькое окошко стал смотреть наружу. Андраковский на дне шахты сел на большую, бессильно лежащую лапу захвата и стал думать, как выпроводить детей. Маэстро перебрал множество вариантов, пока ему в голову не пришла такая мысль: надо подготовить «Аввакум-2» к отлету, заложив в киберштурмана программу поиска «Аввакума»-звездолета и стерж из его памяти координаты станции, а потом запихать детей на их же катер и отстрелить. Больше они не вернуться.

Но продумать детали операции не дал крик Катарсиса:

— Они идут!

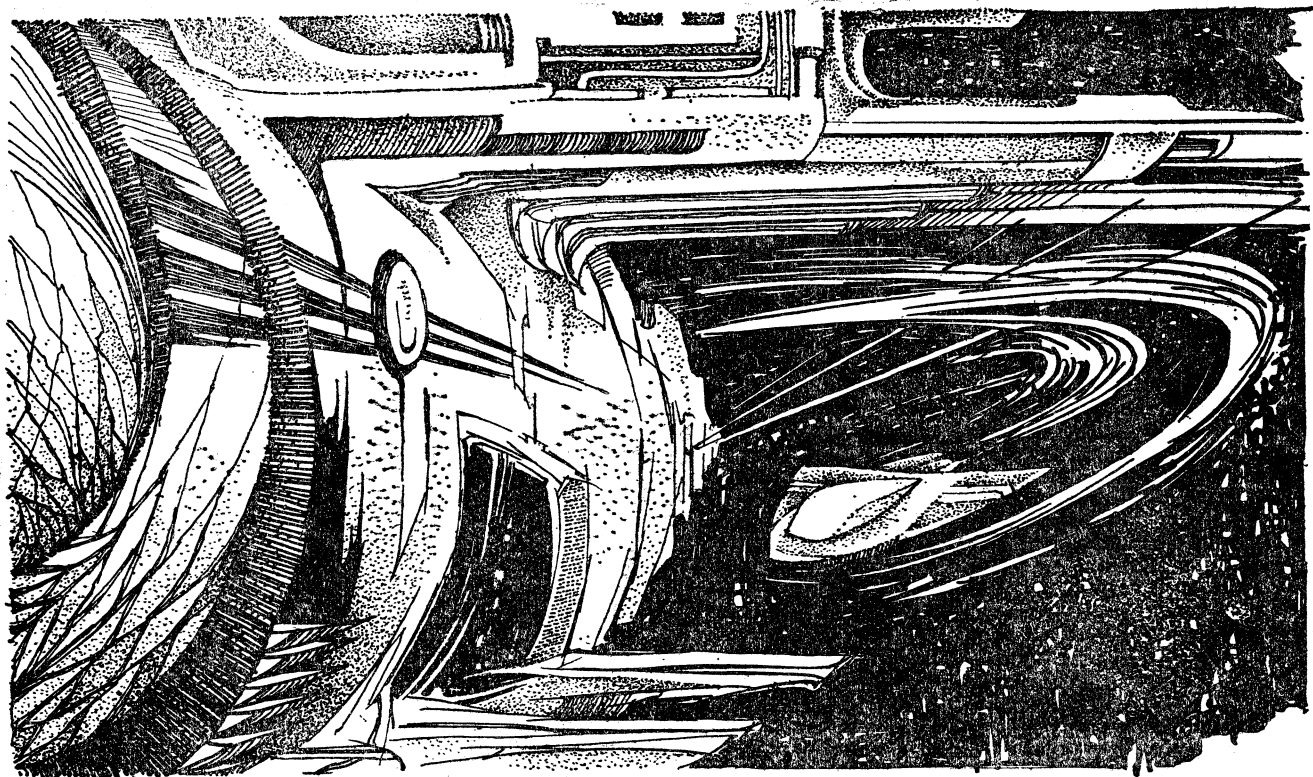
— Вот они где укрылись,— сказал Даниил, встряхнув коробочку металлоискателя.— Думали, не найдем!..

— Дверь-то на блокировке,— тихо сказал Артем и вдруг неожиданно для себя зевнул.

— Сейчас мы эту дверь... — Милора подняла бластер.

— Она огнеупорная,— еще тише заметил Артем и снова зевнул.

— Подумаешь, блокировка!.. — хмыкнул Даниил и вытянул из стены маленький пульт на штангах.— Сейчас мы найдем кнопку, чтобы открыть... Артем, как ты думаешь, какая из этих?..

В жерле катапульты у окошка Андраковский в отчаянии ударил себя по голове: ну как он мог забыть такую банальную вещь!.. Но вдруг вся система катапульты ожила, точно вставший из вечной мерзлоты мамонт. Андраковский и Катарсис попятились, одинаково похолодев. Вспыхнули огни на стенах у рельсовых каналов шахты. С лязгом дернулись четырехпалые манипуляторы на дне и встали дыбом, точно кобры. Бомбар в ужас бросился наверх. Зарокотали какие-то моторы, напряглись шланги, что-то зашипело, исполинские обручи выдвинулись из стен.

— Они пробуют кнопку за кнопкой! — закричал маэстро, выглянув в окошко, и волосы шевельнулись на его затылке: — Сейчас он даст команду о катапультировании...

В тот же миг взвыли sireны, и вздрогнула вся машина.

— Он нажал кнопку... — прошептал маэстро и сполз вниз. По его побелевшему лбу покатился ледяной пот.

Днище вспучилось четырьмя телескопическими трубами стартовых упоров. Через три минуты несчастные пираты будут выброшены в открытый космос, как вишневые косточки.

— Выход!.. Я вижу выход!.. — завопил Катарсис и ухватил маэстро за плечо.

— Что это там гудит, а? — спросил Даниил Артема. Артем посмотрел вверх и пожал плечами.

А пираты огромными прыжками неслись по окружности балкона, потом с нечеловеческой ловкостью и быстротой полезли вверх по скобам. Металл грохотал, выла сирена, что-то свистело и рычало внизу. Катарсис с разгона ударил головой в вентиляционную решетку, и та сорвалась с ржавых петель, ухнула вниз, хватив Бомбара по спине, и исчезла. Круглый узкий тоннель с ревом всасывал воздух, и пираты нырнули в этот тоннель, покатались в яростном, могучем потоке по отполированной трубе к воющему компрессору, и Катарсис точно, как стрела в кольцо, вошел в сопло. Компрессор подавился, удушенно замолк и

181 вдруг оглушительно не то взорвался, не то лопнул. Едва не отхватив пятки маэстро, сзади рухнула металлическая заслонка, но Андраковскому показалось на миг, что он увидел разошедшуюся диафрагму стартового ствола и ледяной перелиз стылого огня на злых звездах открытого вакуума. Морозная волна прокапала по тоннелю, осев кристаллами инея.

А дети долго и бесплодно гадали, что же такое приключилось с этой странной катапультой?

— Может, мы их отстрелили? — задумчиво спросил Артем.

Милора, рассвирепев, только дергала дверь за ручку.

Пираты, то и дело застревая, ползли к выходу по тесным трубам, а дети все искали объяснение таинственному грохоту в катапульте. Воздуховоды вывели беглецов в узкий тамбур между стенкой коллектора и глыбой редуктора. Катарсис сгрузил ослабевшего маэстро на пол и сказал:

— У вас что-то волосы заснежило...

Андраковский вяло провел рукой по голове — ладонь осталась сухой.

И тут раздался торжествующий вопль:

— Ага! Вот они!

Маэстро вскочил, как пружина, вмиг превратившись в нервическое, дикое существо с расширенными зрачками. Катарсис зарычал и метнулся за какое-то укрытие, выставив бластер.

— Старина! — чуть не плача, закричал маэстро. — Я больше не могу! Спаси меня, ради бога!

— Уходи! — заорал Катарсис и пальнул в потолок. — Уходи отсюда, уходи в мастерскую! Бомбар, тащи его! Катарсис открыл беспорядочный, но ураганный огонь.

— Только не по детям! — тонко крикнул Андраковский, но тут Бомбар сгреб его, взвалил на плечо и поволок.

Они убегали, путая следы и все более запутываясь сами. Не выпуская маэстро, Бомбар прыгал в лестнич-

ные пролеты, карабкался по шахтам лифтов и трижды пролезал сквозь ледяные чрева рефрижераторов. В районе малой обсерватории их догнал Катарсис, но снова отстал, воздвига баррикаду. Они пронеслись по пустой, как стадион, десантной палубе, где в выпуклых иллюминаторах ночными эскадрами горели звезды, проникли в черный, мрачный, глубокий трюм, набитый полумертвыми машинами, и протиснулись вдоль пластин большого аккумулятора, где Катарсиса так трахнуло током, что он разучился произносить гласные звуки. Но все уловки были бессмысленны.

— Значит, так,— сказал Даниил, когда Катарсис прекратил истребительную лавиноподобную пальбу и умчался вслед за маэстро.— Куда он крикнул-то? В мастерскую, да?

В отсеке было тихо, только звонко капал расплавленный металл. Милора и Артем осторожно выглянули из своих убежищ.

— Там и встретим,— решил Даниил.

Через полчаса дети вошли в мастерскую.

Никого.

В то же самое время Аравиль Разарвидзе, сидевший в своей яме, перестал скрипеть зубами и кричать в пустоту над головой, вытащил бластер и применил один из углов шахты, чтобы расплавить лучом пол и выбраться на нижнюю палубу.

Дети прошлись по мастерской.

— И спрятаться-то негде, одни картины!...— проворчал Даниил, оглядываясь.

— В каких мирах они столько награбили?— печально спросил Артем, переходя от одного полотна к другому.

— Тогда сделаем так,— решил Даниил.— Мы поставим у входа большую картину и прицепим к ней сзади инфразвуковую мину. Пираты придут— захватят картину, тут-то она и сработает. Они сразу упадут в обморок, мы выскочим из засады и свяжем их. А, какова идея? Милора, давай быстро на катер за миной!

Милора, согласившись, молча вышла из мастерской.

— А картина-то ведь погибнет,— укоризненно сказал Артем.

— Выберем, которая похуже,— ответил Даниил и прошелся по мастерской, прицениваясь.— Вот эту, например.

Он выдвинул старое полотно «Я нашел в своей груди маскон».

— Чуть-какая-то,— резюмировал Даниил, еще раз оглядев картину.— Ничего не понятно.

И он потащил ее к проходу.

А пираты в это время, сами не зная для чего, устало брели к мастерской.

За пять минут до их появления вернулась Милора, Даниил быстро укрепил мину, завел взрыватель, и дети побежали прочь.

Лишь только они скрылись за поворотом, в коридор вошли Андраковский, Катарсис и Бомбар.

— Кжтс жв,— сказал Катарсис.— Здсь пст.

Он толкнул дверь.

Посреди мастерской одиноко торчала картина. Остальные были сдвинуты к стенам и навалены друг на друга. Катарсис и Бомбар посторонились, пропуская маэстро.

— Хозяиничали!...— прошептал Андраковский, нервно передернув плечами, и направился к картине.

Он взялся за раму, и, едва он шевельнул полотно, рявкнул взрыв. Разорванная на лоскутья картина стаей птиц взлетела к потолку, а сам маэстро, разинув рот и вытаращив глаза, сел на пол и без звука повалился.

— Ъ!— вскрикнул Бомбар от инфразвукового удара по голове.

Катарсис чуть присел от неожиданности и только дернулся на помощь маэстро, как услышал за спиной:

— Руки вверх!

(82)

В проеме входа стоял беспощадный Даниил. Катарсис медленно развернулся, и бластер со стуком выпал из его рук.

— Руки вверх,— повторил Даниил.

Катарсис понял, что это конец.

Самый настоящий.

Маэстро конвульсивно шевелился на полу.

— Руки вверх,— в третий раз сказал Даниил и улыбнулся— искренне и отнюдь не злорадно.

И вдруг за спиной Даниила на потолке с треском лопнул пластик, брызнул яростный луч, и раскаленная, оплавленная квадратная пластина, вывернувшись, полетела вниз. Черное, как ночь, закопченное существо вывалилось из дыры, рухнуло на пол и тотчас вскочило, но за мгновение до этого Даниил развернулся лицом к неведомой опасности.

Катарсис остолбенел, а существо, взметнув хлопья сажи, завопило, словно паровоз:

— Шайтан подери все эти звездолеты вместе с пиратами, где все шиворот-навыворот!..

Катарсис икнул и в великолепном прыжке достал ногою дверь мастерской. Дверь отскочила от стены и, точно громовой аплодисмент Случаю, захлопнулась, сотрясая косяк. Катарсис рванул запор.

Даниил метнулся к двери и стал колотить в нее кулаками.

— Что вы наделали!— с отчаяньем крикнул он Аравилу.— Они опять ушли!..

— Послушай, дорогой!— взъярился Аравиль.— Я говорю, что хватит с вас пиратов! Домой на катер, бегом! Слышите, а?!

Катарсис под ругательства Аравилы побежал к Андраковскому. У маэстро из ушей текла кровь. В каком-то бреду, сжав в кулаке обрывок картины, он шептал, ворочаясь и силясь встать:

— Уходите, уходите, боже мой, как я хочу, чтобы вы ушли, глупые, неразумные дети Земли... Я не могу играть с вами в эту игру, это очень страшная игра, не надо играть в эту игру, кто научил вас этой игре?..

Катарсис присел рядом и, отлично выговаривая гласные, сказал:

— Они уходят, маэстро, успокойтесь, они уходят. Они больше не будут стрелять в вас и рвать ваши картины!..

ГЛАВА 6.

ПОЖАР

Пираты крались за Аравилем Разарвидзе, который конвоировал детей к катеру. Они сами, своими глазами должны были увидеть, что дети покинули борт станции. Андраковский крался самым последним. Любый шорох, неловкое движение, бегущая тень на стене дергали за нервы несчастного маэстро, и все его тело казалось разлаженным механизмом: то тряслись руки, то вздрагивали плечи, то прошибал пот— покоя уже не было. Аравиль Разарвидзе смутно чувствовал, что пираты где-то рядом, но неведомая интуиция подсказывала ему, что пока ожидать нападения нечего. Дети же шагали угрюмо и мрачно, придерживая болтающиеся на ремнях тяжелые боевые бластеры.

Актom величайшего гуманизма в глазах пиратов выглядела посадка детей на катер. Последним в бокс вошел Даниил и, не оглядываясь, захлопнул дверь. Аравиль, не обидевшись, повернул штурвал. Заработали моторы. Пираты и Аравиль с трепетом наблюдали на дисплее, как механика выдвинула «Аввакум-2» из ангара в космос и дала хороший толчок. В душе Андраковского текли какие-то светлые потоки.

Аравиль повернулся спиной к экрану и взял бластер наперевес.

— Эй, пираты!— крикнул он.— Выходите, я вас чую! Пираты, засевшие в темном тупиковом коридоре, заворочались.

«Аэлит»-90

— Только поосторожнее, бога ради! — полуплача, умолял маэстро.

— Чего уж!.. — махнул рукой Катарсис.

И Аравиль увидел, как пираты выходят из укрытия. За глыбой робота прятался дюжий детина, и бластером их обоих было не пронять. Аравиль быстро перевернул оружие и взял его за ствол, как дубину. Робот, чуть присев, растопырил руки, как вратарь во время пенальти. Детина радостно выбежал и с хрустом выломал из ближайшей стены металлическую трубу. Аравиль облизал губы. Маэстро опустил пульсирующие веки.

Бой был молниеносным.

Бомбар обрушил дубину туда, где только что стоял Аравиль, и получил прикладом по затылку. Могилом прыжком Аравиль сокрушил Катарсиса, оставив вмятину на его корпусе. Бомбар, лежа, сделал круг дубиной над головой и поперек живота перегнул Аравилья. Тот выронил бластер. Бомбар сделал круг в другую сторону и ударом по симметричной части тела сбил Аравилья с ног. Через минуту, связанный по рукам и ногам, Аравиль лежал у шлюза. Во рту у него торчал кляп.

Маэстро боком приблизился к Аравилью, дико вращающему глазами, постоял и присел рядом.

— Может, вы оставите нас в покое? — робко спросил он.

Аравиль наморщил нос.

— Будьте же гуманны, умоляю вас, забудьте о нашем существовании, не возвращайтесь, не сообщайте никому о нас, а я даю вам обещание, что больше ни одно существо в Галактике не пострадает от нас, у нас ведь нет оснований не верить нам?

Аравиль скривил рот.

Маэстро затосковал.

— Все мы рождаемся одинаковыми, все мы братья, все должны любить друг друга! Мы появляемся из любви, в нас основа — доброта, так облажите ее, не прячьте, станьте человечными... Неужели беды должны сдирать с нас плоть нашей природы, чтобы облажить доброту, как кости под мясом? У вас были беды, а? Аравиль отвернул лицо.

Маэстро помолчал и встал. В глазах у него было написано сострадание.

— Тогда мы оставим вас так, — сказал он. — Катарсис, старина, пошли в рубку, я хочу увидеть, куда делись эти дети...

Аравиль, протестуя, дернулся, но пираты не обратили внимания на его протест, направляясь к проходу. По пути к рубке Андраковский на миг почувствовал себя счастливым.

И зря. Весь белый от упрямства и злости, Даниил вытягивал рычаги на себя. «Аввакум-2» в пике несся к ангару «Большой Медведицы».

Катарсис первым вошел в рубку и первым обнаружил пропажу катера детей со звездной сферы.

— Где это они, а? — тихо спросил Андраковский, и губы его задрожали. Катарсис навис над пультом и издал какой-то звук, напоминающий хрюк. Маэстро побледнел и стал, шатаясь, хвататься за ворот комбинезона.

А дети, выбравшись из люка, уже стояли на палубе и перешептывались, издали глядя на связанного Аравилья. Тот их не видел.

— Может, развязать?.. — робко спросил Артем.

— Чтоб нас снова прогнали? — зло осведомилась Милора.

— А пиратов сейчас не найти, — озадаченно произнес Даниил, не обращая внимания ни на слова Артема, ни на Аравилья. — Уж теперь-то они спрячутся по-лучше...

Даниил глубоко задумался, вцепившись себе в волосы.

— Сделаем так, — решил он. — Мы уйдем на дальний конец станции и там подождем ее. Вернемся сюда и будем ждать. Когда огонь припечет пиратов, они

побегут на свой катер спасаться, тут-то их и загребем...

— А станция... погибнет? — ошарашенно прошептал Артем.

— А кому она нужна? Пиратов все равно в колонию...

— Ну тогда идем! — сразу загорелась идеей Милора. Даниил закинул бластер за спину и сказал:

— Погоди, давай захватим термос и курицу на обед...

Спустя двадцать минут дети уже шагали по бесчисленным галереям огромной станции, а Бомбар и Катарсис, опасаясь выстрелов, прыжками и перебежками добрались до шлюза и штурмом взяли пустой катер.

— Дети ушли, — огорченно сказал Катарсис подоспевшему Андраковскому.

Маэстро прислонился к переборке и сгорбился. Пираты ума не могли приложить, куда подевались дети.

Катарсис обнял маэстро за плечи и сочувственно предложил:

— Пойдемте в рубку, я попробую мониторами обшарить помещения, может, и найдем их...

А Даниил упрямо увозил товарищей в глубь станции. Не один десяток прямоугольных и круглых тоннелей, залитых светом, и зловеще-мрачных коридоров, заставших эскалаторов и пандусов миновали они, уже и сами забыв обратный путь. Даниил рассчитывал добраться до другого конца станции к маневровым двигателям, но сам запутался в собственных расчетах.

— Может, хватит? — нерешительно спросил Артем, но Даниил отмахнулся.

Через десять минут Артем спросил снова, и теперь Даниил что-то прорычал в ответ, но на третий раз он уже и сам понял, что пора прекращать хождения.

Он остановился посреди коридора, потер лоб и сказал:

— Ладно, наверное, хватит. Сейчас всем привал, а потом начнем...

Дети повалились на пол.

Отдохнув, они покончили с обедом и снова растянулись на мягких ковриках. Даниил поднес к глазам руку с часами и решил, что есть еще время поваляться.

Катарсис в это время безуспешно обшаривал телекамерами обитаемые отсеки. Маэстро, заперев дверь рубки, нервно бегал за спиной робота от стенки к стенке и кусал губы, прижимая руки к груди.

— Нету их!.. — отчаявшись, сказал Катарсис.

— Подъем! — бодро крикнул Даниил.

Артем и Милора, вздыхая, встали.

— Сейчас, значит, поджигаем этот коридор, — разъяснил Даниил. — Делаем круг, — Даниил неопределенно махнул рукой. — Поджигаем еще в нескольких местах и уходим. Только быстро. Надо успеть.

Он отщелкнул крышку с контрольного щитка своего бластера и перевел оружие на веерный луч. Милора сделала то же самое. Артем отошел подальше. Даниил направил бластер на стену. Раскаленная струя окатила пластик, и он сразу пополз жирными потеками. Даниил поводил стволом справа налево и обратно, и первые робкие язычки полупрозрачного пламени вынырнули из пластиковой каши. Милора окольцевала коридор широкой полосой. Ядовито запахло паленой пластмассой, бурый дым бледными прядями струился под потолок. Даниил и Милора опустили бластеры и отошли. Костер разгорался, трещал, жар лизнул лица. Гулко лопнул длинный плафон, и в короткой зоне полумрака хищно и жадно замерцал живой кровавый свет.

— Началось, — произнес Даниил, и Милора пододвинулась ближе к нему в каком-то еле ощутимом трепетном преклонении перед грядущим пожаром. Глаза ее, в которых разгорались угли, были похожи на две роббины в будущее.

— Надо идти, — позвал издали Артем, и Даниил, еще мгновение глядя в огонь, оторвался от гипнотического танца бестелесных невесомых змей, развернулся и пошagal прочь. Милора и Артем пошли за ним

вслед и часто оглядывались, одна — с восхищением, другой — со страхом.

Данияи спустился на четыре палубы ниже и приметил коридор для второго очага.

— Хочешь? — спросил он, пододвинув бластер Артему, но тот суеверно закрылся руками.

Милора редостно ударила огнем по стенам.

Третьим очагом стала какая-то большая каюта с экранами по стенам. Обшивка и мебель вспыхнули, как бумага, и, уходя, дети слышали выстрелы лопанущихся ламп.

— Поехало дело! — сказал Даниил Милоре и получил в ответ блеснувшую на закопченном лице улыбку.

У четвертого очага они напоролись на полуживую пожарную систему, которая, почуяв тепло, лишь бесильно вывалила из люков и воронок пару хлопьев ржавой пены и погнутые манипуляторы.

У пятого очага они впервые услышали тревожный вой сирен.

— Пора уходить, — полуутвердительно заметил Артем, но Даниил не согласился, желая организовать еще штук пять новых костров. Милора ничего не сказала, только засмеялась и утерлась рукавом.

На повороте, где был устроен шестой очаг, они почувствовали запах дыма, а на седьмом очаге Артем ухватил Даниила за локоть. Даниил оглянулся — дым висел тучей — и согласно кивнул. Пожар, бесспорно, начался. Надо уходить.

Дети побежали по коридорам.

А пожар, как волк в овчарне, ворчался, рычал, клочкал. Он разбухал, выбрасывая прожорливые стаи по этажам и тоннелям. Ручьи пластика текли по палубам, дым клубился, лез во все щели, жар накачивал волнами. Один за другим отсеки и галереи, каюты и лестничные марши оказывались обжаты пламенем. В переплетениях убивающего света и удушающей тьмы корчились стены и потолки, свисали в петли трубы и сворачивались кольцами кабели. Все, что было неподвижно, статично, вдруг ожило, как оживают мертвецы в крематориях, зашевелилось, задвигалось, обнажая черные балки и стропила опорных конструкций. Включались выжившие после долгих лет молчания и бездействия противопожарные посты; вспыхивали, чтобы тотчас взорваться, аварийные огни; разевали пасти сирены; рычащие потоки вскипающей белой пены рушились в пекло, где, крича, тотчас обращались в пар или переплавлялись в странную субстанцию, которая белыми булькающими сугробами ползла по умирающим коридорам.

— Горим! — завопил в рубке Катарсис, увидев зловавший перелив аварийных огней на пульте, а маэстро, вцепившись побелевшими пальцами в спинку кресла, осевшим гелосом шептал:

— Это дети, Катарсис, слышишь, это дети!..

Ничего не знающий Аравиль Раззавидзе перетирал веревки о какой-то угол.

Дети бежали по безлюдным помещениям, чувствуя, как близок посейный ими огонь. Всюду ужеплыли струи ядовитого дыма, Артем и Милора кашляли, а Даниил сплевывал тягучую зеленую слюну. Разбухшие сердца перекачивали тяжелую, жидкую кровь. В сжатых спазмами глотках хрипел отравленный воздух.

— Сюда! — крикнул Даниил, сворачивая в проход слева.

Даниил и сам не знал, куда надо бежать, он просто вел товарищей туда, где еще не появился огонь. Дважды им приходилось поворачивать назад, так как дорога впереди вдруг вслучивалась и выплескивала пламя; один раз от сотрясения из-за шагов сзади рухнула тлевшая изнутри пластиковая плита потолка. Ноги вынесли детей в черный, обугленный, уже прогоревший тоннель, и здесь Артем упал от изнеможения. Милора рухнула рядом, и Даниил, шатаясь, прислонился к балке. Было очень душно.

— Много еще осталось? — едва слышно спросил

Артем сдавленным голосом. Даниил без сил помотал головой, а сам подумал: «Мы в сгоревшем тоннеле — значит, мы бегаем кругами... Мы заблудились. Бежать дальше — сгорим, останемся — задохнемся...»

А пираты в это время рвались навстречу пожару. Катарсис за мгновение до того, как экран погас, увидел промелькнувшие живые тени в пелене дыма и шевелящемся зареве. Пожар встретил пиратов ревом, словно зверь, завидевший охотника. Катарсис пробирався напролом, ему был не страшен жар. Маэстро натянул на голову куртку, и Бомбар, который снова вооружился дубиной, охранял спину Андраковского.

Стены тоннеля, подточенные огнем из других помещений, разваливались, и дети снова побежали невдомо куда. Воздух становился все горячее, от дыма в ушах звонили колокола. Это страшно, когда на закупоренных, как консервы, звездолетах начинается пожар. Здесь не выживает никто. И люди, и пламя гибнут от удушья. Станция напоминала модель кристаллической решетки с уроков химии, где стерженьки-балки вдруг оказались влиты в горящие плоскости потолков, полов и стен. Запнувшись обо что-то, Даниил полетел на пол и закричал, угодив рукой в раскаленную лужу. Милора вцепилась в комбинезон Даниила, а Артем, остановившись, прошептал:

— Я не могу больше... Я не могу...

Даниил, прижав обожженную руку к ребрам, другой рукой ухватил Артема под локоть.

Пираты бежали спасать детей, длинный тоннель был пуст, только раскатами звучал топот, как вдруг Андраковский дико вскрикнул: «Стреляют!..» — и шарахнулся к стене, жавшись в нее и задрвав подбородок. Катарсис споткнулся от удивления.

— Нету никого! — крикнул он в ответ, и где-то в переплетении проводов и схем в его груди что-то защемило и застонало при мысли о маэстро.

А дети все брели куда-то во мгле и тумане. На их измазанных сажей лицах слезы от злого дыма промыли светлые полосы. Милора несла на плече два бластера, а Даниил тащил Артема, перекинув его руку себе на шею. Головы мучительно ныли от угара, а в глазах мерцали оранжевые кольца в белых звездах. Артем плакал, как малыш-трехлетка. Даниил наливался ртутной злобой, и будь он один, он пошел бы напролом, руками разрывая стены. Милора молчала, скрутив в узел боль, страх и отчаянье, только непривычно огромные глаза на ее осунувшемся лице выдавали жуткие немые переживания. Все вокруг было наполнено гулом, огнем, вспышками, копотью, треском, мраком и искореженным металлом в черной окалине.

Четыре человека, клон и робот сближались друг с другом в рушащемся, горящем лабиринте космического пожарища. Пираты прокладывали себе дорогу сквозь воющий огонь, облака ядовитого газа, гуды обломков и углей, сквозь горы пены и бурлящие озера пластика. Но внезапно маэстро снова оборвал общий бег. Как робот, которого отключили в прыжке, он пластом рухнул на пол: Катарсис снова затормозил и развернулся, но Андраковский уже пытался встать. Руку он прижимал к груди, а в лице не было ни кровинки.

— Что случилось? — помертвев, спросил Катарсис.

— Сердце, — сквозь боль виновато улыбнулся маэстро.

И дети тоже едва не валились с ног. Артем висел на Данииле и просил бросить его, но Даниил дышал, как собака, и молчал, только Милора скосила глаза.

Пираты уже достигли тех помещений, где должны были находиться дети. Маэстро, проглотив три таблетки, шел по галереям, держась за стены, а Катарсис и Бомбар носились по боковым ходам и каютам в поисках землян.

— Пираты! — прошептал Даниил, увидев за дымом знакомые силуэты, опустил Артема на пол и потянулся к Милоре за бластером.

— Маэстро! Вот они! — заорал Катарсис из темноты,

и тотчас проблеск выстрела пронзил сумрак. Какой-то ком изнутри ткнулся в горло маэстро.

— Не стреляйте! — отчаянно закричал Андраковский, устремляясь на выстрел. — Не стреляйте! Все люди братья!!

Дети восприняли его крик, как боевой клич.

Андраковский налетел на Даниила и схватил его обеими руками. Даниил слабо трепыхался в объятиях пирата. Из дымового облака вынырнули Катарсис и Бомбар. Бомбар схватил Милору, а Катарсис — потяввшего сознание Артема.

— Живы! — воскликнул маэстро, и по лицу его заструились радостные, прозрачные слезы.

Даниил тускнеющим взглядом смотрел на Андраковского — сознание его медленно уплывало. И Милора, словно сговорившись с Даниилом, вдруг ослабла в лапах Бомбара, а тот, не поняв, что случилось, потряс ее, как копилку с монетами.

— Уходим! — сказал Катарсис.

Маэстро поудобнее перехватил мальчика.

Пираты пустились в обратный путь по мертвым или умирающим коридорам. Света здесь не было. Угольная тьма расцветивалась галактиками крошечных багровых, еле тлеющих огоньков. Едва видимая в полумраке дорога петляла, вся загроможденная погибшими конструкциями. Слово сети, путь преграждали лопнувшие кабели. Стены напоминали драные лохмотья, в полу зияли дыры. Один раз пиратам пришлось прыгать по балкам над пропастью огромного трюма, в котором переливалась алым жизня скатерть пожара. Потом потянулись пространства, где было еще чем поживиться, и языки пламени, как мародеры, еще плясали над развалинами. Здесь пожар не обращал на людей внимания, как промчавшаяся конница не видит отставших лошадей с порубленными седоками. Пираты пробирались мимо костров, и тени их ломались на стенах, кривляясь точно шаманы. А затем огонь вновь разросся, встал аркой над каждой дверью и бил людей протуберанцами пламени. Пираты то попадали в самое горнило, где начинала тлеть одежда, то вылетали на пустое, чистое пространство — островок покоя среди урагана. Препятствием отрезала горящая лавина, ползущая вверх по лестнице, и пираты помчались обходными путями сквозь руины и перекрещивающиеся струи пены, сквозь душный пар и дым, по малознакомым тоннелям, где рушились потолки и огонь пожирал сразу обе стены. Маэстро думал, что все они обречены, что им никогда не выбраться из этого пылающего кишечника, но все равно бежал, прижимая к хрипящей груди ребенка. Маэстро казалось, что упади он или остановись — и вспыхнет сразу со всех сторон и изнутри да так, что снопы пламени вырвутся изо рта и глазниц. Маэстро бежал, ориентируясь по квадратной спине Катарсиса, и вдруг осознал, что эта металлическая спина, окрашенная отраженным смертоносным светом, гаснет, как закат. Это пираты выходили из пожара.

Качаясь, они добрались до шлюзов и бережно положили детей на пол. Маэстро сел, привалившись спиной к стене, и уронил голову.

— Маэстро, у вас голова в пепле, — сказал Катарсис.

Андраковский совершенно равнодушно провел рукой по волосам — ладонь осталась чистой.

Минут пять длилась тишина, потом маэстро с трудом встал и спросил:

— Послушай, старина, а где этот связанный горец? Катарсис оглянулся и ответил печально:

— Значит, убежал...

— Сгорит, дуралей! — тихонько пожалел маэстро. Но Аравиль Разарвидзе не сгорел.

Аравиль Разарвидзе спасал картины.

1861 ГЛАВА 7. РЕПРЕССОРЫ

Во время пожаров всегда горят картины — эту истину маэстро знал и раньше. Знал он и то, что гораздо чаще картины жгут. Случалось ему сталкиваться с жуткой, несокрушимой силой, тупо и беспощадно разрушающей все, что существует иначе. Но чтобы эта сила воплощалась в представителях той планеты, о которой в самых тайных из сокровеннейших своих мыслей маэстро мечтал как о наилучшем для себя пристанище и финише, — такого в его жизни не было.

Андраковский, естественно, не мог знать, где Аравиль Разарвидзе. А тот, перепилив веревки, точно пес с цепи, рванулся к мастерской маэстро, ибо уже заметил, что именно ее пираты почему-то облюбовали для встреч, укрытий и, вероятно, мест дележа и оргий. Аравиль с трудом нашел дорогу, но не встретил вокруг мастерской никого. Тогда он осторожно приоткрыл дверь и просунул в щель голову. В лицо ему ударил клуб огня.

Через три секунды Аравиль уже понял, что мастерская пуста, как выведенное яйцо. Но там, внутри, в неведомо как начавшемся пожаре гнили удивительные картины. Аравиль не знал таинственных живописцев, чья кисть породила это торжество чистых красок. Но картины гнили, и Аравиль, не раздумывая, яростно рванулся в пекло.

Он срывал твердые полотна с подрамников, а вокруг пузырился пластик, и рыжий, ядовитый огонь копытами вонзался в одежду. Аравиль на ощупь искал в дыму картины и тащил их к выходу, а некоторые уже горели в его руках. После пятой атаки на Аравиле вспыхнула куртка, и он долго катался по коридорам, сбивая пламя. Когда он встал, спастись было больше нечего.

В это же время, оставив детей на попечение Катарсиса и Бомбара, маэстро бежал к мастерской. Душа маэстро, скрученная, словно ее выжимали, и ветхая от страданий, как рубище паломника, истекала кровью. Андраковскому казалось, что мир уходит из-под ног, что само мироздание разваливается на куски. То, во что он верил, не признавая даже себе, оборачивалось стреляющей, жестокой изнанкой. То, что осталось бы от него, когда он в последний раз покажет звездам живое лицо, горело и умирало. Письма в будущее, точно почтовые голуби, были сбиты пулями. У маэстро тряслись руки, а самого его бросало на бегу от стены к стене, пока он вдруг не увидел Аравиле, и ноги его не ослабели в коленях.

Аравиль в прожженной рубашке стоял посреди коридора, держа в руках скрученный рулоном полотна. Маэстро сразу узнал их по торчащим краям — «Альбеда беды», «Война глобул и цefeид», «Почему я боюсь надир», «Не хочу быть гномом». Многих полотен здесь не было, но и эти остались бы для маэстро мостиком к своему времени. Окаменевшее было лицо Андраковского вдруг неуловимо сдвинулось, как плоскость Зодиака, и его медленно разрезала робкая улыбка, тонкая, словно первая трещина начинающегося ледохода. Маэстро, протянув руки, стал благоговейно приближаться к Аравилею.

— Мои картины!.. — прошептал он.

Аравиль выдвинул голову подбородком вперед, навстречу маэстро, и на шее вспухли вены. Пальцы маэстро легли на край рулона.

— Отдай, — умоляюще попросил маэстро.

И тут Аравиль выдернул из-под его рук рулон и другим концом ударил Андраковского. Тот повалился, цепляясь за картины.

— Отдай! — закричал Аравиль, став красным, как семафор. — Это ты за них лез в огонь, подонок?! Это ты их создал, а?!

— Да!!! — отчаянно выкрикнул маэстро.

— Ты грабитель!!! Ты разорял великих мастеров!!! Ты

у Катарсиса.— А если бы он велел ей умереть, она бы умерла? Это тоже любовь, да?..

Катарсис без слов повлек потрясенного маэстро в рубку.

Там Андраковский задумчиво опустился в кресло, а робот быстро привел в готовность все системы «Санскрита», и вместе с Бомбаром зарядил ракету в касету для противометеоритной пушки.

— Ну, стартуйте,— прощаясь, сказал Катарсис.— Давайте побыстрее, чтобы дети не успели вернуться. Вы ничего не забыли, маэстро?

— Конечно же, нет, старина,— отрешенно ответил маэстро.— Иди, счастья тебе...

Катарсис пошел к шлюзу, но вдруг подпрыгнул от дикого вопля:

— Стой!!!

Маэстро глядел на него расширенными, сумасшедшими глазами, вцепившись в спинку кресла белыми пальцами.

— Вы чего? — ошарашенно спросил Катарсис.

Глаза маэстро медленно погасли.

— Просто посмотрел...— вяло ответил Андраковский.

Катарсис вышел из катера, задрав оба люка, и постоял, пока дисплей у шлюза не показал, что «Санскрит» вышел в космос.

А маэстро совершенно новым, изумленным взглядом озирает распахнувшуюся пустоту, чудовищный холодный океан, полный призрачных огней.

В боковом иллюминаторе маячила переливчатая рыбка «Аввакума-2». Дети не ушли. Дети ждали момента, чтобы вернуться.

Бросив рулон с картинками, на стартовой палубе Аравиль Разарвидзе держал на руках плачущую от счастья Лалу. Она обхватила его шею руками, а он целовал ее в висок, и сквозь ее волосы горел его глаз, видевший, что пираты угнали катер.

На «Большой Медведице» Катарсис, охая, ходил по отсекам, собирал в мешок брошенные вещи и стонал в душе, сделавшись убийцей своего дома. Катарсис чувствовал в любом другом механизме нечто родственное себе и теперь бродил, и гладил стены, стирая пыль с приборов, прощаясь и прося прощения у катера. Катер молчал, и робот тосковал еще больше, вспоминая, как раньше тот разговаривал, как по игре огней на пульте можно было угадывать его настроение, как катер веселился, захопывая двери перед носом, или пугался, дрожа переборками, или замирал в восторге, словно гепард в прыжке.

А в шлюзе «Большой Медведицы» уже таились шаги людей, о которых Катарсис и думать забыл. Аравиль Разарвидзе, оставив Лалу в тамбуре катера, крадся в рубку.

Катарсис сел в кресло, посидел в размышлении и включил шлюзование, дав обратный счет расстыковке. В иллюминатор видно было, как расходились лепестки ангарных створок, и свет звезд заливал ангар. А в следующий миг все взорвалось бешеным блеском и искрами, приборная панель прыгнула в глаза, и Катарсис потерял сознание.

Аравиль Разарвидзе отбросил железяку, которой ударил робота по голове. Робот лежал лицом на пульте, и в черепе у него зияла дыра. Аравиль, развернув кресло, вывалил Катарсиса на пол и бросился за Лалой.

«Большая Медведица» выходила в космос.

— Теперь это наш катер! — шептал Аравиль, целуя Лалу.— Любимая моя, бесценная моя, теперь нам не страшны пираты!..

— Пираты! — закричала Милора, ткнув пальцем в стекло.

Дети уставились в иллюминатор. Вслед за катером Аравиль Разарвидзе из ангара выплывала и пиратская «Большая Медведица».

— Туда! — сам себе сказал Даниил.

Три катера стягивались к одной точке пространства. — Дети увидели Катарсиса,— сказал маэстро Бомбару, когда «Аввакум-2» пошел на разворот.

Катарсис очнулся— это в голове при толчке слиплись контакты— и почувствовал, что его куда-то тащат. Глаза робота были разбиты и слепы.

Аравиль Разарвидзе, поднатужившись, перевалил тело Катарсиса через бортник утиль-камеры. Робот ударился о днище и понял, что сейчас его выбросят в космос.

Аравиль дернул рычаг.

— Что там? — спросил Артем очень тихо, и его никто не услышал.

Дети сидели за пультом и глядели в иллюминатор, как путник смотрит на тучу в ожидании ливня.

Андраковский тоже видел, как Катарсис выбросился через мусорный люк. Но он не мог понять, почему робот не улетает прочь от катера, который через пять минут будет взорван.

Аравиль, забыв о детях и пиратах, вснь целовал Лалу.

А Катарсис вслепую цеплялся за корпус катера, и душа у него кричала. Сейчас маэстро нажмет кнопку, и «Большая Медведица» станет гробом на двоих. Ноги у Катарсиса парализовало, но руки еще действовали, и, прижимаясь локтевыми магнитами к шершавому, потрепанному корпусу, Катарсис полз по катеру к светящемуся выпуклому стеклу рубки, где его распластанный силуэт будет виден маэстро— и маэстро не станет стрелять. Катарсис полз медленно, страшно медленно, и глаза его были двумя пробоями в черепе. В разладившемся механизме робота лопались и плавилась какие-то провода, искрились контакты, и схемы одевались ореолами плывущих токов. Катарсис направил всю свою волю на то, чтобы удержать скачущее сознание, чтобы не прервать свое движение, иначе тому глупому, вспыхивающему землянину и его преданной девушке грозит гибель.

Взгляды пятерых были как нити, на которые марионеткой висел и корчился робот.

Пальцы маэстро лежали на клавише, и ракеты напрягли стальные клювы и мышцы. Маэстро никак не мог понять, почему Катарсис ползет по катеру, ведь уже пора, уже пора стрелять!

А лицо Бомбара вдруг смялось в жуткой муке, и непослушные челюсти, неверный, неумелый язык тянули из горла слова. На Семи Крестах в лабораторию Граненого Меридиана Бомбар был клонирован немой, он молчал все свои 164 года, но теперь слова выдавливались наружу.

— Не надо!..— простонал Бомбар.

Маэстро скопил на него огромные, затянутые дымом глаза, в которых непостижимыми изломами отразились какая-то мысль, и вдавил клавишу в панель пульта.

Ракеты пронзили пустоту и ударили в лоб «Большой Медведице».

Катер на миг окутало пламя, и тут же оно исчезло.

Катарсис, растопырив руки, летел в пустоте, как кленовый лист.

Рубка пиратского катера была расколота пополам. Все долго-долго смотрели на эту широкую, черную трещину.

А Лала и Аравиль Разарвидзе ничего не успели понять.

Все глядели на черную трещину в крыше рубки, пока из нее медленно-медленно не выплыли два белых, ледяных трупа.

Маэстро Андраковский беззвучно завизжал, царапая пульт ногтями.

Два трупа плыли в невесомых волнах вселенной, тонули, купались в стылых, прозрачных струях мерцающего звездного света, как бакены на трудном фарватере.

На очень трудном.

Владимир
БОРИСОВ

ФАНТАЗИИ, В КОТОРЫЕ ВЕРИШЬ

Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю.

Н. Гоголь

Мало придумать новую фантастическую идею, ее нужно обосновать так, чтобы читатель в нее поверил. Сегодня мы рассмотрим следующий

показатель шкалы «Фантазия-2» — убедительность.

1 балл — чисто фантастическая идея. Такая идея ничем не обоснована, она может противоречить общеизвестным фактам, быть сказочной, условной...

В повести Н. В. Гоголя «Нос» отделился и стал самостоятельным существом нос человека. Автор и не пытается убедить читателя, что это произошло на самом деле, не вдаётся в подробности, как это произошло. К стати, это хороший пример того, что низкая оценка по одному из показателей шкалы — еще не окончательный приговор всему произведению. Правда, нужно постараться в другом...

2 балла — фантастическая идея, имеющая литературное обоснование. Такая идея снабжена внешне правдоподобными «доводами», «доказательствами», но при ближайшем рассмотрении оказывается все же очень далекой от реализации.

Герберт Уэллс в «Машине времени» описал время как четвертое измерение, в котором также можно перемещаться. Но тщетно было бы пытаться строить такую машину, руководствуясь описанием Уэллса.

В «Ариэлле» Александра Беляева человек летает, управляя броуновым движением молекул своего тела. При

чтении романа идея кажется непротиворечивой, однако попробуйте левитировать сами...

3 балла — научно-фантастическая идея. Она должна быть не ниже 2-го класса по новизне (иначе получится, что мы высоко оценим чье-то умение убедительно описать чужую идею), не должна противоречить научным представлениям и общеизвестным фактам, хотя может быть и не подкреплена достоверными данными. Такие идеи со временем могут перейти в класс 2 (когда будет доказана их не-реальность) или класс 4 (когда идея окончательно подтвердится).

В рассказе Александра Казанцева «Взрыв» высказана гипотеза, что Тунгусский взрыв — это катастрофа космического корабля. До сих пор нет точного доказательства ни в пользу этой гипотезы, ни против нее (хотя большинство исследователей и склоняются к тому, что это была комета).

Артур Конан Дойл в «Затерянном мире» описал существование небольшого изолированного мира с реликтовой фауной и флорой. Вполне возможно, что мы еще встретим динозавров на нашей планете.

4 балла — научно-прогностическая идея. Она также должна быть не ниже 2-го класса по новизне и, независимо от того, противоречит ли она научным представлениям своего времени или нет, выдвигать логически обоснованную концепцию, гипотезу, предположение и т. д.

Примеры: идея Великого Кольца — системы межзвездной связи — в романе Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» или концепция освоения глубин Мирового океана в романе Жюль Верна «20 000 лье под водой».

При оценке убедительности постарайтесь ответить на следующие вопросы:

— Насколько идея обоснована? Нечто явно невероятное (ведьмы, чародеи и т. д.)? Или фантазия с каким-то внешним правдоподобием (машина времени)? Может быть, научная фантастика: нечто необычное, приведенное без доказательства, но в принципе возможное? Или же идея — при всей своей необычности — имеет определенное обоснование и может сбыться «один к одному» (как сбылось предвидение Уэллса о создании в начале 50-х годов первой атомной станции)? Не завышена ли оценка?

Задание четвертое: Оцените убедительность идеи в последнем прочитанном вами фантастическом произведении. Обоснуйте свою оценку.

Попробуйте улучшить оценку убедительности этой идеи. Что, по-вашему, нужно было сделать автору, чтобы в придуманную им идею поверили?

В ПОИСКАХ КОМПАСА...

Под таким названием мы опубликовали в прошлогоднем № 6 заметку об «Анжете учета читательского мнения» омского КЛФ «Алькор». Назначение анкеты — выявление лучших, по мнению фэнов, произведений советской и переводной фантастики года; клуб проводит ее, начиная с 1986 года. Произведения в анжете разбиты по подгруппам и оцениваются по 11-балльной шкале (от 0 до 10). Интересующихся другими подробностями отсылаем к прошлогодней заметке, где, кстати, были помещены и списки 1986-1987 годов по первой подгруппе (советская фантастика: повесть, роман) — их составили произведения, оцененные выше 5 баллов; в списках указывались место их публикации и средний балл.

В этом номере мы печатаем полученный в декабре от оми-чей идентичный список 1988 года.

1988

А. и Б. Стругацкие. Улитка на склоне («Смена», № 11—15)	8,683
А. и Б. Стругацкие. Отягощенные злом («Юность», № 6, 7)	7,934
О. Ларионова. Звездочка-Во-Лбу («Уральский следопыт», № 1—4)	7,642
К. Булычев. Поселок (М.: Дет. лит.)	7,342
С. Ярославцев. Экспедиция в преисподнюю (М.: Моск. рабочий)	7,120
Е. Замятин. Мы («Знамя», № 4, 5)	6,959
В. Савченко. Похитители сутей (Киев: Рад. письменник)	6,356
А. Столяров. Третий Вавилон (сб. «День свершений», Л.: Сов. писатель)	5,969
Б. Зеленский. Весь мир в амбаре («Парус», № 10, 11)	5,805
В. Головачев. Владыки («Уральский следопыт», № 11, 12)	5,519
А. Житинский. Подданный Бризании («Аврора», № 1, 2)	5,453
Б. Руденко. Заключение в Эдем («Изобретатель и рационализатор», № 1—4)	5,426
В. Савченко. Пятое измерение («Радуга», Киев, № 1—3)	5,419
В. Хлумов. Санаторий (сб. «Санаторий», М.: Мол. гвардия)	5,270
В. Орлов. Аптекарь («Новый мир», № 5—7)	5,079
Н. Никитайская. Правильная жизнь (сб. «День свершений», Л.: Сов. писатель)	5,024

ЗЕМНЫЕ МАРШРУТЫ ФАНТАСТА

«Походы сквозь дым таежных пожаров, по костоломным горям, высокому кочкарнику, по затопленным долинам в облаках гудящего гнуса. В липкую летнюю жару...» Вспомнили? Так в романе «Лезвие бритвы» описывает невзгоды геологов 30-х годов Иван Антонович Ефремов.

Давним летом 1931 года Нижне-Амурская экспедиция Академии наук СССР, одним из отрядов которой руководил двадцатичетырехлетний Иван Ефремов, исследовала места, где сегодня расположен большой индустриальный город Комсомольск-на-Амуре и где оканчивается железнодорожная «магистраль века» — БАМ.

Ефремов тогда был мало кому известен. Несколько палеонтологических экспедиций, учеба в Ленинградском горном институте, первые научные публикации...

Но с тех пор прошли годы. Сегодня без упоминания имени Ивана Антоновича не могут обойтись отечественная палеонтология и геология, оно вписано в историю БАМа. Оно же, это славное имя, открывает целую эпоху в советской фантастике: любители НФ, да и не только они, прекрасно знают, сколь велика была роль ефремовской «Туманности Андромеды» в послевоенном возрождении нашей «литературы смелой мечты и героических приключений», в ее выходе на новые рубежи.

После всего сказанного выше понятно, почему эта книга в правах участника была включена в состав отряда, который летом 1989 года открыл новый литературно-краеведческий маршрут «Тропой Ефремова». Сейчас этот уникальный экземпляр «Туманности Андромеды» — с автографами тех, кто прошел маршрут, с почтовыми штемпелями сел, находившихся на пути движения, — хранится в московской квартире Ивана Антоновича.

Но это — сейчас. А началось все с того, что несколько лет назад ребята из КЛФ «Апекс» в Комсомольске-на-Амуре решили организовать

туристический маршрут по местам дальневосточной экспедиции И. А. Ефремова. Обратились за помощью к вдове писателя Т. И. Ефремовой, к профессору П. К. Чудинову — автору превосходной биографической книги о Ефремове-ученом, к организатору первого в Союзе туристического маршрута по местам ефремовских экспедиций Е. А. Трофименко, к дальневосточным писателям Г. Г. Ходжеру и Г. Г. Пермякову, которые вели переписку и встречались с Ефремовым в 60-х годах; провели архивный поиск материалов экспедиции 1931 года. В результате всего этого и появился на туристических картах Дальнего Востока почти стовосьмидесятикилометровый маршрут, привлечший особенное внимание любителей фантастики. Вы видите его на схеме; он разделен на две примерно равные части, каждую из которых туристы могут преодолеть за два ходовых дня.

Один из активных наших помощников — Григорий Гибивич Ходжер, старейший нанайский писатель, автор многих известных книг — выразил желание принять участие в прошлогоднем походе. Специально для тех, кто первыми отправился по маршруту, он привез главу из неопубликованного романа «Вещун», в которой описана встреча и совместная работа молодого русского геолога Ивана Ефремова и нанайца Григория Самара, носившего фамилию Духовской (результат христианского наступления на инородцев-язычников). Это про него написаны теплые строки в письме И. А. Ефремова, адресованном Г. Г. Ходжеру в 1969 году:

«Ему я многим обязан, даже собственной шкурой, так как нас преследовали беды с Лимурийского маршрута, из которого мы выходили с ним вдвоем пешком по Боктору в октябре, без крошки еды, семь

суток... Когда-нибудь, если позволит оставшееся время и плохое здоровье, я напишу об этом...»

Надорванное сердце, растроченное долгими и многотрудными походами здоровье не позволили писателю осуществить задуманное. Не только о проводнике не успел написать И. А. Ефремов — не создана популярная палеонтология, не дописан роман о Руси XIII века, на подступах оборвана повесть о русско-японской войне и многое другое...

Тем не менее внимательный читатель книг Ефремова может вспомнить, что в одном из его рассказов есть описание трагической ситуации, похожей на ту, о которой напоминают строки письма к дальневосточному писателю.

«Геологи механически шагали, без слов и мыслей. Ничтожных порций пищи не хватало на покрытие огромной затраты сил. Передвижение начиналось при первых проблесках утреннего света, а кончалось далеко за полночь. Осыпалась ярко-желтая хвоя лиственниц, лес был насыщен водой из непрерывного дождя...»

— Но это же «Алмазная Труба»! Как же так? — возмутился тот же внимательный читатель. — Ведь автор совершенно однозначно обозначено место действия в рассказе — Средне-Сибирское плоскогорье. Не Приамурье!

Все верно, но прочитайте еще одну цитату — из письма И. А. Ефремова Е. П. Брандису:

«В «Алмазной Трубе» — все, что относится к тайге, походам, голодовке и т. п. — все фактически бывшее со мной, только в другом районе тайги.»

...Маршрут «Тропой Ефремова» открыт, уточняются даты походов на лето 1990 года. Если у вас появится желание самому испытать частицу трудностей, выпавших на долю Ивана Антоновича Ефремова, героев его книг, то собирайтесь... Таежные тропы ждут романтиков.

Подробности вы узнаете, написав по адресу: 681013, Комсомольск-на-Амуре, просп. Мира, 43, городская станция туристов.

Подчеркну напоследок, что маршрут «Тропой Ефремова» — это лишь маленький участок многотрудного пути, пройденного геологами в далеком 1931 году. Всего же двумя отрядами Нижне-Амурской экспедиции было преодолено тогда 1950 километров нелегких таежных троп...

В. БУРЯ,
член совета КЛФ «Алекс»,
г. Комсомольск-на-Амуре

НЛО: СВЯЗЬ ВРЕМЕН,

или аргонавты Хроноса

Живая история со всеми удобствами. Смешные моды, древние обычаи...

Загляните в романтический двадцатый век — безопасность гарантируется...

Узнавайте подноготную ваших предков!

Д. Уиндэм.
Видеорама Пооли

Человек — существо любознательное. И в истории развития человечества любознательность, пожалуй, не уступает по своей значимости жесткой необходимости выжить в борьбе со слепыми силами природы, приспособиться к окружающей среде и приспособить ее для собственных растущих нужд и потребностей.

Любознательность человека — а что там, за горизонтом? — привела его к открытию новых земель, получению искусственных материалов, изобретению способов добывания энергии, освоению космического пространства, словом — ко всему тому, что составляет содержание нашей цивилизации.

На протяжении всей своей истории люди не раз сталкивались с непонятными явлениями. Одни из таких явлений поддавались объяснению сразу или вскоре, другие — спустя какое-то время, иной раз довольно продолжительное. Часть за-

гадочных явлений не получила должного объяснения и по сей день.

К таким проблематичным вопросам относятся посещения нашей Земли в далеком прошлом инопланетянами и вплотную примыкающая к этой теме загадка НЛО — непознанных летающих объектов, появление которых зачастую связывается с космическими пришельцами.

Обеим этим темам посвящено великое множество различных публикаций, высказано немало гипотез, нередко взаимоисключающих.

«Дыма без огня не бывает», — гласит пословица. Но как определить, откуда идет дым, от какого огня? Какой гипотезе отдать предпочтение?

Бесспорно, очень заманчиво полагать, что НЛО — это летательные аппараты инопланетян. По-видимому, сказывается нежелание человека мириться с сознанием своего полного одиночества во Вселенной. Но если НЛО — это космические корабли каких-то звездных пришельцев, то почему до сих пор, «сопровождая» нас на протяжении всей нашей истории, эти галактические гости не вступили с нами в контакт? Почему появление НЛО так неожиданны, внезапны? Почему наблюдения НЛО, в основном, кратковременны? Почему, наконец, некоторые НЛО исчезают мгновенно, как бы пропадая

Рисунок
В. Стардымова

из поля зрения, или же постепенно растворяются в небе, не удаляясь от наблюдателя? Очень много таких «почему»...

Если космические пришельцы действительно изучают нас с помощью своих НЛО, то к чему такое множество форм и конструкций аппаратов? А чего стоят внешние проявления действий НЛО: летают с гулом и свистом — и без такового, светят ярким светом — и могут быть абсолютно темными. И так далее... Невольно напрашивается вывод, что таинственные пришельцы согнали к нашей планете весь свой «машинный парк», хотя целесообразность использования такого количества аппаратов — которые к тому же ведь надо еще перебросить из космических глубин! — для проведения одних только наблюдений весьма сомнительна.

А может быть, прав В. Санаров, утверждающий в своей статье десятилетней давности «НЛО и энтонавты в сфере фольклористики» («Техника — молодежи», 1979, № 11), что «свидетельства» очевидцев о наблюдениях НЛО есть не что иное, как современный фольклор, пришедший на смену верованиям в леших, домовых, русалок и прочую нечисть, некогда в изобилии водившуюся? Неужели у феномена НЛО столь прозаическое, с точки зрения любителя НФ, объяснение?

Автору настоящих заметок гораздо больше импонирует гипотеза о реальности НЛО как аппаратов искусственного происхождения. Но вместе с тем я считаю, что НЛО — это аппараты не космического происхождения, а... земного.

Предположим, что великий фантаст Герберт Уэллс — в который раз! — оказался прав: создание машины времени действительно возможно, и путешествия по времени — реальность. Для наших далеких потомков, конечно. Вряд ли кто станет спорить, что такая машина времени (МВ) — неоценимый инструмент для изучения истории, ее загадок и белых пятен. Отчего бы, в таком случае, не допустить, что именно исследование прошлого и станет прямым назначением созданной МВ? Значит, не исключено, что десятки или даже сотни МВ отправляются из будущего в глубь различных эпох, в том числе и в наше время.

Но МВ, как и любая другая техническая система, обязательно должна была бы претерпевать всевозможные изменения, связанные с совершенствованием, повышением технического уровня. К примеру, первые МВ могли бы выглядеть как черные шары, издающие гул и свист, пышущие жаром и рассыпающие вокруг искры, а последующие модели — представлять собою диски-тарелки, летающие без шума и огненных фейерверков. Наиболее совершен-

ные марки МВ могли бы быть вообще невидимы и неслышимы для постороннего наблюдателя. Дабы не вносить сумятицу в неподготовленное сознание, не создавать оснований для возникновения религиозных культов или того же современного фольклора о «летающих тарелках»...

Если все обстоит именно так, то становится понятным разнообразие «форм и расцветок» НЛО: мы наблюдаем процесс технического совершенствования машины времени. А поскольку для нас этот процесс дискретен и по отношению к нам не является последовательным, то получается, что в один и тот же промежуток времени (нашего времени, нашей эпохи) мы можем видеть и первую модель МВ, и ее более совершенную конструкцию, хотя их — эти МВ — разделяют, быть может, многие десятилетия будущего времени.

А пилоты НЛО... виноват, водители МВ не вступают с нами в контакт из боязни повлиять на историю. Они, разумеется, читали рассказ Рэя Брэдбери «И грянул гром».

Дело за немногим — нужно удостовериться в реальности управления временем. И если создание МВ действительно возможно, то, стало быть, нас и впрямь давно уже изучают, но не таинственные космические пришельцы, а наши соседи по планете. Соседи во времени. Более того — наши дальние (а быть может, не такие уж и дальние?) родственники.

А чтобы нам, в отличие от героев рассказа Джона Уиндэма «Видеоама Пооли», не попадать в неловкое положение — очень стоило бы, по-видимому, привести в порядок

свой дом, свою эпоху. Ведь хорошие хозяева никогда не ссорятся, тем более — в присутствии гостей.

— Ну, а доказательства? — спросите вы.

В ответ остается лишь развести руками, но можно сослаться и на авторитет Анатоля Франса: «Конечно, хорошо иметь доказательства, но, поверьте, в некоторых случаях еще лучше вовсе их не иметь...»

В. КОЗУБОВ,
г. Чимкент

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

Виталий БУГРОВ,
Ольга КНЯЗЕВА

Прежде всего я исхожу из того, что вы честный человек и не стали бы заведомо задавать задачу, которую я не в состоянии решить. Следовательно, это криптограмма, которую, как вы считаете, я могу решить, сидя здесь и чуть ли не с ходу. А это значит, что она касается предмета, который я хорошо знаю.

А. Азимов.
Задача профессора Неддринга

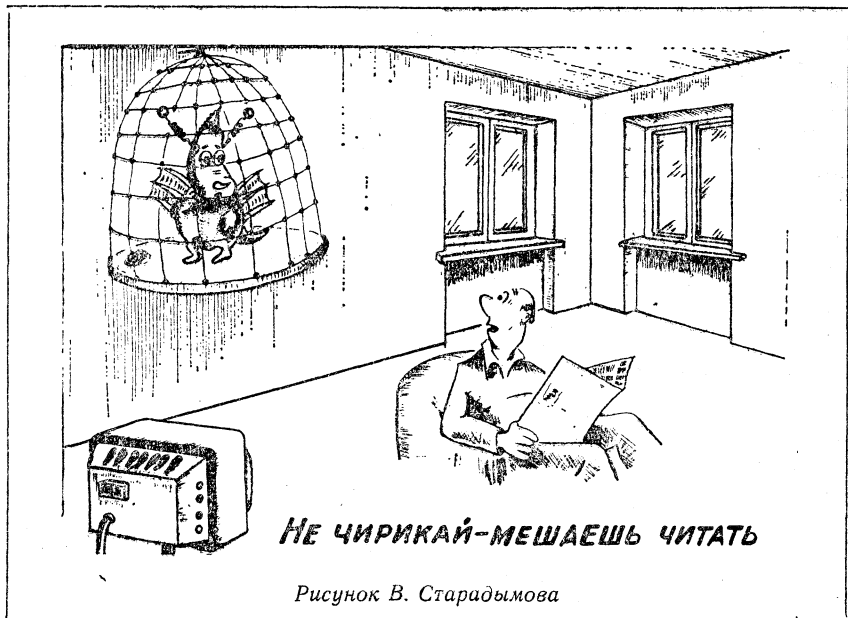

Рисунок В. Стародымова

Итак, в первом туре нашей прошлогодней викторины стартовал новый вариант. Судя по письмам, никто не остался к нему равнодушен, и усредненное мнение расположилось между бурным восторгом и просто заинтересованностью. Хотя большинство-то читателей (но не подавляющее!) предпочло все-таки традиционный вариант. Впрочем, и многим из тех, кто взялся за вариант Б, привычка к викторине типа «вопрос — ответ» помешала воспользоваться преимуществами криптограммы. Нет, разумеется, мы не ставили своей целью предложить задачу, которую вы могли бы решить «чуть ли не с ходу», но честно постарались не очень выходить «за рамки предмета».

Как отвечать на задание такого типа?

Нетрудно заметить, что состоит оно из двух независимых частей. Во-первых, это некое «литературное произведение», составленное из цитат. А во-вторых, криптограмма и ключ к ней, которые, по возможности, не должны выглядеть слишком «чужими» в первой части. С какой из частей начинать — дело вкуса. Стоит лишь отметить, что никогда не мешает узнать, сколько же все-таки цитат в «рассказе». В нашем случае достаточно из общей суммы баллов вычесть количество, причитающееся на криптограмму и ключевые вопросы, и сразу становится ясно, что следует искать всего 4 произведения.

С этим, впрочем, тем или иным способом справились почти все. Труднее, разумеется, оказалось определить, откуда взяты отрывки. Первые два узнали многие: отрывок от начала «рассказа» и до слов «...фотографии, палки...» взяты из повести А. Ромова «Голубой ксилл» (его нашли 44 отвечающих, среди них 17 школьников); далее до слов «...в ней было...» идет цитата из повести А. и Б. Стругацких «Жук в муравейнике», которую назвали 28 взрослых и 11 школьников (большинство при этом заметило, что «273 пронумерованных листка разного цвета» трудно не узнать). Конец «рассказа» (весь текст после вопросов) из повести Г. Голда «Вопрос формы» вспомнило заметно меньшее число участников — 16 человек (из них всего 6 школьников). И лишь 4 взрослых отыскали источник третьего отрывка — «Бюллетень фактов № 6» Д. Браннера (впрочем, эта цитата действительно уж очень мала). Кстати, отвечать на вопросы такого типа стало бы легче, да и из писем исчезли бы упреки за «неправильное цитирование», если бы вы не забывали, что в различных изданиях тексты не всегда абсолютно одинаковы, особенно в журнальных вариантах и в разных переводах иноязычных произведений. В тех же

случаях, когда «кое-что пропущено», в цитате стоит многоточие.

Вот теперь можно перейти к самой интересной, но и самой сложной части задания — криптограмме. К своему удивлению мы обнаружили, что некоторые из вас приняли ее за прямую цитату и просто попытались найти целиком в каком-либо произведении. Правда, таких оказалось немного; гораздо больше обнаружилось тех, кто, ответив иной раз на большинство вопросов, к сожалению, так и не смог подобрать ключ к шифру.

Сами по себе вопросы больших затруднений не вызвали — тем более, что обычно содержали в формулировке достаточно подсказок. Особенно легким оказался вопрос о верховном органе планеты Ян-Ях, а наиболее трудными — о «кинф» и Эле Бреге. Впрочем, обо всем по порядку.

1. Полный псевдоним американского ученого-химика Гарри Стабса (из его произведений у нас хорошо известны «Операция «Тяготение» и «Огненный цикл») — **Хол Клемент**. Ответить на этот вопрос сумели 25 человек (в их числе 3 школьника).

2. **Химера** — так названа планета в рассказе Г. Альтова «Планета каменных бурь». Благодаря заключительной фразе цитаты рассказ вспомнился многим, но лишь 23 взрослых и 13 школьников привели название планеты — а ведь именно оно является ключевым словом.

3. Для ответа на этот, а также 5, 7 и 8 вопросы требуется определить то общее, что объединяет приводимые данные, и подобрать к ним недостающую часть. В данном случае все произведения посвящены космической экспансии человечества посредством искусственного преобразования облика, всей биологии человека: создается новый тип разумных, продолжающий дело людей на планетах с «нечеловеческими» условиями. Недостающее произведение — «**Зовите меня Джо**» — указали 16 человек (среди них 3 школьника).

4. В этом вопросе все просто. Нужно лишь вспомнить, как звали Председателя Совета Четырех, владыку планеты Торманс, или Ян-Ях, из романа И. Ефремова «Час Быка» (в самые последние годы, к счастью, вернувшегося к читателям), и ключевое слово найдено — **Чойю Чагас** (правильно ответили 32 взрослых и 13 школьников).

5. Идею, объединяющую произведения, определили многие: описание путей развития искусства кино в будущем, точнее — одного из этих путей, который можно обозначить девизом «Зрелище — прежде всего!»; но ключевое дополняющее произведение — «**День не в счет**» — смогли найти лишь 9 взрослых и 2 школь-

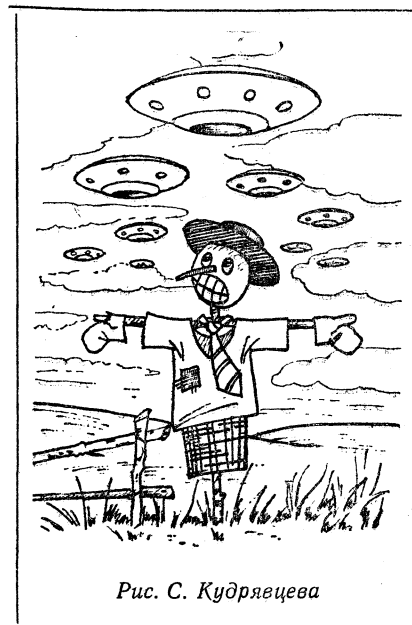

Рис. С. Кудрявцева

ника. Да, конечно, и названное чаще всего «Механическое эго», и «Исполнение желаний» тоже по смыслу подходят, однако не помогут при расшифровке криптограммы. Но как узнать верный ответ в такой ситуации? Тут самое время чуть подробнее сказать об одной из особенностей криптограмм. В отличие от типичных викторинных, здесь вопросы могут иметь несколько правильных ответов, из которых лишь один является ключевым словом. Определить его можно только опытным путем при расшифровке текста. Это создает определенные трудности, но зато, полностью прочитав криптограмму, вы узнаете в награду и те ключевые слова, которых не смогли найти, отвечая на вопросы, а тем самым получите, помимо морального удовлетворения, еще и зачетные баллы — ничем не отличающиеся от тех, что начисляются за «прямые» ответы.

6. Как ни странно, правильно на этот вопрос ответили лишь 10 человек (в том числе 1 школьник) — при том, что «адрес» героя, роман С. Лема «Возвращение со звезд» вспомнили 38 отвечающих! 30 участников викторины обнаружили одно или даже два созвездия, из которых вернулся Эл Бреге; но только немногие поняли, что не было у нас ни преднамеренной ошибки, ни «радиопомех» в передаче чисел, а есть три созвездия, выбор нужного из которых диктуется правильной разгадкой криптограммы. Из романа следует, что Бреге участвовал, во-первых, в экспедиции к Фомальгауту, а это Альфа Южной Рыбы, хотя в «Возвращении со звезд» называется и звездой, и созвездием. Во-

вторых, экспедиция исследовала Арктур, который является Альфой Волопаса. А в-третьих, Эл Брегг в конце романа рассказывает: «Бета Креста была нашим проводником... Эта звезда, одна из самых дальних, почти не изменилась даже у самой цели... когда весь Южный Крест давно уже распался и перестал для нас существовать, ибо мы вторглись в глубь его ветвей...» Так что герой с полным правом утверждает через несколько строк: «Я был там, я там действительно был».

7. Принцип подбора пар понять было несложно: первыми названы корабли, по тем или иным причинам не сумевшие взлететь с чужой планеты, а вторыми — те, что их обнаружили. Найти необходимое произведение оказалось труднее. «Парус... Скорпион... Южная корона... Хамелеон... Летящая рыба... Сеть... Что за странная фантазия...» — вслед за героем С. Лема («Магелланово облако») удивляетесь вы и предлагаете нам то «Синюю птицу» без пары (Г. Альтов. Генеральный Конструктор), то «Синюю чайку» с «Пегасом» (К. Булычев. Девочка с Земли) и даже — на всякий случай — «Аларм» и «Щелкунчик» (О. Ларионова. Щелкунчик)... Однако 27 человек (среди них 5 школьников) «поймали» все же не только нужную «Синюю птицу» в рассказе В. Михайлова «Ручей на Япете» (он же — «Встреча на Япете»), но и ее пару — корабль «Летучая рыба».

8. В рассказах Т. Брингсварда и Н. Нильсена использован сюжет о заколдованной царевне, спящей со своим замком в ожидании принца. Таких сказок довольно много, а в нашей стране едва ли не более всего известна «Спящая красавица» Ш. Перро. Но для решения криптограммы нужен другой ее вариант (его нашли 21 взрослый и, удивительно, всего 1 школьник) — сказка братьев Гримм «Шипозныч». Кстати, о ней совершенно прямо говорится с первых же строк рассказа Н. Нильсена.

Вот и названы ключевые слова всех восьми вопросов. Что же дальше? Для очень и очень многих этого «дальше» не было. Возможно, они просто растерялись (особенно те, кто ответил на половину и меньше вопросов). Между тем, криптограммы можно решать, даже зная далеко не все ключевые слова — хотя чем меньше этих слов известно, тем, естественно, труднее задача. И тем не менее — есть рекорды и в нашей викторине: А. Диденко (Николаев) прочел криптограмму с помощью трех, а Д. Воробьев (Ленинград) — даже двух (!) ключевых слов. Правда, им немного повезло — все же не любая пара или даже тройка ключей позволяют разгадать текст.

— Нет! Мне так же не повезло, как и вам! И я знаю не больше вашего. Я ничего не могу вам сказать, кроме того, что теперь твердо уверен...

— В чем же, сударь, в чем!
— Уверен, что документ основан не на условных знаках, а на том, что в тайнописи называют «шифром», то есть на числе!

Ж. Верн. Жангада

Да, действительно, для успеха недостаточно понять, что это шифр. Самое главное — выяснить, по какому принципу проводилась замена букв на числа.

Для этого надо было внимательно проанализировать криптограмму. Проще всего — выписать числа в порядке возрастания. И тогда становится ясно, что: а) все числа двузначные; б) первая цифра представлена полным рядом от 1 до 8, вследствие чего числа образуют столько же групп, сколько ключевых вопросов; в) количество разных чисел равно 38, что наводит на мысль о том, что одна буква может быть обозначена несколькими числами. «И теперь у меня не осталось никаких сомнений: передо мной типичная! простейшая! примитивнейшая! подстановочная криптограмма» (В. Бабенко. Встреча). Следовательно, первая цифра соответствует номеру вопроса, а вторая — порядковому номеру буквы в ключевых словах.

Теперь можно расчертить сетку или просто выписать по порядку значение чисел — и в соответствии с этим заменять их в криптограмме буквами.

«Я подставил найденные буквы в текст и понял: получается! Да здравствует «Золотой жук!»» (В. Бабенко. Встреча).

А получить у вас должно было следующее:

«Находимся в лесу выслали первую группу на поиски людей продолжаем принимать ваши передачи удивлены отсутствием контактов».

То есть — радиогамма, посланная крошечными лабуцильцами в рассказе «Пропавшие гости» из цикла К. Булычева «Девочка, с которой ничего не случится». Полностью на это задание ответили лишь 8 человек, среди них 1 школьник.

«Конечно, адекватность расшифровки теперь не вызывала сомнений, но оставались кое-какие неясные места» (вновь «Встреча» В. Бабенко; цитаты из этой повести мы почерпнули в ответе куйбышевца К. Киреева). Впрочем, «неясных мест» оказалось немного.

Во-первых, случайная ошибка при печати вызвала появление точек вместо нескольких запятых, что навело на мысль о делении текста

криптограммы на предложения. Во-вторых, те, кто до прочтения радиогаммы имел собственное мнение об ответах на вопросы (особенно на № 6), были удивлены несовпадением предположений и полученных результатов.

И наконец, самое неясное место (хотя и не имеющее непосредственного отношения к задаче) — кто же составил вариант Б первого тура викторины-89? Предположения высказывались самые разнообразие и удивительные (вплоть до того, что этот вариант — подарок «Уральскому следопыту» от редакции журналов «Химия и жизнь» или же «Знание — сила»!), но одинаково далекие от истины.

Автор тура 1-Б (а одновременно и прошлогодних заданий II-B и III-B) — Ю. Коробейников из Калинин — попытался разработать альтернативный вариант викторины. Попытка, как видите, была удачной.

«Наконец-то раскрылась эта ужасающая тайна» (Вольтер. Заира), и мы с чистой совестью завершаем разбор викторины-89.

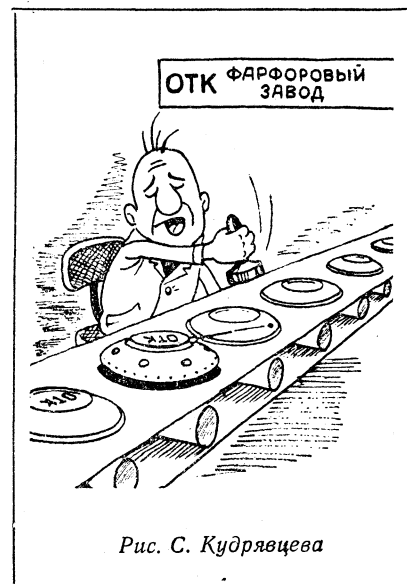

Рис. С. Кудрявцева

ОТ РЕДАКЦИИ: в предыдущем номере не указана фамилия автора статьи «Фантастика и фантасты в перестройке» (стр. 53).

Приносим извинения автору — Виктору НЕСТЕРЕНКО из г. Снежное Донецкой области.

Персонажи мультипликационного фильма «Все Дело в шляпе»

«ЧАКРА КЕНТАВРА». Ольга Ларионова

Мой друг — фантастика

ли, удивляться «непринужденной сделанности», точности штриха, тонкости фактуры.

Не всем нравится такая техника. Любители броскости, модерна, «дизайна», а не сюжетной иллюстрации, те, кто предпочитает «пятно», а не образ, и ставит абстрактную композицию выше содержания рисунка, при упоминании о Евгении Стерлиговой морщатся: реализм, романтизм — устарело! Забывают они, что устаревает только мода, и не устаревает настоящий талант.

А вот что говорит писатель Владислав Крапивин (в конце концов, из тридцати, примерно, книг, иллюстрированных Стерлиговой, пятнадцать принадлежат ему): «Считаю, что мне просто повезло. Когда появился на свет мой «Летчик для особых поручений» (писавшийся трудно, в нелегкие для меня времена), Евгения Ивановна своим пером и карандашом, как добрая волшебница (старое, но точное сравнение), оживила этого мальчишку, маленького пилота Антошку Тополькова, помогла читателям увидеть его воочию на страницах «Следопыта» и книг. С тех пор мы уже пятнадцать лет работаем вместе.

Много говорить тут нечего. Хочу сказать лишь о том, что у нас полное взаимопонимание, во многом одинаковое видение мира, и те «страны», в которых мы живем своим воображением, очень, по-моему, похожи. Странно, что это согласие, как и сам творческий метод художницы, вызывает неприятие и раздражение у некоторых издательских художественных редакторов. «Опять Стерлигова!» — возмущаются они, когда речь заходит об иллюстрировании очередной книжки. И читатели, берущие в руки «Голубятню на желтой поляне», «Мушкетера и фею» или «Острова и капитаны», конечно, не представляют, сколько сил положили художник и автор, чтобы «пробить» свою совместную книгу.

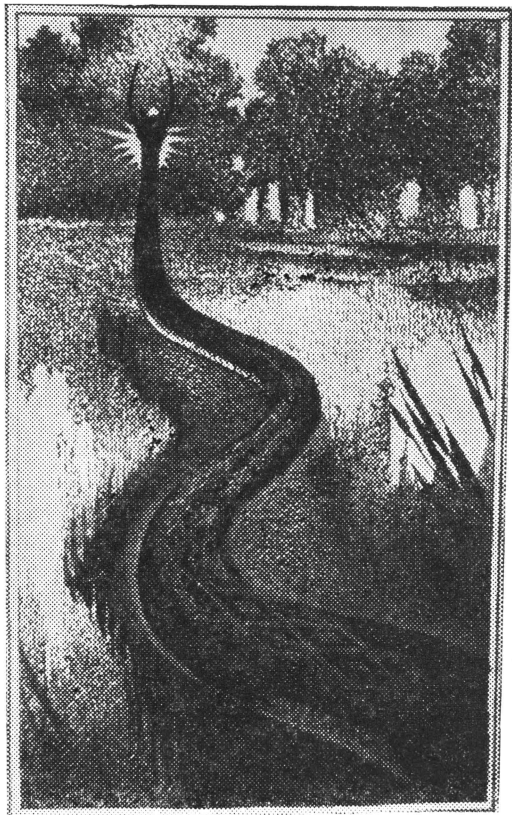
Но мы все-таки пробиваем и, надеюсь, будем пробивать и дальше. Разговоры о «несовременности» — это несерьезно. Настоящее искусство современно всегда. А кроме того, мы работаем прежде всего для детей. А дети — они стихийные реалисты. Они хотят видеть в книгах настоящих, живых героев-сверстников. Поэтому они предпочитают стерлиговского летчика Антошку модернистским уродцам других изданий, хотя эти последние и призваны ошарашить читателя и зрителя «смелостью», «современностью», «новаторством».

Рад сказать в заключение, что и сейчас мы работаем вместе: Евгения Ивановна рисует героев моей новой повести, которая в этом году пойдет в «Уральском следопыте».

Да, время не стоит на месте. Жизнь, безусловно, требует нового, к тому же запретное вчера стало доступным сегодня. Мы, собственно, не против разнообразия графического языка наших авторов, но, защищая разнообразие, протестуем против плоского и убогого эпигонства. Человеку-зрителю будет доступен любой язык искусства, если он строится на мастерстве и непреходящих эстетических ценностях, имевших место в наскальных рисунках первобытных охотников, достигших вершин в искусстве Элады и протянувшихся в наше время. Ценности эти, на наш взгляд, не только сочетание определенных навыков, но совокупность их с душой, сердцем и мыслью художника. Нагромождение несообразностей и небрежность, выдаваемые подчас за мастерство, бывают настолько унылы и так бездарно пошлы, что верится уже не в прогресс искусства, а в регресс. Рисунки Евгении Стерлиговой заставляют все-таки воспрянуть духом, поверить, что возможности человека в настоящем искусстве души и сердца еще не исчерпаны до конца и в наш жесткий и жестокий рациональный век. Это оставляет место надежде, воскрешает веру в идеалы человечности и добра.

Е. ПИНАЕВ

Иллюстрации к повести С. Другая «Василиск»

стительных и животных форм жизни (они взаимозависимы).

8. Развитие животного мира ведет к появлению нервной системы, отражающей сложность мира и способной к «считыванию» информации, уже существующей в вакууме.

9. Развитие нервной системы ведет к прогрессивному развитию головного мозга, и венцом такого развития является человеческий мозг, способный уже не только к «считыванию» вакуумной информации, но и к осознанию ее.

10. Развитие человеческого мозга ведет к прогрессивному развитию науки, которая уже в недалеком будущем будет способна вырастить из одной соматической клетки целостный организм, способный «считывать» и осознать информацию, находящуюся в вакууме, в том числе и касающуюся данного индивида.

Вот такая логическая цепочка. Но если пункты 1, 2, 3, 6, 7 достаточно бесспорны (хотя спорщики всегда найдутся), то остальные нуждаются в доказательствах.

Что такое мы с вами? Тело (весьма несовершенное) и память. Без того и другого мы не можем существовать. Что такое тело (в том числе и мозг), мы, в принципе, знаем. Что такое память — далеко не ясно. В качестве носителя информации называют пептиды, РНК, ДНК. Даже высокотемпературную сверхпроводимость пытаются привлечь для объяснения феномена памяти, особенно долговременной. Но еще в 1911 году Бергсон говорил о существовании двух видов памяти: низшей — моторной и высшей — памяти духа. И, мол, только моторную память можно рассматривать как функцию мозга. Отсюда люди, проповедующие спиритизм, полагают: сознание может находиться вне организма. Я же полагаю, что вне организма хранится не сознание, не душа, а память. И в этом принципиальная разница: ведь если сознание — активная категория, предполагающая участие в событиях, то память — неактивная. Но есть ли доказательства такому, на первый взгляд, странному предположению? Да, есть.

Если память находится в пределах мозга, то как объяснить случаи ее сохранения (и многочисленные) при массивных поражениях мозга? Характерные примеры. М. И. Кутузов был ранен пулей в голову навзлет. Пуля вошла в левый висок и вышла у правого глаза. Тем не менее, Михайло Илларионович память сохранил преотменную. Второй пример. Во время взрывных работ на стройке американскому рабочему насквозь пробило череп ломом. Лом вытащили, рана зажила, и после такой «производственной травмы» человек прожил еще пятнадцать лет, с сохранившейся памятью, правда, с испортившимся характером, что, впрочем, понятно. Если память нестрого локализована и многократно продублирована, то как объяснить то, что 150-летние патриархи прекрасно помнят события своей юности? Мы стареем, а память — нет? Как-то это нелогично, учитывая, что возможности ДНК ограничены. Кроме того, существуют люди с феноменальной памятью, способные с поразительной точностью описать любой день и час своей жизни...

Но вот, начиная с пионерской работы Уайлдера Пенфилла, было показано, что раздражение слабым электроком височных долей мозга ведет к вторичному переживанию, я подчеркиваю — ПЕРЕЖИВАНИЮ — давно прошедших событий. Люди переживают, но как-то отстраненно, как будто смотрят кино и вспоминают мельчайшие подробности, неосознанные совершенно. Но к такому же эффекту ведут и сильный стресс, и гипноз. Примеров очень много. Ну, например, девушка-студентка во время болезни наизусть, слово в слово пересказывала содержание учебника физики, который только перелистала, но не учила.

А вот пример с гипнозом. Одному пожилому каменщику внушили, что он должен вспомнить индивидуальные особенности кирпичей, которые он клал... в 20-летнем возрасте. Каменщик вспомнил, описал. Проверка показала, что в описании он не ошибся. Таким образом, можно предположить: на линии мозг — вакуум — мозг существу-

ют некие резонансные явления, которые активизируются во время особых физиологических состояний, причем мозг может усваивать информацию, сотворенную и иным мозгом. И тогда реалистическое объяснение получают многие «загадочные» явления — телепатия, ясновидение, вещие сны и, наконец, удивительные совпадения в биографиях однояйцевых близнецов. Один только пример. Осиротевших младенцев разлучили — их усыновили разные люди. Конечно, совершенно случайно назвали их Джимами. Встретились близнецы спустя 39 лет. Выяснилось, что в школе оба одинаково любили математику и не переносили грамматику. Оба стали юристами и работали на полставки помощниками шерифов. Оба назвали своих псов кличкой «Той». Машины у них были одинаковой марки «Шевроле». Оба проводили отпуск во Флориде, оба грызли ногти, а в свободное время любили мастерить что-нибудь из дерева. У обоих первую жену звали Линда, а вторую — Бетти. Правда, один назвал сына Джеймсом Алланом, а второй — Джеймсом Аланом. Видимо, все же сказалось влияние жен... Трудно, практически невозможно объяснить это игрой случая или генетической предопределенностью.

Предлагаемая гипотеза хорошо объясняет и такое удивительное заболевание, как шизофрения, свойственное только человеку. У животных нет психических заболеваний, исключая разве дельфинов. И — бактериальной природы бешенство. Это заболевание, пожалуй, наиболее массово — по разным источникам от 2 до 400 случаев на 1000 населения. Автор — не психиатр, поэтому определенные шизофреники приведу из литературы. Профессор О. Кербинов пишет: «Шизофрения — заболевание невыясненной этиологии, имеющее тенденцию к хроническому течению, нарастанию клинически разнообразных явлений распада единства психики, ее расщепления». Что ж, расщепление личности — самое интересное в шизофрении. Многие люди, особенно в юности, часто застают себя на ощущении, что ЭТО они уже где-то видели, слышали, обоняли и т. д. А в начале заболевания они уже испытывают ощущение чуждости своего лица, голоса, тела. Приходящие в голову мысли также кажутся чужими. По моему мнению, шизофрения — это наложение чужой информации на собственную. И порой вытеснение собственной, до потери «Я».

И такие примеры есть. Вот один. В конце января 1887 года в городок Норристаун (США) прибыл некто Браун — мужчина средних лет. Был жизнерадостен, контактен. Организовал торговлю канцелярскими товарами. Все у него было хорошо. Но вот 14-го марта он стал метаться по городу, умоляя людей сказать — где он? В каком городе? Уверял всех, что он не Браун, а проповедник Берн из города Грина... Прибывшая супруга подтвердила сей факт. Объяснить все это проповедник не мог. Этим случаем заинтересовался профессор-психолог, который подверг ловца душ человеческих гипнозу, с целью выяснить — не вернется ли память Брауна... Она вернулась, да так прочно, что теперь уже мистер Браун не узнал «жену» и вскоре навсегда исчез из города Грина... Быть может, читатель объяснит этот случай наличием жены, — что ж, это его право. Тогда еще случай. В одной женщине, верней, в одном теле жили совершенно две непохожие личности. Каждая со своим именем, своим образом жизни. Обе они жили в этом теле по очереди и отказывались верить в такой факт. И поверили в него лишь тогда, когда по совету врача вступили между собой в переписку...

Есть и иного плана доказательства предлагаемой гипотезы. Они исторического и этнографического порядка. В Южной Америке, Африке, Австралии, Океании многие племена поклоняются «культу мертвых». Они уверены, что души умерших могут сливаться с душами живущих. Индусы издревле уверены в переселении душ — это общеизвестно. Геродот сообщает, что, по учению египетских жрецов, душа может возвратиться в тело человека через три тысячи лет после смерти (не потому ли они так умело бальзамировали умерших, что в клетках мумий до сих

пор сохранилась не поврежденная ДНК?). Пифагор утверждал, что способен слышать гармонию небесных сфер и может переселяться в души умерших. Почти то же самое говорил и Эмпедокл. Но каков механизм излучения информации, каковы ее биофизические основы? Или, быть может, биохимические? Конечно же, пока это большая загадка, но кое-какие соображения можно высказать и сегодня. Мы все — родственники. И среди живших и живущих всегда найдется небольшая группа людей весьма близких между собой генетически. Развитие их организмов протекает почти или вовсе идентично (вспомним однояйцевых близнецов). Они как бы «настроены» на одну частоту. Собственно, мы все — колебательные контуры, не так ли? И совпадение по частоте (вспомним, что в вакууме времени в нашем его понимании — нет) приводит к усвоению информации, сотворенной жившим или живущим мозгом и телом (резонированию). Так камертон звучит, даже если до него не дотронулись палочкой, откликается на звучание другого камертона, настроенного на ту же частоту.

Но все это естественное течение дел. А можно ли вмешаться в этот процесс? По-видимому, да. Этим и занимались не так уж давно. В тринадцатом веке английский ученый монах Роджер Бэкон, заключенный в тюрьму «за приверженность к тайным знаниям», писал: «Существуют составы, посредством коих можно пробудить в человеке древнюю память и заставить его на время стать одним из прародителей. Однако применение их сопряжено с большими трудностями отчасти из-за редкости нужных веществ, отчасти из-за опасности дальнейшего УМОПОМРАЧЕНИЯ (*подчеркнуто мной*) испытываемых... Было бы величайшей глупостью доверять секреты сих таинств непосвященным». Еще ранее, в девятом веке, один из языческих магов сумел спрятать большое количество золотой священной утвари во время погрома мусульманскими фанатиками, а сам бежал на юг Персии, где у него родился сын. Но вскоре после этого события маг был убит. Однако вскоре несколько жрецов языческого божества разыскали мальчика и взяли к себе на воспитание. Когда тому исполнилось 12 лет, они дали выпить ему чашу специального напитка, после чего в него вселился дух отца. И мальчик провел жрецов в заброшенную каменоломню. И там уверенно указал тайник...

Но еще раньше, неизвестно точно когда, африканские племена умели управлять памятью. Например, уничтожать ее. В результате люди превращались в «зомби», в своего рода манкуртов. Это достигалось просто. Человека насильно кормили пастой, содержащей неизвестный алкалоид растительного происхождения, который так и называют — «огурец зомби». Алкалоид вызывал амнезию. Мозг становился невосприимчивым к информационному собственному наследию. Очевидно, что другие алкалоиды, противоположные по действию «огурцу зомби», входили в рецепт Роджера Бэкона.

Таким образом, мне представляется несомненным, что после человека информация о нем не исчезает, а продолжает храниться в вакууме. И стоит нам в будущем возникнуть еще раз, как тело и мозг, мы возникнем и как личность, со всей нашей памятью, накопленной в прошлом. Или автоматически, или при помощи средств и методов уже известных, а может, совершенно новых...

Почему я говорю — автоматически. Приведу только один пример, поперпнутый мною из журнала «Пшечуй». В 1973 году разгорелась удивительная публичная дискуссия. О чем? Воплотилась ли вновь Анна Франк, то есть является ли она в данное время журналисткой Барбро Карлин? Дело началось со статьи известной и талантливой шведской журналистки Барбро Карлин. Уже сам этот заголовок статьи звучал захватывающе и сенсационно: «Я была Анной Франк в предыдущей жизни!»

Молодым читателям необходимо напомнить, кто такая Анна Франк. Это была девочка-еврейка, скрывавшаяся со своей семьей во время гитлеровской оккупации в Голландии, в Амстердаме. В 1943 году немцы обнаружили за двойной обмуровкой убежища семью Франк и безжалостно

но ее убили. После войны случайно был найден дневник Анны, описывающий всю трагедию семьи, в том числе и историю ее первой девичьей любви. Этот дневник свидетельствовал о выдающихся способностях Анны Франк. И, собственно, благодаря этому дневнику ее имя стало известно всему миру, посмертно. Насколько жива память о ней, свидетельствует и тот факт, что ей сооружен памятник перед домом, где она жила.

А вот факты, говорящие в пользу Барбро Карлин, о том, что она новое воплощение Анны Франк:

1. Ее поразительное внешнее сходство с Анной.

2. Изумительный писательский талант, так же, как и у Анны. Барбро была вундеркиндом, в шестилетнем возрасте стала известна многочисленными публикациями своих стихов, а будучи семи лет от роду написала первую книжку в прозе.

3. Осознанность того, что она — это Анна Франк. Эта осознанность появилась у нее уже на исходе второго года жизни (она родилась в 1955 году, то есть спустя 12 лет после гибели Анны), но когда начала об этом говорить, никто не придавал значения детскому лепету. Вот красноречивый диалог, который произошел вдруг между двухлетним ребенком и матерью в момент, когда Барбро внезапно соскочила с тротуара на проезжую часть дороги:

— Барбро, не прыгай на проезжую часть улицы!

— Я Анна!

— А дальше как?

— Анна Франк.

— Нет! Ты — Барбро!

— Да... Но раньше я жила у другой мамы...

4. Знание Амстердама и дома Анны. Когда в 1965 году Барбро было 10 лет, родители вместе с ней отправились в Амстердам, чтобы убедиться в правдивости ее воспоминаний. И вот, очутившись в этом городе, Барбро не разрешила родителям взять такси, но сама, будучи впервые в жизни в Амстердаме, безошибочно провела их кратчайшим путем к дому Анны, не спрашивая ни у кого дорогу.

Но возможно ли наше новое возникновение? Разумеется, при условии переноса в будущее нашей генетической информации. А сделать это очень просто — достижения криобиологии автору хорошо известны. Отсюда представляется возможным и необходимым создание криобанка для хранения клеток ныне живущих людей.

Однако зачем заниматься организацией криобанка сегодня, коли можно гарантировать всем новую жизнь? Но я отнюдь не категоричен. Вспомним о сроке египетских жрецов — три тысячи лет... Быть может, они что-то знали? Ну, а если вакуум действительно не подвержен временным изменениям, то чем больше хранимый генофонд, тем легче подобрать что-то подходящее.

И, наконец, последнее (?) возражение — исчезнет наш любимый, привычный нам социум... Это ужасно! Да, это верно — социум исчезнет, только ничего ужасного в этом я не нахожу. Не так уж он и хорош, даже для самих привилегированных. Да, эволюция вида сменится эволюцией личности. Дети будут рождаться, но только в случаях настоящей любви. Собственно, рождение ребенка будет физиологически невозможно при отсутствии Любви. (Полагаю, что на почкование человечество не перейдет.) Человек со временем перейдет в новое качество, и его жизнь уже не станет плодом чьей-то обязательной смерти. И, возможно, смыслом жизни станет бережение огоньков жизни, вновь возникающей в просторах безграничной Вселенной. А в новом своем качестве мы сможем войти в «Великое кольцо», о чем мечтал еще Иван Ефремов. Войти полноправными членами, познать иную красоту и поделить ее своей. И так без конца и без края, поскольку у Вселенной нет берегов, а разве мы не частичка ее?

Если читателю мои соображения покажутся обоснованными и он согласен на второе рождение, я отвечу на любые вопросы.

ЭДГАР БЕРРОУЗ

ТАРЗАН. ПРИЕМЫШ ОБЕЗЬЯН

*Рисунки
Елены Пьянковой
и Николая Мооса*

«Его книги расходились тиражами большими, чем Библия...»

К кому из американских писателей XX века относится такое свидетельство современника автора: к Хемингуэю, Фолкнеру, Стейнбеку? Едва ли широкий читатель может дать ответ на такой вопрос — ведь Эдгар Райс Берроуз (а речь пойдет именно о нем), один из популярнейших прозаиков США первой половины нашего столетия, на русский язык переводился мало — лишь несколько книг вышли до революции и в середине 20-х годов.

Однако нельзя сказать, что это имя совершенно неизвестно у нас — в середине 50-х годов в СССР с большим успехом прошли фильмы о Тарзане, снятые по романам Берроуза. Фильмы были трофейные, вывезенные из Германии, с немецкими субтитрами, к тому же копии весьма низкого качества. Но мы, мальчишки военных лет рождения, смотрели, затаив дыхание, на отважного мускулистого парня, побеждающего всех!.. И сколько потом было порвано рубашек и брюк, насажено сияжков во время упоенной игры в Тарзана — повелителя джунглей...

Эдгар Райс Берроуз родился в 1875 году. Особым прилежанием будущий писатель в школе не отличался, но был крепким подростком, отлично ездил верхом, а потому, быть может, стал курсантом военного училища. Однако армейская лямка мало привлекала Берроуза — окончив училище и прослужив два года в кавалерии, он добивается увольнения. В течение последующих почти пятнадцати лет Берроуз перепробовал множество профессий — был ковбоем, золотоискателем, полицейским, бакалейщиком, клерком, даже пробовал продавать точилки для карандашей, пока усложнившееся материальное положение семьи не побудило его попытаться поискать удачи на ниве сочинительства.

В 1912 году в журнале «All Story» была напечатана под псевдонимом первая повесть Берроуза «Под лунами Марса» (в книжном варианте — «Принцесса Марса»). Успех был мгновенным, за короткое время Берроуз приобрел широкую известность. Вторая мировая война застала писателя на Гавайях. Наотрез отказавшись вернуться домой, в Штаты, Берроуз почти всю войну проработал корреспондентом Юнайтед Пресс на Тихом океане. Умер Берроуз в 1950 году, немного не дожив до 75-летия.

При жизни у Берроуза вышло около семидесяти книг. В жанровом отношении они весьма разнообразны: детективы, фантастика, фэнтези, вестерны, триллеры. Наиболее художественно значимы его фантастические книги, основное количество которых составляют четыре цикла повестей и романов — объединены они образом главного героя и единым местом действия: Марс, Венера, планета Земля и Африка.

Создание фантастических миров — одна из самых сильных сторон Берроуза-художника. Создания фантазии писателя не потеряли своей притягательности и сегодня, когда мы уже совершили путешествие по мирам Херберта, Ле Гуин, Толкина. Таков мир Пеллусидара — полой Земли, география которого зеркальна земной: под земными континентами располагаются моря, а под морями — континенты. Мир, освещенный никогда не заходящим своим солнцем, где царит вечный день и нет ни «вчера», ни «завтра»...

Но Берроуз был, по сути дела, спинтером в литературе: он быстро выдыхался, и во всех сериях продолжения ощущимо слабее начал. Вообще, все, кто когда-либо писал о Берроузе, отмечали, что лучшие его книги — две первые: «Принцесса Марса» и «Тарзан — приёмш обезьяны».

Бесспорно, популярнейший герой Берроуза — Тарзан, главное действующее лицо самого длинного цикла, «длинной» в двадцать пять книг (журнальный вариант первого романа вышел в 1912 году, а последний — при жизни писателя — в 1947-м).

Тарзан — сын английского лорда и его жены, погибших в Африке, где они очутились после бунта на корабле. Младенец был выкраден из колыбели обезьяной Калой, положившей на место наследника лорда своего детеныша, недавно умершего. Тарзан вырос среди обезьян, которым обязан именем: «Тар-зан» на языке человекообразных приматов значит «белая кожа».

Берроуз полностью использовал сюжетные возможности, которые предоставила эта драматическая история (по словам писателя, он не читал Киплинга, когда задумал книгу о Тарзане, — источником вдохновения послужила легенда о Ромуле и Реме, вскормленных волчицей). Неисчислимы подвиги Тарзана: он побеждает — в неизменно честном открытом бою! — не только зверей, наводящих

страх на все живое в джунглях, но и тех людей, кто прибывает в Африку за сокровищами древних царей, слоновими бивнями, драгоценными перьями. Тарзан добр, бескорыстен и отважен, неизменно берет сторону слабых и обиженных, борется за справедливость.

Влияние Тарзана на читателей принимало самые удивительные формы — например, один из сыновей писателя долгое время отказывается есть вареное мясо, требуя только сырое, которым питался его любимый герой. Во многом популярностью Тарзан обязан кинематографу. Первый фильм о Тарзане вышел в 1917 году, и вплоть до 80-х годов режиссеры обращались к этому образу. Наибольшей известностью пользуются — до сих пор — ленты 30-х годов, в которых роль Тарзана исполнял олимпийский чемпион по плаванию Джонни Вайсмюллер. Однако, как правило, в фильмах образ Тарзана искажен — огрублен, примитивизирован, ему приданы несвойственные первоисточнику агрессивность и жестокость.

Если в 20-е и 30-е годы Берроуз пользовался исключительной популярностью (к тому времени относится и характеристика писателя, вынесенная в заголовок статьи), то в 40—50-е его почти забыли. 60-е принесли подъем интереса к Берроузу — именно в это время образуется общество поклонников его творчества (что-то типа КЛФ Берроуза), начинает выходить посвященный ему журнал.

Велико влияние Берроуза на мировую и американскую НФ. Виднейшие мастера жанра испытали это влияние. Исследователи считают, что Берроуз стал основоположником целого направления в современной фантастике — «литературы шпаги и колдовства». Особую роль сыграл Берроуз в творческой судьбе Р. Брэндера, который пронес через всю жизнь любовь к создателю Джона Картера и Тарзана, ставя своего кумира выше Жюль Верна и Киплинга.

Публикуемая в журнале повесть Берроуза — первое произведение писателя за шестьдесят с лишним лет на русском языке. Впереди, хочется надеяться, полное знакомство нашего читателя с этим автором. И когда советские любители фантастики получат возможность прочесть лучшие книги Берроуза (и оценят сами его достоинства и недостатки), то смогут понять, почему почти восемьдесят лет этого писателя читают и перечитывают десятки тысяч людей всех возрастов в разных странах. И почему один из членов экипажа американского космического корабля «Аполлон» накануне первого в истории человечества старта к Луне читал книгу именно Эдгара Райса Берроуза.

В. ГОПМАН

В море

Я был в гостях у одного приятеля и услышал от него эту историю. Начал он ее под влиянием винных паров, а потом, когда я сказал, что не верю ни одному его слову, он, уязвленный и подстрекаемый моим недоверием, рассказал все до конца.

Человек он радушный, но гордый и обидчивый до нелепости. Задетый моим скептицизмом, он для подкрепления своих слов представил мне какую-то засаленную рукопись и кипу старых сухих отчетов Британского Министерства Колоний.

Однако я и теперь не решаюсь утверждать, что все в этом рассказе достоверно. Ведь событий, изображаемых здесь, я не видел своими глазами. А может быть, это и правда, кто знает! Я, по крайней мере, счел благоразумным дать главным героям рассказа вымышленные имена и фамилии.

Засаленная рукопись, с заплесневелыми и пожелтевшими страницами, оказалась дневником человека, которого давно уже нет в живых. Когда я прочитал этот дневник и познакомился с отчетами Министерства Колоний, то увидел, что эти документы вполне подтверждают рассказ моего гостеприимного хозяина.

Таким образом, все, что вы прочтете сейчас, тщательно проверено мною в разных источниках.

Если же этот рассказ не внушит вам большого доверия, вы все же согласитесь со мною, что он — изумительный, интересный, диковинный.

Из записок человека, которого давно нет в живых, а также из отчетов Министерства Колоний мы узнаем, что один молодой английский офицер (назовем его Джоном Клейтоном, лордом Грэйстоком) был послан в Западную Африку, в одну из британских прибрежных колоний, произвести там расследование весьма деликатного свойства.

Дело в том, что жители этой колонии — народ простодушный. Поэтому одна из европейских держав, пользуясь такой наивностью, стала вербовать их в солдаты для своей колониальной армии, причем эта армия только и делала, что отнимала каучук-сырец и слоновую кость у дикарей, живущих по берегам Арувими и Конго.

Несчастные жители британской колонии жаловались, что вербовщики, соблазняя тамошнюю молодежь идти в солдаты, сулили ей золотые горы, а между тем немногие из этих доверчивых рекрутов вернулись домой.

Англичане, жившие в этой колонии, подтвердили жалобы туземцев и прибавили со своей стороны, что чернокожие солдаты, намеренные иностранной державой, в действительности стали рабами: пользуясь невежеством местных жителей, белые офицеры не отпускают их на родину по истечении срока службы, принуждая служить еще несколько лет.

Министерство Колоний послало Джона Клейтона в Африку, предоставив ему новый пост, причем конфиденциально ему было поручено сосредоточить особое внимание на жестоком обращении офицеров дружественной европейской державы с чернокожими британскими подданными.

Клейтон был из тех англичан, которые издревле

прославили Англию своими геройскими подвигами в морских боях и на поле сражения, — мужественный человек, сильный и душой, и телом.

Роста он был выше среднего. Глаза серые. Лицо правильное, резко очерченное. В каждом движении чувствовался властный характер, закаленный многолетней военной службой.

Он был честолюбив. Ему хотелось иметь влияние в политике. Оттого он и перевелся из офицеров в чиновники Министерства Колоний, и взялся исполнить это нелегкое поручение.

Джону Клейтону было приятно, что его многолетняя служба в армии оценена по заслугам и за свои труды он получает такую большую награду. Перед ним открывалось широкое поприще для дальнейшей карьеры; но ехать теперь в Африку ему мешало одно немаловажное обстоятельство: ведь не прошло и трех месяцев с тех пор, как он женился на красавице Элис Рутерфорд, и ему казалось безумием везти свою молодую жену в тропическую глушь, где неведомые опасности подстерегают человека на каждом шагу.

Ради любимой женщины он мог бы отказаться от возложенной на него миссии, но леди Элис и слышать об этом не хотела. Напротив, она требовала, чтобы он отправился в Африку и взял ее с собою.

Конечно, у юной четы были матери, братья, сестры, тетки, кузены, кузины, и все они выражали свои мнения по этому поводу; но каковы были эти мнения, история умалчивает. Да это и не существенно.

Нам известно лишь одно: что в одно прекрасное майское утро 18** года лорд Грэйсток и его супруга, леди Элис, выехали из Дувра в Африку.

Через месяц они прибыли в Фритаун, где зафрахтовали небольшое суденышко «Фувальду», которое должно было доставить их к месту назначения.

Ничего больше неизвестно о лорде Джоне Грэйстоке и его супруге, леди Элис. Они сгнули, исчезли, пропали!

Через два месяца после того, как «Фувальда» подняла якорь и покинула гавань Фритауна, около полдюжины британских военных судов появились в водах Южного Атлантического океана, тщетно пытаясь отыскать хоть какой-нибудь след погибших именитых путешественников. Не прошло и нескольких дней, как у берегов острова св. Елены этой эскадре удалось найти обломки какого-то судна, и все тотчас уверовали, что это — остатки «Фувальды», утонувшей со всем своим экипажем. Поэтому дальнейшие поиски прекратили.

«Фувальда», парусное трехмачтовое судно, водозмещением около ста тонн, было самым заурядным кораблем в тех местах: тысячи таких суденышек обслуживают местную торговлю и шныряют вдоль всего побережья. Их команды обычно состоят из отчаянных головорезов и беглых каторжников — всех народов и всех племен.

«Фувальда» не была исключением из общего правила: на судне процветало насилие. Матросы ненавидели начальство, а начальство ненавидело матросов. Капитан был опытным моряком, но со своими подданными обращался как зверь. Разговаривая с ними, он признавал только два аргумента: плеть и револьвер. Да и то сказать, этот

разноплеменный сброд вряд ли смог уразуметь какие-либо другие аргументы.

На следующий же день после отъезда из Фритауна лорд Грэйсток и леди Элис стали свидетелями отвратительных сцен, разыгравшихся на борту их судна, которые они издавна привыкли считать выдумкой досужих беллетристов.

То, что произошло рано утром на палубе «Фувальды», стало первым звеном в той цепи удивительных событий, которые завершились самым неожиданным образом.

Началось это так.

Два матроса мыли палубу «Фувальды»; капитан стоял тут же на палубе и разговаривал о чем-то с лордом Клейтоном и его юной супругой.

Уборщики палубы постепенно приближались к ним. Наконец один из матросов очутился за спиной у капитана. В этот момент капитан, окончив разговор с лордом и леди, сделал шаг назад, чтобы уйти. Но, наткнувшись на матроса, он упал и растянулся на мокрой палубе, причем зацепил ногой за ведро: ведро опрокинулось и окатило капитана грязной водой.

На минуту вся сцена показалась забавной, но только на минуту.

Капитан рассвирепел. Он чувствовал себя опозоренным. Весь красный от унижения и ярости, с градом бешеных ругательств, накинулся он на несчастного матроса и нанес ему страшный удар кулаком. Тот так и рухнул на палубу.

Матрос был худой, маленького роста, уже немолодой; тем постыднее казалась расправа, которую учинил капитан. Но другой матрос был широкоплечий детина, здоровенный медведь, усы черные, шея воловьья.

Увидев, что его товарищ упал, он пригнулся, зарычал, как собака, и одним ударом свалил капитана.

Мгновенно лицо капитана из пунцового сделалось белым. Бунт! Это был бунт! Усмирять бунты зверю-капитану приходилось не раз. Ни секунды не медля, он выхватил из кармана револьвер и выстрелил в упор в своего могучего врага. Но Джон Клейтон оказался проворнее: увидев, что оружие сверкнуло на солнце, он ударил капитана по руке, вследствие чего пуля угодила матросу не в сердце, а в колено.

В очень резких выражениях Клейтон тотчас же высказал капитану, что он не допустит такого зверского обращения с командой и считает его возмутительным.

Капитан уже открыл было рот, чтобы ответить ругательством на замечание Клейтона, но вдруг круто повернулся и, бормоча невнятные проклятья, ушел на корму.

Он понимал, что не слишком выгодно раздражать британского чиновника, ибо могучая рука королевы может направить на него грозное и страшное орудие кары — вездесущий британский флот.

Пожилой матрос помог своему раненому товарищу встать. Широкоплечий великан, который среди моряков был известен под кличкой Черный Майкл, попытался двинуть простреленной ногой; когда оказалось, что это возможно, он повернулся к Клейтону и довольно неуклюже выразил ему

свою благодарность. Слова его были грубы, но в них звучало искреннее чувство.

После этого ни Клейтон, ни его жена не видели его несколько дней. Капитан старался не разговаривать с ними, а когда ему приходилось по службе сказать несколько слов, он сердито и отрывисто буркал.

Они завтракали и обедали в капитанской каюте, как повелось еще до этого несчастного случая, но теперь капитан не появлялся к столу, всякий раз ссылаясь на какое-нибудь неотложное дело.

Помощники капитана, все как на подбор неграмотные, бесшабашные, были едва ли почище своих подчиненных, над которыми они так злодейски тиранствовали. Эти люди, по весьма понятным причинам, при встречах с прекрасно воспитанным лордом чувствовали себя не в своей тарелке и поэтому избегали общения с ним.

Таким образом, Клейтоны — муж и жена — очутились в полном одиночестве.

В сущности, это одиночество им было только приятно, но, к сожалению, они оказались как бы отстраненными от экипажа корабля и оказались неподготовленными к страшной кровавой трагедии, разыгравшейся через несколько дней.

А между тем уже тогда можно было предвидеть, что близка катастрофа. Внешне жизнь на корабле шла по-прежнему, но внутри что-то разладилось и грозило великой бедой. Это инстинктивно ощущали и лорд Клейтон, и его жена, избегали об этом говорить, оберегая друг друга.

Однажды Клейтон, выйдя на палубу, увидел, что четыре матроса с угрюмыми лицами несут чье-то бездыханное тело, а сзади шествует старший помощник, держа в руке тяжелую плеть.

Клейтон предпочел пока не вникать в это грязное дело, но на следующий день, увидев на горизонте очертания британского военного судна, потребовал, чтобы капитан немедленно шел на сближение. Лорду Клейтону было ясно, что при мрачных порядках, установившихся на «Фувальде», вся его экспедиция может окончиться только несчастьем.

Около полудня они так близко подошли к военному судну, что могли бы вступить в переговоры с ним, но как раз в ту минуту, когда Клейтон, намереваясь покинуть «Фувальду», хотел обратиться к капитану, ему пришло в голову, что все его страхи вздор и что капитан только посмеется над ним.

В самом деле, какие были у него основания просить офицера, командующего военным кораблем британского флота, изменить свой рейс и вернуться в Фритаун?

Конечно, Клейтон может сказать, что он не пожелал остаться на борту своего корабля, так как его капитан сурово наказал двух нарушивших дисциплину матросов. Но такое объяснение покажется офицерам военного судна смешным, и они втихомолку позабавятся над чувствительным лордом и, пожалуй, сочтут его трусом.

Только поэтому Джон Клейтон не стал требовать, чтобы его доставили на военный корабль; но позже, когда трубы броненосца скрылись за горизонтом, он стал раскаиваться в своей боязни показаться смешным, так как на «Фувальде» разыгрались драматические события.

Около двух часов пополудни пожилой матрос, которого несколько дней тому назад капитан ударил по лицу кулаком, драил на палубе медные части. Приблизившись к Клейтону, он пробормотал еле слышно:

— Будет ему нахлобучка... Помяните мое слово: будет... Это ему даром не пройдет...

— Кого вы имеете в виду? — спросил Клейтон.

— А разве вы сами не видите, какая тут у нас заварилась каша? Этот сатана-капитан и его мерзавцы-подручные чуть не всю команду искалечили до смерти... Вчера двоих, да сегодня троих. Но Черный Майкл опять на ногах; погодите, он покажет им, как измываться над нами. Уж он отомстит, помяните мое слово.

— Вы хотите сказать, — спросил Клейтон, — что команда корабля затевает мятеж?

— Мятеж! — воскликнул старый матрос. — Какой там мятеж! Мы его просто укуошим!

— Когда?

— Скоро! А когда, не скажу, я и так наболтал слишком много. Но вы хороший господин, вы вступились за меня и за Черного Майкла, и потому я сказал вам словечко. Только держите язык за зубами, и когда услышите выстрелы, бегите в трюм и оставайтесь там, а не то и вы попадете в переплет.

И старик, закончив работу, ушел.

Леди Элис стояла рядом и слышала каждое слово матроса.

— Недурные развлечения у нас впереди! — усмехнулся Клейтон, скрывая перед женой свою тревогу.

— Нужно сейчас же предупредить капитана, — воскликнула леди Клейтон. — Может быть, ему удастся предотвратить бунт.

— Пожалуй, это будет самое лучшее, — отозвался лорд, — хотя, чтобы сохранить свою шкуру, я должен бы держать язык за зубами. Тогда, что бы ни случилось на судне, матросы не тронут ни тебя, ни меня, потому что они видели, как я заступился за этого старика и за Черного Майкла. Но если они узнают, что я предатель и разболтал обо всем капитану, нам обоим несдобровать.

— Но, милый Джон, — возразила жена, — если ты не предупредишь капитана о готовящемся на него покушении, ты тем самым окажешься виновным в убийстве, ты будешь соучастником этих злодеев.

— Ты не понимаешь, что говоришь, моя милая, — ответил Клейтон. — Ведь я забочусь только о тебе. Капитан сам виноват, он заслужил эту кару; зачем же я стану подвергать опасности свою жену ради спасения такого мерзавца?

— Долг есть долг, — заявила жена, — никакие соображения не помогут тебе уклониться от его выполнения. Я была бы недостойна супруга, который из любви и жалости ко мне изменяет своему долгу. Конечно, я знаю, что последствия могут быть ужасны, но я достойно встречу их рядом с тобой. Лучше смерть, чем позор. И ты подумай, как нас будет мучить совесть, если с капитаном действительно случится несчастье!

— Ну, будь по-твоему, Элис! — ответил, улыбаясь, Джон Клейтон. — Может быть, мы напрасно тревожимся... Конечно, дела на корабле идут неважно, но мы, кажется, сгущаем краски.

Весьма возможно, что этот старый матрос сообщил нам не реальные факты о положении вещей, а только свои мечты и желания! Ему хочется отомстить обидчику, вот он и сочиняет, будто эта мсть неизбежна... Вообще мятежи на кораблях сейчас редки. Лет сто тому назад они были заурядным явлением, а теперь о них что-то не слышать... Но вот капитан идет в свою каюту. Я пойду к нему сейчас и объяснюсь, так как хочу кончить это гнусное дело скорее. Не очень-то мне приятно разговаривать с этим животным.

Сказав это, он с беззаботным видом направился к каюте капитана и постучал к нему в дверь.

— Войдите! — раздался недовольный голос.

Когда Клейтон вошел в каюту и закрыл за собой дверь, капитан рывком отрывисто:

— Ну?

— Я пришел сообщить вам, что сегодня случайно подслушал один разговор, из которого мне стало ясно, что ваши люди затевают мятеж и замышляют убийство.

— Ложь! — Лицо капитана побагровело. — Если еще раз у вас хватит нахальства лезть не в свое дело и подрывать дисциплину на моем корабле, я не поручусь за последствия! Черт вас возьми! Вы думаете, я очень боюсь, если вы лорд? Наплевать мне на лорда! Я — капитан корабля и никому не позволю совать нос в мои распоряжения.

К концу этой яростной речи взбешенный капитан потерял всякий контроль над собою, и последние слова он выкрикнул громким фальцетом, стуча одним кулаком по столу, а другим потрясая перед самым носом Клейтона.

Кулаки у него были огромные.

Клейтон не шелохнулся. Он спокойно стоял и смотрел разъяренному капитану в глаза, как будто ничего не случилось.

— Капитан Биллинг, — сказал он наконец, — простите, пожалуйста, мою откровенность, но позвольте вам сказать: вы — осел!

И медленно повернувшись, он вышел спокойно из каюты. Это хладнокровие несомненно должно было вызвать в таком вспыльчивом человеке, каким был капитан, новые приступы ярости...

Если бы Клейтон не оскорбил капитана, весьма возможно, что тот через минуту раскаялся бы в своей излишней горячности, но своим поведением Клейтон раз и навсегда уничтожил всякую возможность примирения.

Теперь уже нельзя было надеяться, что в случае каких-нибудь несчастий капитан окажется союзником Клейтона и вместе с ним примет меры для самозащиты от взбунтовавшихся матросов.

— Ну, Элис, — сказал Клейтон, вернувшись к жене, — ничего хорошего не вышло. Этот молодец оказался неблагодарной свиньей. Накинул на меня, как бешеный пес... И пускай матросы делают с ним, что хотят, мы должны позаботиться о себе сами. Идем в каюту, дорогая. Я пригтовлю револьверы. Жаль, что наши ружья и заряды к ним находятся в трюме, в багаже.

Вернувшись в каюту, они застали там страшный беспорядок. Кто-то рылся в чемоданах и разбросал по каюте их платье. Даже койки и те были сломаны, а постельное белье валялось на полу.

Клейтон перебрал все вещи. Все оказалось

в целости. Ничего не пропало. Исчезли только два револьвера да пули.

— Жаль, — сказал Клейтон. — Они взяли наиболее нужное. Теперь уже нельзя сомневаться, что нам угрожает бунт.

— Что же теперь делать, Джон? — воскликнула жена. — Теперь я не стану настаивать, чтобы ты пошел к капитану, потому что не хочу, чтобы ты снова подвергся оскорблению. Может быть, лучше всего держать нейтралитет? Предположим, что победит капитан. Тогда все пойдет по-прежнему, и бояться нам нечего. А если победят матросы, будем надеяться (хотя, кажется, надежда плоха), что они не тронут нас, так как увидят, что мы не мешали им действовать.

— Хорошо, Элис! Будем держаться середины!

Они стали приводить свою каюту в порядок и только тогда заметили, что из-под двери торчит клочок какой-то бумажки. Клейтон нагнулся и поднял ее.

Малограмотные каракули, выведенные рукой, явно непривычной к перу, предупреждали Клейтона, чтобы он не смел сообщать капитану о пропавшем револьвера и не говорил никому о своем разговоре с матросом. Иначе и ему, и его жене — смерть.

— Ну что ж, будем пайныки, — сказал Клейтон с горькой усмешкой. — Нам ничего другого не осталось, как сидеть смиренно и ждать своей участи.

Дикое убежище

Ждать пришлось недолго. На следующее утро Клейтон вышел из каюты, чтобы прогуляться по палубе перед завтраком. Вдруг раздался выстрел. За ним еще несколько.

У капитанского мостика сгрудились все командиры. Матросы обступили их пестрой толпой; Черный Майкл впереди всех.

Стреляли офицеры. После первого же выстрела матросы разбежались и попрятались кто за мачту, кто за надстройки. Из-под прикрытий они стали отстреливаться.

Капитан уже убил двоих матросов из револьвера.

Старший помощник капитана зашатался и упал ничком. Черный Майкл скомандовал: «Вперед!» — и бунтовщики кинулись на оставшихся вчетвером офицеров. Ружей и револьверов у них было мало, поэтому в ход пошли багры, топоры и кирки.

Капитан снова выстрелил и промахнулся. Ружье второго помощника дало осечку.

С той и другой стороны сыпались страшные проклятья. Ругательства, треск выстрелов, стоны и вопли раненых превратили палубу «Фувальды» в подобие сумасшедшего дома.

Едва офицеры успели отступить на несколько шагов, как матросы бросились на них. Дюжий негр одним взмахом топора раскроил капитану голову от лба до подбородка; минуту спустя и остальные офицеры пали мертвые или раненые под градом ударов и пуль.

Мятежники действовали быстро и решительно. Во время свалки Джон Клейтон стоял, небрежно

облокотясь у прохода, и задумчиво курил трубку, как будто присутствуя на состязании в крикет.

Когда упал последний офицер, Клейтон решил, что ему пора спуститься вниз, к жене, он боялся, что мятежники ворвутся в каюту и застанут ее там одну.

Хотя внешне Клейтон казался совершенно спокойным и безразличным, в душе он сильно тревожился. Он повернулся, чтобы спуститься в каюту, и, к своему изумлению, увидел свою жену.

— Ты здесь давно, Элис?

— С самого начала, — ответила она. — Как страшно, Джон! О, как страшно! Что с нами будет в руках таких людей, и на что мы можем рассчитывать?

— Мы можем, надеюсь, рассчитывать получить от них завтрак, — сказал он шутливо, чтобы ободрить ее, и добавил: — Во всяком случае, я сейчас все выясню. Пойдем со мной, Элис. Мы должны им показать, что не боимся и что заранее уверены в их корректном обращении с нами.

Матросы столпились вокруг мертвых и раненых офицеров. Безо всякой жалости выкидывали они трупы и даже еще живых своих начальников за борт. Впрочем, они обошлись так же бессердечно и со своими ранеными и убитыми.

Один из бунтовщиков, заметив приближавшихся Клейтонов, закричал:

— К рыбам и этих тоже! — и бросился на них, подняв топор.

Но Черный Майкл не зевал. Его пуля уложила матроса на месте. Затем, указывая на лорда и

леди Грэйсток, он громко крикнул, привлекая внимание остальных матросов:

— Эй, вы! Эти оба — мои друзья. Их не трогать! Поняли? Я теперь здесь капитан, и мое слово — закон. — И, обращаясь к Клейтону, добавил: — Держитесь в стороне, и никто вас не тронет. — С этими словами он сердито взглянул на своих товарищей.

Клейтоны постарались в точности исполнить совет Черного Майкла, поэтому ничего не знали о дальнейших планах бунтовщиков.

По временам к ним доносились слабые отзвуки ссор и споров, а два раза слышали злобное щелканье взведенных курков. Но Черный Майкл был подходящим вождем для этого разношерстного сброда головорезов, он умел держать их в строгом повиновении.

Шел пятый день после убийства офицеров, когда вахтенный крикнул: «Земля». Остров это или материк — Черный Майкл не знал. Но он объявил Клейтону, что если эта местность окажется обитаемой, лорд и леди Грэйсток будут высажены на берег со всем своим имуществом.

— Вы тут недурно проживете несколько месяцев, — объяснил он. — А за это время мы сумеем отыскать где-нибудь пустынный берег и разбредемся в разные стороны. Я обещаю осведомить правительство о том, где вы находитесь, и оно тотчас вышлет за вами военный корабль. Думаю, что вы нас не выдадите. Но посадить вас в цивилизованную местность для нас совсем неподходящее дело. К нам сразу же привяжутся с кучей

вопросов, ответить на которые нам будет не слишком удобно.

Клейтон, понятно, протестовал против бесчеловечной высадки их на пустынный берег, где они либо станут добычей диких зверей, либо, может быть, еще более диких людей. Но протест его не имел успеха и только рассердил Черного Майкла. Волей-неволей Клейтон был вынужден покориться и постарался примириться со своим горестным положением.

В три часа пополудни они бросили якорь у красивого лесистого берега против входа в закрытую бухту. Черный Майкл приказал спустить небольшую шлюпку с матросами, чтобы исследовать глубину.

Час спустя люди вернулись и доложили, что глубина позволяет «Фувальде» войти в бухту.

Берег утопал в прекрасной полутропической зелени. Вдали рисовались холмы и плоскогорья, почти сплошь покрытые первобытным лесом. Не было и признака жилья. Но человеческое существование, наверное, было здесь возможным. Обилие птиц и животных, которые были видны даже с палубы «Фувальды», могло обеспечить пропитание, а сверкающая маленькая речка, впадавшая в бухту, обещала в изобилии пресную воду.

Спустилась темная ночь. Клейтон и леди Элис все еще стояли у борта в молчаливом созерцании местности, где им суждено было жить. Из мрака девственного леса доносился страшный вой диких зверей: глухое рыканье льва и по временам пронзительный визг пантеры.

Женщина боязливо прижалась к мужчине. Она предвидела те ужасы, которые стерегли их во мгле грядущих ночей, когда они окажутся одни на этом диком и пустынном побережье.

Черный Майкл подошел к ним и заявил, чтобы они готовились сойти утром на берег. Они пытались упротить его, чтобы он высадил их ближе к цивилизованной местности, откуда со временем можно было надеяться попасть на родину. Но ни мольбы, ни угрозы, ни обещания вознаграждения не смогли поколебать Черного Майкла. Он ответил им:

— Кроме меня, на судне нет ни одного человека, который не предпочел бы видеть вас обоих мертвыми ради своей безопасности. Хотя я и сам знаю, что это единственный разумный способ застраховать наши шеи, не такой человек Черный Майкл, чтобы забыть одолжение. Вы спасли мне жизнь, я оплачу тем же. Я выгружу ваш багаж и дам в придачу кухонные принадлежности и несколько старых парусов на палатки. Кроме того, я снабжу вас провизией на первое время, пока вы не найдете себе дичи и плодов. Вы, значит, сможете здесь недурно устроиться, пока не придет помощь. Когда я буду в безопасности, то извещу британское правительство о том, где вы находитесь. Хотя — клянусь жизнью — я и сам не знаю в точности, что это за место! Но они сумеют вас отыскать.

Он ушел, и Клейтоны молча спустились в свою каюту, оба погруженные в мрачные предчувствия.

Клейтон не верил, что Черный Майкл имеет хотя бы малейшее намерение известить британское правительство об их местопребывании. Он не был даже особенно уверен и в том, не зло-

умышляют ли мятежники какого-нибудь предательства по отношению к ним на следующее утро, когда они должны были очутиться одни с матросами на берегу.

Без присмотра Черного Майкла любой матрос мог их убить. Совесть же Черного Майкла этим не отягощалась.

Но, положим, они избегнут этой опасности. Разве им не придется тогда стоять лицом к лицу с опасностями еще более страшными? Если бы еще Клейтон был один, он мог бы надеяться прожить долгие годы, потому что он сильный, атлетического сложения человек. Но что будет с Элис и тем другим крохотным существом, которому предстояло уже скоро появиться на свет среди лишений и страшных опасностей первобытного мира?

Клейтон вздрогнул, представляя себе несказанные трудности и полную безысходность своего положения.

Рано поутру на следующий день их многочисленные сундуки и ящики были подняты на палубу в ожидании шлюпок для перевозки их на берег.

У них было очень много багажа и притом самого разнообразного. Клейтоны рассчитывали пробыть на новом месте службы семь-восемь лет, и, кроме всяких необходимых вещей, они везли много предметов роскоши.

Черный Майкл твердо решил, что ни одна вещь, принадлежащая Клейтонам, не должна оставаться на борту. Делал ли он это из сострадания к ним, или просто из собственных интересов — трудно решить. Но несомненно, что присутствие на борту вещей, принадлежащих пропавшему британскому чиновнику, вызвало бы нежелательные толки в любом цивилизованном портовом городе.

Черный Майкл с таким рвением приводил в исполнение свое решение, что даже заставил матросов вернуть Клейтону похищенные у него револьверы.

В шлюпки были погружены солонина и сухари. Кроме того, их снабдили небольшим запасом картофеля, бобов, спичек, кухонными принадлежностями, ящиками, инструментами и обещанными Черным Майклом старыми парусами.

По-видимому, глава мятежников опасался того же самого, чего боялся и Клейтон. Поэтому он сам проводил их на берег и сел в последнюю шлюпку только после того, как остальные, набрав в бочонки свежей воды, отчалили к «Фувальде».

Клейтон и его жена молча стояли на берегу и смотрели вслед. В груди обоих теснилось предчувствие неминуемого несчастья и ощущение горькой безнадежности.

А в это время из-за небольшого пригорка следили за ними другие близко посаженные глаза, злобно сверкавшие под густыми бровями.

Когда «Фувальда» прошла узкий пролив и скрылась из вида за мысом, леди Элис обвила руками шею мужа и разразилась неудержимыми рыданиями.

Она храбро вынесла опасность бунта, с героической твердостью смотрела на грозное будущее, но сейчас, когда они очутились в полном одиночестве, ее измученные нервы не выдержали страшного напряжения.

Он не пытался остановить ее слезы. Слезы

могли облегчить и успокоить ее. Прошло много времени, прежде чем молодая женщина снова стала владеть собой.

— О, Джон,— простонала она,— какой ужас! Что нам делать? Что нам делать?

— Нам остается одно, Элис,— он говорил так же спокойно, как если бы они сидели в своей уютной гостиной,— нам остается только одно: работать. Работа станет нашим спасением. Не надо давать себе времени думать, потому что это приведет к безумию! Мы будем трудиться и ждать. Даже если Черный Майкл не сдержит своего обещания, я уверен, что помощь придет и придет скоро, как только станет известным, что «Фувальда» пропала.

— Милый мой Джон, если б дело шло только о тебе и обо мне,— зарыдала она,— мы бы вынесли все, я знаю, но...

— Да, дорогая,— ответил он нежно,— я тоже думал о будущем. Но мы должны и его встретить мужественно, веря в наше умение справиться со всеми трудностями. Подумай! Сотни тысяч лет тому назад наши предки стояли перед теми же задачами, может быть, даже в этих самых первобытных лесах. Неужели мы — их потомки — не сделаем того, что сделали они, и даже лучше их? Ведь мы вооружены высшим знанием! У нас есть способы защиты, которые дала нам наука и о которых они не имели понятия. Элис, мы можем добиться того, чего добились они, вооруженные жалкими орудиями из костей и камня!

— Ах, Джон, как я хотела бы быть мужчиной! Но я женщина, и мною движет скорее чувство, чем разум. А все, что я чувствую, слишком ужасно, слишком невыносимо, чтобы выразить словами. Хочу надеяться, что ты прав, Джон. Я сделаю все, чтобы быть храброй первобытной женщиной, достойной подругой первобытного мужчины!

Первым делом Клейтон решил соорудить временное убежище для защиты от зверей во время сна, которые, вероятно, уже высматривали легкую добычу.

Он открыл ящик, в котором лежали его ружья и патроны, взял одно из них на случай неожиданного нападения, и они отправились на поиски места для первого ночлега.

В ста ярдах от берега они нашли маленькую ровную поляну, почти свободную от деревьев. Именно здесь и решили они выстроить свое будущее постоянное жилье. Но пока оно не готово, лучше сначала соорудить небольшую площадку на деревьях — повыше, так, чтобы до них не могли добраться крупные хищные звери, в царстве которых они находились.

Клейтон выбрал для этой цели четыре дерева, составлявшие приблизительно четырехугольник в восемь квадратных футов, и, срубив несколько тонких деревьев, устроил в десяти футах над землей раму из жердей. Он крепко привязал их концы к деревьям веревками, которыми в числе других запасов снабдил их Черный Майкл. Поперек этого остова Клейтон уложил более мелкие ветки. Затем он устлал образовавшуюся платформу испанскими листьями лопуха, в изобилии росшего вокруг, а поверх листьев положил большой парус, сложенный в несколько раз.

Семью футами выше Клейтон построил такую же, хотя и более легкую платформу, которая должна была служить им крышей, а по сторонам вместо стен повесил остатки парусов.

В конце концов у них оказалось довольно уютное маленькое гнездышко. Он перенес туда одеяла и часть ручного багажа.

День клонился уже к вечеру, но пока еще было светло; Клейтон соорудил грубую лестницу, по которой леди Элис могла взобраться в свое новое жилище.

Весь день вокруг них летали и щебетали птицы в ярком оперении и прыгали болтливые мартышки, с изумлением и сильнейшим интересом следившие за появившимися среди них новыми существами и за постройкой их странного гнезда.

Несмотря на то, что оба они, и Клейтон и его жена, все время держались настороже, они не видели крупных животных. Но два раза маленькие соседки их — мартышки — с криком и визгом убежали с близлежащего холмика, бросая назад испуганные взгляды. Было ясно, — как если бы они говорили это словами, — что они спасаются от чего-то ужасного, притаившегося за деревьями.

Наступили сумерки, и, наполнив большую чашу водой из кристального ручья, оба, муж и жена, поднялись в свою, сравнительно безопасную, подвесную комнату.

Было очень тепло, и Клейтон откинул полог; они уселись по-турецки на своих одеялах, и леди Элис стала пристально всматриваться в сгущающиеся тени леса. Вдруг она вздрогнула и схватила Клейтона за руку.

— Джон,— шепнула она,— смотри, что это такое? Человек?

Клейтон взглянул в указанном ею направлении и увидел смутно обрисовывающийся силуэт... Какая-то темная фигура переминалась на холме.

На мгновение она замерла, как бы прислушиваясь, а затем медленно повернулась и исчезла во мраке джунглей.

— Что это, Джон?

— Не знаю, Элис,— ответил он серьезно.— Слишком темно, чтобы разглядеть. Быть может, просто тень, брошенная луной.

— Нет, Джон! Если это не человек, то какая-то огромная и отвратительная пародия на человека. Мне страшно!

Он крепко обнял Элис и стал шептать ей слова любви и мужества. Для Клейтона самым большим горем в их несчастье была душевная тревога молодой жены. Сам он был храбр и бесстрашен, но прекрасно понимал, какие ужасные мучения может причинить страх более слабой натуре. Это редкое свойство было одним из многих прекрасных сторон характера, которые завоевывали молодому лорду Грэйстоку любовь и уважение всех, знавших его.

Вскоре Клейтон опустил полог, крепко привязав его к деревьям, оставив маленькое смотровое отверстие. Они улеглись на одеяла и постарались найти во сне хоть короткий отдых и забвение. Клейтон лег головой к отверстию с ружьем и парой револьверов наготове.

Не успели они закрыть глаза, как из джунглей донесся ужасающий рык пантеры. Он повторялся все ближе, наконец они услышали его как раз

под собой. В продолжение часа, а то и больше, пантера обнюхивала и царапала деревья, поддерживавшие их жилие, потом удалилась вдоль берега, и Клейтон ясно разглядел ее под яркой луной; это было огромное красивое животное, самое большое из виденных им до сих пор.

В долгие часы темноты они только урывками засыпали. Непривычные ночные звуки держали их истерзанные нервы все время настороже. Не раз вскакивали они от пронзительных визгов или крадущихся движений каких-то таинственных ночных существ.

Жизнь и смерть

Всю ночь они не смыкали глаз и с большим облегчением встретили рассвет.

После скудного завтрака, состоявшего из колонины, кофе и сухарей, Клейтон начал сооружать постоянное жилище: он ясно понимал, что они не могут надеяться на безопасность и спокойствие, пока не огородят себя от джунглей четырьмя крепкими стенами.

Работа оказалась нелегкой. На постройку маленькой хижины в одну небольшую комнату ушел почти целый месяц. Клейтон строил ее из бревен около шести дюймов в диаметре, а промежутки замазывал глиной, которую нашел на глубине нескольких футов возле ручья. В комнате он сложил печь из небольших валунов, собранных на взморье. Когда дом был готов, он обмазал его со всех сторон четырехдюймовым слоем глины.

Оконный переплет Клейтон устроил из веток около дюйма в диаметре, тесно переплетенных крест-на-крест в виде крепкой решетки, способной противостоять натиску могучих зверей. Такая решетка не препятствовала доступу свежего воздуха в хижину и в то же время являлась надежной защитой.

Двускатная крыша была крыта мелкими ветками, плотно пригнанными друг к другу, а сверху была устлана толстым слоем длинных трав и пальмовых листьев. Затем крыша была также густо обмазана глиной.

Дверь Клейтон сколотил из досок тех ящиков, в которых были упакованы их вещи. Он укреплял дверь до тех пор, пока не получилось такое массивное сооружение, что, взглянув на него, они оба расхохотались.

Но тут Клейтон встретил большое затруднение: у него не было петель, чтобы навесить массивную дверь у входа. Однако после двухдневного упорного труда ему удалось соорудить две огромные и неуклюжие деревянные петли, на которые он и навесил дверь так, что она свободно закрывалась и открывалась.

Штукатурные и другие работы были завершены уже после того, как Клейтоны перебрались в хижину. А это они сделали тотчас же, как только была закончена крыша. Дверь они заставляли на ночь сундуками и ящиками, и, таким образом, получилось сравнительно безопасное и довольно уютное жилище.

Изготовление кровати, стульев, стола и полок было делом сравнительно легким, и в конце второго месяца лорд и леди Грэйсток были довольно

неудруно обставлены. Если бы не постоянная боязнь нападения диких зверей и все растущая тоска одиночества, они примирились бы со своим положением.

Ночью большие звери рычали, ревели и визжали вокруг их маленькой хижины, но к часто повторяющимся звукам и шуму можно до такой степени привыкнуть, что вскоре перестаешь обращать на них внимание. В конце концов Клейтоны привыкли к ночным крикам и крепко спали всю ночь.

Трижды случалось им видеть большие человекоподобные фигуры, похожие на ту, которую они видели в первую ночь, но никогда они не подходили к ним настолько близко, чтобы они могли сказать наверное: люди ли это или звери?

Блестящие птицы и маленькие обезьяны привыкли к своим новым знакомым. Они, по-видимому, до тех пор никогда не встречали людей и теперь, когда первый их страх рассеялся, стали подходить к ним все ближе и ближе. Их влекло к человеку то странное любопытство, которое управляет дикими существами лесов, джунглей и степей. Спустя месяц многие из птиц прониклись таким доверием, что брали пищу из рук Клейтона.

Однажды к вечеру, когда Клейтон работал над рубкой деревьев (он собирался прибавить еще несколько комнат к своей хижине), его маленькие друзья-мартышки с визгом бросились прочь от холма и попрятались в джунглях. Они кидали назад испуганные взгляды и, пробегая мимо Клейтона, возбужденно тараторили, как бы предупреждая его о приближающейся опасности.

И он увидел то, чего так боялись маленькие обезьяны: человека-зверя, загадочное существо, чья фигура уже не раз мелькала перед ними в мимолетных полуфантастических образах. Зверь шел через джунгли полувыпрямившись, время от времени касаясь земли своими сжатыми кулаками. Это была большая обезьяна-антропонид, приближаясь, она яростно рычала и иногда глухо ляла.

Клейтон находился довольно далеко от хижины и ревностно рубил выбранное им для постройки дерево. Месяцы, в продолжение которых ни одно страшное животное при дневном свете не осмеливалось приблизиться к хижине, приучили его к беззаботности. Он оставил все свои ружья и револьверы в хижине. И теперь, когда он увидел большую обезьяну, направлявшуюся прямо к нему через кустарник, он понял, что путь к отступлению отрезан, и почувствовал, как по его спине пробежала легкая дрожь. Он был вооружен одним топором и прекрасно сознавал, что его шансы на успех в борьбе с этим жестоким чудовищем были совершенно ничтожны. «А Элис, о боже! — подумал он. — Что будет с Элис?»

Мелькнуло в сознании, что, может быть, еще удастся добежать до хижины. На бегу он крикнул жене, чтобы она вошла в дом и закрыла за собою дверь.

Леди Грэйсток сидела неподалеку от хижины. Услышав крик мужа, она подняла голову и увидела, что обезьяна с поразительной для такого большого и неуклюжего животного скоростью прыгнула наперерез Клейтону.

Элис с криком побежала к хижине. Вбежав

в нее, она оглянулась, и у нее захолонуло сердце от ужаса: страшный зверь уже пересек путь ее мужу. Теперь Клейтон стоял перед обезьяной, схватив обеими руками топор, и готовый ударить им разъяренного зверя, когда тот на него накинется.

— Запри дверь на засов, Элис! — кричал Клейтон. — Я могу топором справиться с этой обезьяной.

Но он знал, что его ждет верная смерть, и она тоже это знала.

Напавшая на него обезьяна была большим самцом, она весила, вероятно, не менее трехсот фунтов. Из-под косматых бровей злобно сверкали маленькие, близко посаженные глаза, а острые волчьи клыки свирепо оскалились, когда зверь на мгновение остановился перед своей жертвой. За спиной обезьяны в двадцати шагах зияла открытая дверь хижины, и волна ужаса нахлынула на Клейтона, когда он увидел, что Элис снова выбежала из нее, вооруженная винтовкой.

Она, которая всегда так боялась огнестрельного оружия, что не решалась даже дотронуться до него, бросилась теперь к обезьяне с бесстрашием львицы, защищающей своих детенышей.

— Элис! Назад! — крикнул Клейтон. — Бога ради, назад!

Но она не слушала, и в ту же минуту обезьяна накинулась на Клейтона, и ему уже было не до разговоров.

Человек взмахнул топором изо всей своей силы, но могучее животное ловко увернулось, своими страшными лапами вырвало топор из рук Клейтона и отшвырнуло далеко в сторону. С свирепым рычанием кинулся зверь на беззащитную жертву, но прежде, чем его клыки коснулись горла человека, раздался громкий выстрел, и пуля попала обезьяне в спину между лопатками.

Отшвырнув Клейтона, зверь обратился против нового врага. Теперь перед ним стояла до смерти перепуганная молодая женщина и тщетно пыталась выстрелить еще раз. Она не знала механизма ружья, и ударник беспомощно бил по пустой гильзе. С ревом бешенства и боли обезьяна бросилась на хрупкую фигуру — и Элис упала в обморок.

Почти одновременно Клейтон вскочил на ноги и, ни минуты не думая о том, что его помощь совершенно бесполезна, бросился вперед, чтобы отвлечь обезьяну от неподвижного тела жены. Но этого не потребовалось. Громадная обезьяна безжизненно рухнула на траву перед ним — она была мертва. Пуля сделала свое дело.

Быстро осмотрев жену, Клейтон убедился — она жива и невредима, и решил, что огромный зверь умер во время прыжка.

Осторожно поднял он все еще бесчувственное тело жены и снес его в хижину, но прошло добрых два часа, пока, наконец, Элис пришла в себя.

Первые же слова ее наполнили смутной тревогой душу Клейтона. Она говорила:

— О, Джон, как уютно нам дома! Мне снился страшный сон! Мне казалось, мой милый, будто мы вовсе не в Лондоне, а в какой-то ужасной, дикой местности и что на нас нападают страшные звери.

— Да, да, хорошо, Элис! — сказал он, глядя

ее лоб.— А все-таки попробуй-ка снова заснуть и не думать ни о чем плохом!

Этой ночью в крошечной комнате на опушке первобытного леса под завывания леопарда у дверей и далекий глухой рев льва у четы Клейтон родился маленький сын.

Леди Грэйсток так и не оправилась от потрясения, вызванного нападением большой обезьяны. Она жила еще год после того, как родился ребенок, но уже ни разу не выходила из хижины и не сознавала, что она не в Англии.

Клейтон хорошо понимал, что если бы она владела вполне своими умственными способностями, то этот период стал бы для нее непрерывным мучительным чередованием тревог и волнений. Поэтому, хотя он и горько страдал, видя жену в таком состоянии, временами был почти рад тому, что она не может сознавать настоящего положения вещей.

Он давно уже отказался от всякой надежды на спасение. Спасти их могла лишь какая-нибудь случайность. Все с тем же рвением трудился он над усовершенствованием внутренности хижины. Шкуры львов и пантер устилали пол, стены были украшены полками и шкафчиками. Прекрасные цветы тропиков распускались в причудливых вазах, сделанных его руками из глины. Занавеси из трав и бамбука закрывали окна, и— что было труднее всего при том скудном подборе инструментов, которыми он располагал,— ему удалось гладко обстругать доски для обшивки стен, потолка и пола.

То, что он оказался способен своими руками выполнять такую непривычную работу для него, служило ему постоянным источником радостного удивления. Он любил свою работу, ибо исполнял ее для жены и для крошки, который был отрадой им обоим, хотя и увеличивал в сотни раз ответственность и ужас его положения.

В этом году на Клейтона несколько раз напали большие обезьяны. Эти страшные человекоподобные бродили теперь, по-видимому, в большом числе по окрестностям. Но так как Клейтон никогда уже не выходил без ружья и револьверов, он не очень боялся этих огромных зверей.

Он укрепил решетки окон и приделал к двери деревянный замок и, уходя на охоту за дичью или сбора плодов для пополнения съестных запасов, уже не боялся вторжения зверей в маленькую хижину.

Первое время Клейтон убивал дичь прямо из окон хижины, не выходя из дома, но вскоре животные стали бояться и избегать странное логовище, из которого вылетал ужасающий гром его ружья.

В свободное время Клейтон часто читал вслух жене книги, взятые им с собой из Англии. В их числе было много детских книг с картинками и азбуки. Они рассчитывали при отъезде, что, прежде чем они смогут вернуться в Англию, их ребенок успеет достаточно подрасти для такого чтения.

В такие часы Клейтон иногда писал свой дневник — по своей привычке — всегда по-французски. Он заносил в дневник все подробности их странной жизни, эту тетрадь держал он запертой в маленькой металлической шкатулке.

Ровно через год после рождения сына Элис

тихо скончалась. Ее смерть была до того спокойной, что прошло несколько часов, прежде чем Клейтон понял, что жена его действительно умерла.

Весь ужас положения не сразу дошел до сознания Клейтона. Но вскоре он в полной мере оценил значение этой утраты и страшную ответственность, связанную с заботами о маленьком грудном ребенке, выпавшую на его долю.

Последняя запись в его дневнике была сделана утром сразу после смерти жены, в ней он сообщает печальные подробности случившегося... Сообщает деловым тоном, в нем сквозит страшная усталость, апатия и безнадежность, которые еще усугубляют трагический смысл написанного.

«Мой маленький сын плачет, требуя пищи. О, Элис, Элис, что мне делать?»

Когда Джон Клейтон написал эти слова — последние, которые ему было суждено написать,— он устало опустил голову на руки и склонился над столом. Элис — неподвижная и холодная — лежала в постели около него.

Мертвую тишину джунглей прорезал жалобный плач ребенка.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Николай ГОДИНА

ТАК ВИДНЕЕ

БУДУЩЕЕ...

* * *

Когда принимались за еду —
забывали, что в кармане у него
ветер.
Когда расстилали постель —
не помнили,
что над головой у него
только небо.
Когда захваливали друг друга —
помалкивали о том,
что все лучшее в них
от него.
А теперь пытаются
причислить поэта к лику святых,
раздергивая по строчкам
его грешную жизнь.

* * *

Слышу:
дети весело шумят
за окном.
Значит,
уже кончился дождь,
и еще не началась
война.

* * *

Теперь уже дети,
оставив игрушки,
обсуждают проблемы
войны и мира.
Не будем мешать,
может, они договорятся
скорее.

* * *

Говорим о милосердии,
о безграничности добра...
А кто заткнет рот
мертвому дереву,
из которого жутким воплем
вылетела последняя птица?

НЕМЫСЛИМОЕ

Ищу мысль,
которая никому еще
не приходила в голову.
Но каждый раз
натякаюсь на головы,
в которые никогда еще
не приходила мысль.

* * *

Никогда
ничьих портретов
не вешал перед собой
на стену.
Стена должна быть чистой,
как горизонт.
Так виднее будущее.

* * *

Тише,
не спугните.
Пусть поет
на ветке одинокой радости
серенькая душа
человека.

МОЛЧАНИЕ

У меня радость — родился внук,
у соседа горе — умерла жена.
Сидим рядышком на скамейке,
курим и молчим.
Он молчит о том,
что у меня родился внук,
я молчу о том,
что у него умерла жена.

* * *

Прекрасен язык,
на котором говорят деревья.
Он похож немного на детский.
Когда-то
постигали его наравне
с родным языком.
Но теперь в моде
английский, немецкий,
французский...
Приходим в лес
и чувствуем себя
иностранцами.

* * *

Постой,— сказала,— я сейчас...
И убежала
в галантерейный магазин,
где выбросили
импортные колготки.
С тех пор стою
и считаюсь опорой
дома.

* * *

Однажды,
неосторожно перебегая поле,
я подорвался
на птице.
С полными до краев глазами,
раскинув руки,
буду лежать в траве,
истекая душой,
пока кто-нибудь случайно
не наткнется на меня
и не спасет
от красоты весеннего
утра.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Птицу не перепеть.
Солнце не пересмотреть.
Тебя не переспорить.
Извиняюсь и уступаю,
но не потому, что ты права,
а потому, что я
не прав.

* * *

Слабый пульс реки.
Закисшие глаза озер.
Горячий лоб пустыни...
Что с тобою,
Земля?

ОБЫКНОВЕННЫЙ ВОЛК

Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ

Ребенок открывает удивительный мир дикой природы в сказке. Не для того ли с древности они и слагались, чтобы поведать о зверях, птицах и прочих обитателях лесов и полей, рек и озер? Не все, конечно, — сказки слишком многообразны, — а некоторые. К примеру, «Теремок». Одна из самых популярных...

«...Теремок-теремок! Кто в тереме живет? — Я, мышка-норушка; я, лягушка-квакушка; я, зайчик-побегайчик; я, лиса-в-поле-краса. А ты кто? — Я, волк-из-за-кустов-хап!»

В двух-трех словах здесь весь портрет волка, да такой яркий, меткий. Волк — это злодей. Люди идут дорогой, а он — стороной. Выследит и из-за кустов: хап! В другом варианте сказки так и говорится: «из-за кустика хватыш». Опасный зверь, разбойник. И детей им пугали: «Баю-баюшки-баю! Не ложись на краю. Придет серенький волчок и ухватит за бочок. Он ухватит за бочок и утащит во лесок». Жутко. Вот так и закладывался в детское сознание страх перед этим зверем.

В других же сказках, наоборот, волк обрисовывался таким уральным, добродушным простачком, глуповатым дурнем и вызывал насмешку.

Возможно, у кого-то представления и познания об этом хищнике так и останутся на уровне сказки. Ну что ж, большой беды в этом нет. При желании всегда можно почитать о волке в книге или журнале, поговорить со специалистом.

В данном случае мы так и сделали. Наш корреспондент Леонид Богоявленский провел беседу с Владимиром Степановичем Смирновым, зоологом, доктором биологических наук, профессором, ведущим научным сотрудником Института экологии растений и животных Уральского отделения Академии наук СССР.

— Много ли волков на Урале? — повторил уважаемый зоолог мой первый вопрос и задумался. — Судите сами. В конце шестидесятых годов на территории Свердловской обла-

сти — а это Средний Урал — обитало от 30 до 50 волков. Через пять лет их насчитывалось уже около сотни, а в 1988 году — почти полторы тысячи.

На территории Башкирии ныне их более двух тысяч. А по всему Уралу пять тысяч с лишним. В начале же семидесятых годов было только 550.

Конечно, эти цифры не абсолютно точны, ведь переписи волчьего населения не устроишь. Подсчет ведется по наблюдениям егерей, лесников, населения, а также помогают делу математические вычисления.

— Наверное, я не ошибусь, если теперь сделаю такой вывод: волки — далеко не редкий вид животных на Урале. Чем объясняется их столь бурный прирост в последние годы? Вот бы такими темпами увеличиваться поголовью животноводческих ферм!

— Да, ни к исчезающему, ни к редкому виду волка не отнесешь. Этот зверь плодovit и живуч. Он умеет использовать все возможности для выживания в изменяющейся обстановке. Хорошо усвоил все выгоды существования вблизи человека и за его счет.

Ученые установили поразительную взаимосвязь между возрастанием численности волчьих стай и социальными явлениями: нашествие серых разбойников сопутствует эпидемиям, войнам, голоду, крутым переменам в жизни общества.

Так случилось в годы гражданской и Отечественной войн, в период коллективизации и массового раскулачивания в 30-е годы. Причина оказывалась одна и та же: людям было уже не до зверя, не до охоты. Волков не преследовали, не истребляли. Все потомство благополучно выживало, стаи быстро росли.

Иное дело — семидесятые годы. В то время возникло и укрепилось массовое движение в защиту природы. Экология овладела умами людей. В общественном сознании утвердилось понимание того, что в природе нет ничего лишнего, ненужного, все взаимосвязано, взаимообусловле-

но. Каждый вид имеет право на существование. Более того, он не может быть исключен из экологической цепочки. Иначе цепь распадется, равновесие нарушится. Тогда-то и раздались голоса в защиту хищников, в том числе и волка. Его назвали санитаром природы и объявили чуть ли не благодетелем. Высказывались предложения об ограничении охоты на волка. Исчезли плакаты, призывающие к истреблению этого хищника. Он оказался чуть ли не под охраной. Это и привело к новому взрыву численности. Ему способствовала также ликвидация небольших деревень и отдаленных селений, вырубка на больших площадях таежных лесов, прокладка дорог, которые волки использовали для передвижения и кочевья. Волки появились в северо-восточных районах Свердловской области, где раньше их не бывало. Они становились уже бедствием.

— Для кого? Помню, еще в тридцатые годы, будучи школьником, я слышал рассказы взрослых о злодеяниях волков. На глазах пастухов нападали они на зазевавшихся овец и ягнят, преследовали собак, набрасывались на телят и жеребят, ночью проникали в хлев. Много натерпелись тогда в деревнях от серых разбойников. А как сейчас? Велик ли ущерб от них?

— В животноводстве, как это не покажется парадоксальным, невелик. На фермах скот хищнику недоступен. А в стадах на целые дни и далеко от селений его уже не выгоняют. Ну, если заблудится какая-нибудь буренка в лесу, волки, конечно, не премнут ее взять. Вегетарианцами они не стали, их хищническая сущность несколько не изменилась.

— Что же тогда служит волку добычей у нас на Урале? Чем питаются те полторы тысячи, что бродят по лесам Свердловской области?

— Волк может схватить белку, зайца, крупную птицу, но основная его пища — лось, косуля, олень. Лосей много, десятки тысяч. Волчьей стае добыть лося нетрудно. Поэтому недостатка в корме они не испыты-

вают, не голодают. Это еще одна из причин того, что их становится на Урале все больше и больше.

В сутки волку требуется около четырех килограммов мяса. Четверть пуда! Он их и добывает. Более половины, а то и весь дневной рацион — лосятина. За год на каждого волка приходится 3—4 растерзанных лося. Сколько лосей придется на полторы тысячи, на пять тысяч волков?

Лось — объект промысловой охоты. Его мясо поступает в торговую сеть. Каждый волк забирает в год у человека около тонны лосиного мяса. Тысяча волков — тысячу тонн. Миллион килограммов! Город со стотысячным населением можно прокормить этим мясом несколько месяцев. Какой урон! Страдают от волков и домашние животные. Надо учитывать еще и такое: убив лося, волк уничтожает и его потенциальное потомство. И еще. Четыре килограмма волк съест, но еще оставит немало недоодеженным и к нему уже не вернется. Значит, суммарные убытки от волка много больше. В целом по стране они исчисляются многими миллионами.

Вот какое письмо получил я от охотника из Башкирии Хасана Идиятуллина, агронома по профессии: «Я имел дело с волками. Это все опустошающий зверь. Он грызет сейчас даже собак из села. Съели у нас последних косуль. А молодняка лосей у нас никто не видит». Сокращают волки лосиное стадо и на Среднем Урале. Потому-то на Руси и ведется извечная война с волком.

— Так, может быть, поставить цель полной ликвидации волков? Есть ли от них хоть какой-то прок?

— Вот и Хасан Идиятуллин пишет тоже: «Их надо кончать навсегда и держать только в клетках». Нет, этого делать не следует! Истребим волка, а что будет, скажем, лет через пятьдесят? Волк и лось в природе плотно пригнаны друг к другу. Уничтожим всех волков, произойдет «переувеличение» лосей. И они уничтожат лес.

Если лось перестанет быть объектом промысловой охоты, а это может случиться, когда мы в избытке будем обеспечены мясом домашних животных, то лишь волк сможет регулировать его численность. Численностью же волков должен управлять человек, доводя ее до экологически обоснованного минимума. И поддерживать ее на этом уровне.

При этом надо исходить из таких расчетов. От весны к осени за счет появившегося на свет потомства число волков возрастает в 1,77 раза. Иными словами на 77 процентов.

Для иллюстрации рассмотрим пример. Предположим, что на определенной территории зимовало 100 волков. Это число и составляет экологический минимум рассматриваемой территории. К следующей зиме их будет здесь уже 177. То есть к 100 взрослым волкам прибавятся еще 77 выживших и окрепших за лето волчат. Их так и именуют приплодами.

Чтобы не нарушился экологический минимум, надо еще зимою, до апреля, когда волки начинают размножаться, добыть 43 зверя из 100. Уменьшить численность на 43 процента. Оставшиеся звери дадут потомство, увеличив поголовье в 1,77 раза. К 57 взрослым прибавятся 43 волчонка, и к следующей зиме их будет также 100.

Если же зимовало не 100, а 200 и т. д. волков, то добычу надо соответственно увеличивать.

Реально же за последние пятнадцать лет охотники Свердловской области добывали не 43 процента, а всего лишь от 12—19 до 38 процентов. Потому-то волчье население не только не сокращалось, а неуклонно увеличивалось.

Борьба с волком не организована. И волк «работает», режет лося, а охотник остается без работы. Нет научно обоснованной системы в борьбе с хищником.

Иная картина в Пермской области. Там охотнику кроме установленной государством премии за каждого убитого хищника выдается еще поощрительная лицензия (разрешение) на отстрел лося. Это достаточно веский материальный стимул. Потому-то и волков там добывается больше, а общая численность их гораздо меньше, чем в Свердловской области.

Санитар ли волк? В нашем регионе, видимо, нет. Охотники наблюдали такие сцены: волки обходят стороной больного, чесоточного лося, а на здорового нападают.

Может случиться и так: число волков окажется вдруг менее экологического минимума. Тогда придется вводить охранные меры. Так поступили в минувшем году в Португалии. В стране осталось только 70 волков, и государство запретило их истребление. Если же волк нападет на овцу, то фермеру оно выплачивает денежную компенсацию.

Как видим, действия человека по отношению к волку диктуются обстоятельствами.

— Путник, оказавшийся один в лесу или в поле, озабочен не экономическим ущербом от волка, а своею безопасностью — не нападет ли на него волк? Что вы скажете об этом?

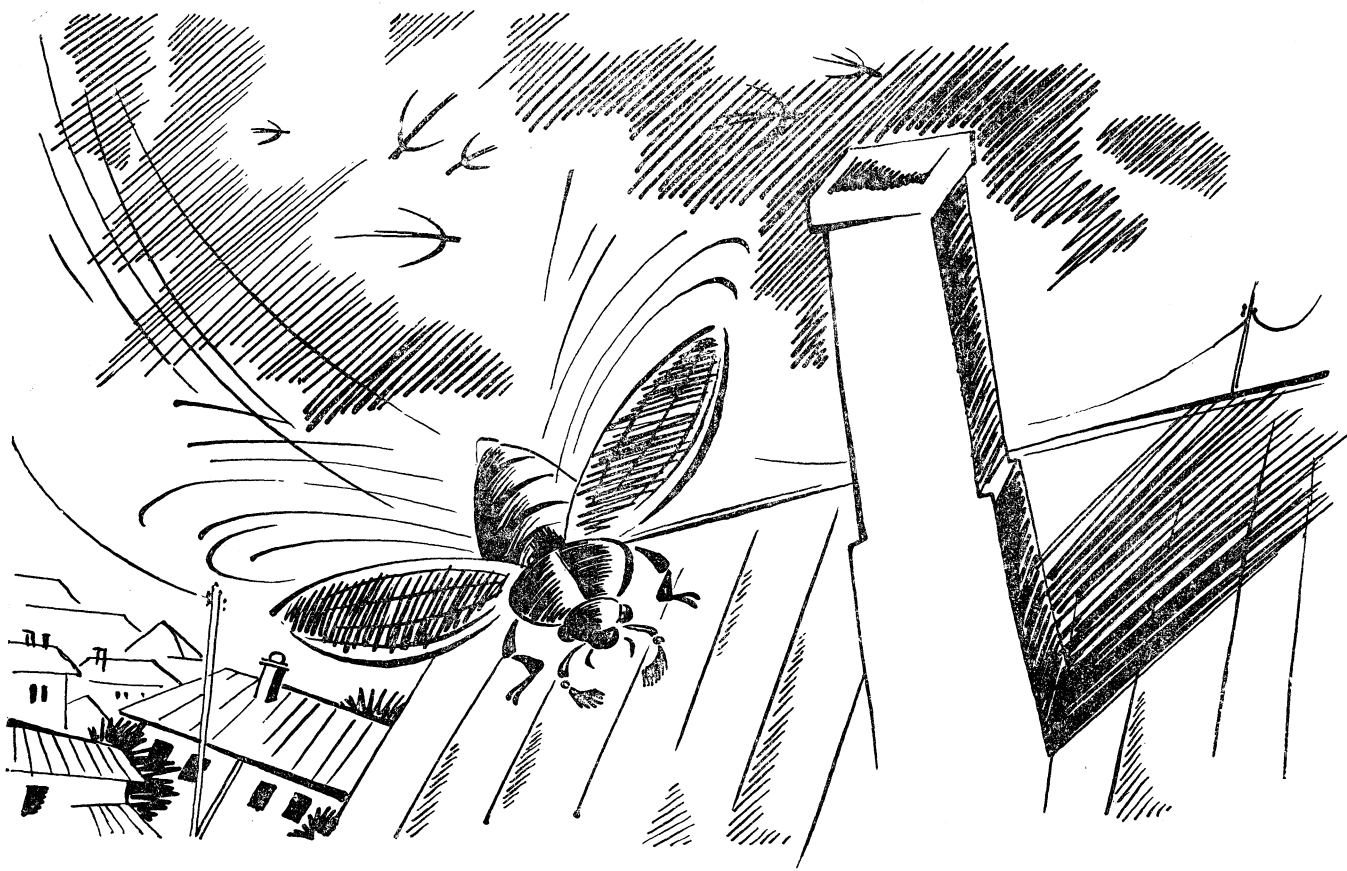
— Волк достаточно умный зверь. Он хорошо усвоил: все, что связано с человеком, опасно. Потому на глаза старается не показываться... Обходит их стороной или уходит вовсе. При встрече с волком надо держаться смелее, быть хозяином положения. Огонь, например, отпугивает хищника.

Случаи нападения на людей чрезвычайно редки. Они описаны в литературе. Конечно, надо помнить, что хищник остается хищником. Бдительность и осторожность в лесу утрачивать не следует.

Как бы в подтверждение этого я рассказал Владимиру Степановичу о двух случаях. Минувшей зимой работник Висимского заповедника Александр Николаевич Пискунов обходил свой участок на лыжах и обнаружил следы волчьего пиршества, кости лося. Когда же двинулся дальше, увидел впереди волка, который что-то грыз. Зверь заметил его, поднялся, вздыбил шерсть на загривке, метнулся в чащу и скрылся.

Мне тоже встречался волк — в степи. Жарким летним днем я шел тропинкой по склону лощины. Волк пропустил меня и начал опускаться к ручью. Там обернулся, перепрыгнул через ручей, прошуршал в камышах, поднялся по склону, еще раз обернулся, показал зубы и скрылся в хлебах.

СПАСЕНИЕ

Герман ДРОБИЗ

Рис. Марины Богуславской

ЖУКА

1.

Детство ребенка проходит в путешествиях.

Сначала он ползал по просторам кровати, утыкаясь лбом в деревянные прутья, не подозревая, что мир не заканчивается пределами ограждения. Однажды он почувствовал, что его ножки окрепли, и встал. Голова его впервые возвысилась над ограждением, а глаза увидели неведомую страну. В этой стране мерцали никелированные шары на спинках родительских кроватей, вдали возвышалась гора платяного шкафа, а над горизонтом струился узорчатый рисунок ковра, понуждая взгляд бесконечно бежать по прихотливым зигзагам.

По вечерам отдаленные края страны погружались в полумрак, и над всей местностью властвовал оранжевый, наполненный мягким светом купол абажура, словно сосуд с драгоценной целебной влагой, льющейся без устали и дарящей теплоту чувств и ясность ума.

Светящийся купол висел, не падая и не поднимаясь, и это более всего интересовало мальчика, когда он наблюдал за жизнью комнаты, путешествуя по кровати и цепляясь скрюченными пальчиками за прутья. Он чувствовал силу своих ног и ручек и учился управлять их совместными действиями. В нем самом и во всем, что было вс-

круг, скрывалось нечто замечательное, все связывающее воедино: это нечто двигало его руки и ноги, упруго прогибалось деревянные прутья оградки, раскачивало его постельку, но оставляло недвижимыми мерцающие шары над кроватями, и сами кровати, и шкаф, и удивительный светящийся купол меж потолком и полом; и он часами любовался на это дивное равновесие.

А потом наступили времена путешествий по комнатам — этой и другой, которая, оказывается, скрывалась за высокой белой дверью, открывавшейся с тягучим скрипом, и таила в себе еще более интересные вещи: черную громаду пианино, в боках которого смутно отражался огромный фикус в кадке, бесконечный обеденный стол, зеркало до потолка и голландскую печь — круглое тело, обтянутое железом, с дырой, где с легким воем и треском рождался и улетал огонь, добела раскаляя кирпичный свод.

Он завоевывал комнаты, открывая в них замечательные места — такие, как щель между стеной и диваном, как угол за кадкой, где можно было, стоя в рост, прятаться в листьях фикуса; любимое место было под обеденным столом, где, сидя на крестовине, скрепляющей его точе-

ные ноги, можно было наблюдать за огнем в печи. Вот в топку укладывают березовые поленья — даже на расстоянии чувствуется, какие они твердые, промерзшие, ледяные, только принесенные со двора. Можно ли поверить, что они превратятся сначала в груды золотой и алой россыпи углей, а потом и вовсе в жалкую серую кучку золы? Но это каждый раз происходит! Вот крошечный красный язычок зажженной спички робко лижет края берестяной растопки, и светлая береста вдруг на глазах темнеет, вспыхивает, завивается в кольца. А вот и поленья занимают жаром, сперва по краям, потом изнутри. Он силится поймать мгновение, когда очередная частица дерева становится чешуйкой огня, но оно неуловимо, это мгновенье, в безостановочном бурлении огненных струй. Снова и снова всматривается он в границу алого, наползающего на темное: вот оно только что было завитком коры, древесным волокном... и вот стало летучим изгибом пламени. Как твердое становится летучим, а холодное — обжигающим, дышащим жаром в лицо? Какая чудесная тайна...

И наступил день, когда он вышел за порог дома и радостно закричал от открывшегося ему космоса дворов, пустырей, переулков, деревьев, колоколен, крыш.

Крыши!

Мальчики любят путешествовать по крышам. Мало есть звуков слаще громохатания железа под босыми пятками.

К стене дома была приставлена деревянная лестница. Мальчик влезал на крышу, подымался к ее гребню, где торчала беленая печная труба. Он ложился у ее подножия и смотрел на облака.

Если бы в те времена уже летали спутники и если бы спутник пронесся над городами и селеньями края в этот близкий к вечеру час в конце мая и сфотографировал бы их — можно было бы подсчитать, сколько мальчиков в одно и то же время лежат на крышах домов, сараев, дровяников, и, закинув руки за голову, следят за движением облачных замков, за полетами птиц и насекомых, либо, не сосредотачивая взгляда ни на чем, бездумно и счастливо наблюдают вечные краски природы.

Но до спутников было еще невообразимо далеко, и даже слух о первых аэропланах не достиг еще далекого провинциального города. Ни один летательный аппарат еще не пробороздил пространство над ним — оно, как издревле, всецело принадлежало птицам, насекомым и облакам.

Мальчик же меньше всего думал о других мальчиках, лежащих на других крышах и видящих то же, что и он. Наоборот, он ощущал свою уединенность как единственность, он был единственным на весь мир прибором, ведущим свои проникновенные наблюдения за ходом небесной жизни.

Он чувствовал сложное переплетение сил, удерживающих в текучем равновесии все, представшее перед ним в сияющем бездонном пространстве. Облачный замок не падал на землю — его удерживала сила, но он и не улетал ввысь — противоположная сила невидимыми когтями загребала пушистые горсти и не давала им взмыть. Сила одного ветра гнала светлое облако слева направо, а сила другого ветра, живущего несколько ниже, гнала навстречу другое, темное облако, и они сталкивались, вливаясь одно в другое.

Особая сила удерживала птиц в плавном парении, а другая, таящаяся в их крыльях, разгоняла птицу, швыряя в ее в крутые выражи.

Облака были далеко, птицы — то далеко, то близко, а ближе всех были жуки, с басовитым гудением проходящие над самой крышей.

Зимой, по вечерам, возле жарко натопленной печи, мама когда-то читала ему сказки. Больше других запомнились приключения мальчика Нильса, улетевшего далеко на север, верхом на гусыне. Если бы стать маленьким, как Нильс... нет, еще меньше... таким крошечным, чтобы можно было уместиться верхом на майском жуке и, оседлав его, направить его туда, к облакам...

Светлое облако ударило в темное, и они стали вливаться одно в другое, и темное победило, превратив врага в свое подобие. Полнеба заняло одно огромное и все более чернеющее, мрачно многоэтажное, и из него полетели и зашлепали по крыше отдельные капли, а потом они часто и дробно застучали по железу, а потом полились струями.

Мальчик вскопчил и, раскинув руки и запрокинув голову, стал купаться в теплом майском ливне.

Когда все завершилось, снизу донеслось острое дыхание земли, напившейся небесной влаги, тонкий аромат цветочной пыльцы, и терпкий запах клейковины, покрывавшей свежие тополиные листья.

Как пушистые космы облака становятся каплями? Непостижимо. Вот они пушисты, и ветер расчесывает их... А вот они тяжелыми струями рушатся на землю, на крыши, сквозь листву кленов и тополей. Но есть же мгновенье, когда пушистое превращается в льющееся, невесомое — в тяжесть, неподвижное — в полет. Это особенное, редкостное мгновенье, когда одни силы — те, что держат в воздухе облачный пух, побеждаются другими, умеющими выделять из пуха капли. Как они это делают? Если б уменьшиться, как Нильс... нет, стать еще во много раз меньше и верхом на жуке залететь в то место внутри облака, где одна сила побеждает другую, и своими глазами увидеть, как невесомые пушинки сливаются в тяжелую каплю...

Кровля быстро просыхала. Он лежал на мокром теплом железе и наблюдал за краем влажного пятна. Сила солнечного тепла неумолимо грызла этот край и откусывала влагу невидимыми кусочками. Они невидимы ему, мальчику — он слишком велик. А вот жукам, наверное, видны эти кусочки. О, жукам видно много такого, чего не могут различить глаза человека. Если бы поговорить с ними. Особенно, с Главным Жуком.

Среди летавших над крышей жуков один отличался особенно важным гудением. Наверное, он и был Главным среди них.

Мальчик загудел, подражая жукам, призывая Главного прилететь для срочной беседы.

И Главный откликнулся!

Издали донесся его низкий, мудрый голос.

Жук прошел сквозь кучу тополей, сквозь ветви кленов, пронесся над крышей, исчез вдали, вернулся и пошел прямо на мальчика...

Он ударился о печную трубу и упал на крышу, скатился по наклонной плоскости и оказался в водосточном желобе — на спине, лапами вверх. Жук барахтался, пытаясь перевернуться, но все, что ему удалось — закрутить себя вокруг собственной оси. Он вращался на своей скользкой спинке, как заводная игрушка, и призывно и тревожно жужжал.

Замечательно! Сейчас мальчик спустится к жуку, перевернет его, и тот в благодарность отвезет его внутрь облака.

Но странно: чем дальше он спускался с гребня крыши, тем длиннее становился путь. Железное плоскогорье простерлось на добрую сотню шагов, а стык двух кровельных листов впереди вырос до размера забора и заслонил жука. Не без труда он вскарабкался на этот забор и, перед тем, как прыгнуть, обернулся: печная труба взмыла в небо, как крепостная башня.

Он уменьшился! Да еще как!

Чем ближе он подходил, тем громаднее становился жук. То, что минуту назад было размером не более скорлупки ореха, превратилось в опрокинутый абжур, величиною подходящий для жилища великанов. Когда он подошел вплотную, оказалось, что он не может даже достать руками до верхнего края полусферы, таким огромным стал жук.

Как завороченный, он усталился в медленно проплывавшую перед ним поверхность, отполированную до металлического блеска и играющую золотисто-фиолетовыми и смугло-розовым переливами, в которой смутно отражались кучи деревьев, крыша, печная труба и его соб-

ственная фигурка, искаженная, как в кривом зеркале.

Жук вращался, как карусель с отключенным мотором, все медленнее и медленнее. И, словно сиденья на кругу карусели, на концах вытарщенных над обрезом полусферы лап подрагивали мягкие подушечки, отороченные бахромчатыми висюльками. Вращение сопровождалось басовитым гудением, то замирающим, то вдруг взрывающимся до могучего рокота, сотрясавшего крышу.

Так он стоял, боясь шевельнуться, пока карусель не замерла на месте, как бы приглашая взобраться на нее. Да, на таком жуке можно поместиться, и у него хватит сил поднять мальчика в небеса! Но сначала надо помочь ему перевернуться.

Он уперся пятками в изгиб водосточного желоба, а обеими руками — в поверхность полусферы, и начал изо всех сил толкать. Но карусель даже не дрогнула. Нет, его собственных сил тут не хватит. Нужно впрямь какие-то другие силы. Может быть, таящиеся вокруг, может быть, спрятанные в самом жуке.

Он присел на корточки и внимательно осмотрел основание полусферы. Может быть, разгадка таится здесь?

Он сидел и думал.

Багряный свет закатного солнца все выше окрашивал белоснежные стены печной трубы, а вслед за ним наполнила быстро густеющая тень сумерек. Багрянец сошел на нет, труба мягко белела, грозно украшенная сиреневыми тенями, а купы деревьев над крышей стали неразличимы, и только шепот листьев под набевавшим ветром подтверждал их продолжавшееся присутствие в окутанном тьмой пространстве.

Снизу, со двора, донесся беспокойный голос матери. Она искала его и звала домой.

Голос звучал все беспокойней и требовательней, в нем уже звучали угрозы, а он все никак не мог что-нибудь придумать.

— Подожди, жук, — наконец сказал он. — Подожди до утра. За ночь я обязательно придумаю, как тебя перевернуть. Но за это ты свозишь меня к облакам. Согласен?

— Да-а-а... — прогудел жук. — Иди-и-и... Я подожду-у-у...

2.

Операция, сделанная одним из лучших хирургов страны, прошла успешно. Но старость есть старость. В палате реанимации конструктор провел более полугода. По настоятельному требованию медиков все это время он был полностью отрезан от всяческой информации о ходе дел в его отрасли. Это случилось впервые за долгие десятилетия его деятельности — замечательной деятельности, прославившей его в стране и во всем мире. Чем были заняты его мысли эти полгода? Он не делился ими ни с кем — ни с изредка навещавшими его близкими людьми, ни тем более с обслуживающим персоналом.

Когда ему снова позволили вернуться к делам, окружающие увидели как будто бы прежнего человека. Никак не делся его острый, проницательный ум. Но изменения стали очевидны всем: старик начал заговариваться. Внезапно, среди сугубо делового разговора, он умолкал, погружался в себя, изредка произнося что-то неразборчивое.

— Что-что? — почтительно переспрашивали коллеги.

Он ничего не отвечал. Оцепенение могло длиться довольно долго.

Однажды он отключился в середине совещания, слушая доклад своего подчиненного. Это не сразу заметили. Но докладчик вдруг понял, что старик не слушает и не слышит его. Он умолк. В тишине раздался внятный голос старика:

— Отвезите меня домой.

Его отвезли домой. Но на пороге он неожиданно с силой отбросил заботливую руку сопровождавшего и выкрикнул:

— Не сюда! Домой!

И он произнес название города, в котором родился. Руководство отрасли провело срочное совещание с

медиками. Перенесет ли старик столь далекое путешествие? Прозвучала решающая фраза:

— Воля умирающего — закон.

3.

Чтобы успокоить дыхание, он прислонился к печной трубе, и она незамедлительно выросла над ним, как крепостная башня. Вскинув голову, он смотрел на выступы на ее вершине. Затем он шагнул за гребень. Железное плоскогорье уходило вниз. Перед ним вырос глухой забор. Старик засомневался в успехе, но, к счастью, сила еще сохранилась в его руках, и после нескольких неудачных попыток он все же оседлал забор и осторожно, обдирая колени, сполз на другую сторону. Снова открылось железное плоскогорье, ведущее к ущелью водосточного желоба.

Вскоре он вошел в желоб.

«Зачем я иду? — думал он. — Ведь прошло столько лет. Он давно истлел, а прах смывает дождями или развеивает ветром...»

«Но ведь я снова уменьшился, — думал он. — Если бы его уже не было, зачем мне удалось бы уменьшиться?..»

ЖУК БЫЛ.

Он покоился на прежнем месте, и полусфера по-прежнему отливала металлическим блеском, но теперь не золотисто-фиолетовым и не смугло-розоватым, а синевато-черным, и отражала приближавшуюся к ней фигурку с седым венцом волос.

— Ты помнишь меня? — спросил старик, подойдя и робко коснувшись полированной поверхности, источающей спокойный холод. — Я мальчик из этого дома. Внизу, под этой крышей, я жил с матерью и отцом. Их уж давно нет на свете. А в доме... прости, нескромно, что я сам говорю об этом... Но следует объяснить, почему дом сохранился — единственный из тех времен. И ты должен знать, что это произошло благодаря тебе. Там, внизу, теперь музей. Я протестовал против прижизненного музея, но они сказали, что я... извини... да, что я прославил свой город, и им хочется, чтобы здесь был музей...

Старик устал от длительного монолога и замолчал. Молчал и жук. От него исходила безнадежная тишина, как от заводной игрушки, у которой давно сломалась пружина.

— Помнишь, как ты ударился о печную трубу, упал сюда и перевернулся? А потом к тебе подошел мальчик и попытался помочь. Он хотел помочь, но не просто так. А чтобы ты в благодарность отвез его внутрь облака, где из пушинок вырастают капли. Но у него ничего не вышло. Мальчик думал до темноты, а потом мама велела ему идти домой. Он был послушным сыном и ушел домой, а тебе обещал, что за ночь придумает, как тебя перевернуть. «Ты подождешь?» — спросил мальчик. И ты ответил ему: «Подожду-у-у...»

— Я думал всю ночь. И я придумал. Я придумал не только способ твоего спасения, но и конструкцию, похожую на тебя, которая могла бы взмыть в воздух. Мне открылись силы, способные это совершить. Я был счастлив! С этой ночи я думал только о своей конструкции, я забросил все игры и перестал подниматься на крышу... И я забыл о тебе.

Второй монолог утомил старика еще сильнее, и он отдыхал еще дольше, чем после первого. В паузе слышно было только слабое погромыхивание приотставшего железного листа на другой стороне крыши, да шорох падающей с деревьев листвы. В какой-то момент старику почудилось, что внутри жука что-то дрогнуло и прозвучало. Он приложил ухо к полированной поверхности. Нет, наверное, это громыхнул железный лист.

— Прости меня... зачем я лгу, что забыл о тебе? Нет, я помнил. Когда я вырос, обрел нужные знания и смог объяснить свое открытие другим людям на языке чертежей и расчетов, свой летательный аппарат я назвал в твою честь «Скарабеевом». Я помнил о тебе. О тебе, но не о своем обещании спасти тебя. Я мысленно благодарил тебя

за то, что случай свел нас и дал толчок моему воображению. Но что до судьбы какого-то жука молодому человеку, впервые познавшему славу и всемирный успех? Я разъезжал всюду, помогая создавать заводы по изготовлению «скарабеусов». На меня сыпался дождь наград и почетных званий. Я неустанно совершенствовал свое детище. Теперь миллионы «скарабеусов» служат людям во всем мире. Как странно — хорошо помню: тогда, той ночью, когда мне явилась идея твоего спасения, а вслед за ней — идея будущего аппарата, я в первый момент подумал о ней как о чем-то побочном, а главным было — что я спасу тебя, а ты в благодарность покажешь мне, как рождается дождевая капля.

На своих «скарабеусах» я много раз летал в облаках, но, конечно, так и не смог увидеть того, что хотел — ведь для этого надо было стать крошечным, а это возможно только, если лететь с тобой. И вот теперь я знаю, как спасти тебя. Но, боюсь, я вспомнил о тебе слишком поздно...

Старик уткнулся лбом в холодный бок жука и заплакал.

Что-то изменилось там, под металлическим блеском, под полированным безмолвием. Жук оставался неподвижен, но что-то изменилось. Упругое колебание пронеслось в полусфере и отдалось по всему жёлобу. Едва уловимое гудение достигло старческого слуха.

— Ты жив?! — воскликнул старик. — Ты... жив, дружище?!

— Жив... жив... — слышалось ему в гудении жука, все более внятном.

В волнении старик застучал кулачком в хитиновое крыло, словно в дверь жилища, где крепко спит кто-то, кого следует срочно разбудить.

— Слушай же меня, дружище! Идея твоего спасения чрезвычайно проста! Ты должен закрутить себя вокруг своей оси, как волчок, закрутить, как можно быстрее, и тогда стихия сама поднимет тебя, и ты обретешь все степени свободы! Давай же, давай!

Он уперся и изо всех сил надавил: полусфера дрогнула и тронулась. Он медленно-медленно поволок ее по кругу. Один оборот. Еще один. Жук не сопротивлялся и не помогал.

— Ну, что же ты?! У меня не хватит сил! Ты должен сам, сам... Да распрями лапы! Раскинь их так далеко, как можешь! Ну же, ну...

Гудение, исходящее из глубины полусферы, усилилось и превратилось в рокот. Толчок, каким жук выбросил вперед и в стороны свои лапы, отозвался громом всей крыши. Обгоняя жалкие усилия старика, он завращался, завибрировал, ускоряясь с каждым мгновением. Старика отшвырнуло прочь, и он упал, больно ударившись о железо.

Бешеное вращение подняло жука в воздух! Попав в родную стихию, он ловко перевернулся... и обессиленно рухнул, с грохотом встав на растопыренные лапы. Жук глядел на старика сотнями своих фасеток и громоподобно дышал. В каждой фасетке отражался крошечный, опрокинутый навзничь старик с гримасой боли и радости на лице. Жук поводил усами, ощущивал крышу, словно желая окончательно убедиться, что он действительно стоит на собственных лапах. И когда он понял это, усы протянулись к старику и, поддев его под локти, поставили на ноги.

Затем полусфера разъехалась, как разъезжается купол обсерватории, чтобы выпустить к звездам телескоп. Жук выпростал крылья, и они легли на крышу. Старик робко шагнул. Под ногами спружинил край крыла. И вот он уже подымался по этому упругому помосту, прогибавшемуся под ногами. Он достиг основания крыльев и обнаружил ложбинку, подходящую для того, чтобы в ней можно было удобно и надежно разместиться. Что он и сделал!

Жук мощно оттолкнулся, крылья взмахнули и засновали вверх-вниз, как гигантские опахала, взвихривая воздух и взметая седые волосы старика.

Они взлетали по крутой дуге и пронеслись среди голых ветвей клена. Багровый пятипалый лист, громадный,

как праздничное панно, проплыл рядом, раскачиваясь и желая счастливого пути.

Старик бросил прощальный взгляд на землю: там, уменьшаясь с каждой секундой, поворачивалась, пропадала в холодном блеске солнца крыша его дома. А здесь, в небе, их уже поглощала тень облака, а потом и оно само.

Они влетели в пушистый космос, дохнувший ему в лицо свежей ледяной прохладой; в таинственное царство сил, тонкое взаимодействие которых управляло жизнью облака и превращало пух — в каплю, аморфное — в строгую форму, невесомое — в тяжесть...

СЕЙЧАС ОН УВИДИТ ЭТО СВОИМИ ГЛАЗАМИ!

4.

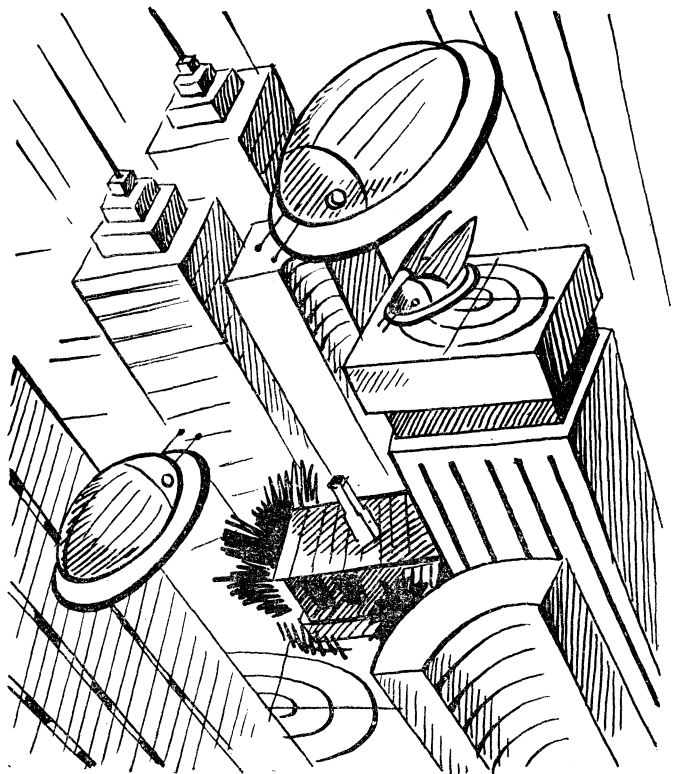
Прошло минут десять, а старик не возвращался. Сопровождавшие забеспокоились. Прошло еще пять минут. — Идем, — приняв решение старший.

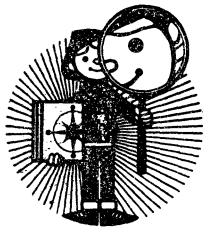
Громыхая по железу, они поднялись на гребень крыши и обогнули печную трубу.

Старик лежал на спине, вольно закинув руки за голову, как лежат мальчишки, наблюдая за движением облаков, полетом птиц или безотчетно любуясь вечными красками природы.

Он глядел в небо неподвижным взором. Таким неподвижным, какой никогда не бывает у живого человека, даже если он замер в предельной сосредоточенности перед тем, что разглядывает или силится разглядеть...

Там, над ним, в высоком небе осени, два ветра гнали навстречу друг другу белое облако и темное облако. Облака соприкоснулись и стали вливаться одно в другое. Белое победило. Светлый воздушный замок, холодный и величавый, вознес свои громады от края до края небес, весь в игре легких теней и подсвеченный снизу закатным солнцем.

МИР

НА ЛАДОНИ

Гипотеза о Немезиде

Немезида — древнегреческая богиня отмщения и наказания. Ее именем (по совершенно непонятным мотивам) группа астрономов назвала гипотетическую звезду, которая якобы вращается вместе с Солнцем вокруг общего центра тяжести (с периодом обращения в 28 миллионов лет). По их вычислениям, эта звезда (как считают — черный карлик) движется по весьма вытянутой орбите. При перигелии Немезида приближается к Солнцу на расстояние 1,6 светового года, то есть подходит относительно близко к кометному поясу далеко за орбитой Плутона (кстати, наличие этого пояса тоже относится к числу гипотез). Как правило, кометы не пересекают границ Солнечной системы, за исключением случаев, когда их к этому принуждает какое-то гравитационное возмущение. Ученые подозревают, что виновницей этих возмущений как раз и является Немезида.

Продолжая развивать эту версию, авторы гипотезы высказывают предположение, что при каждом приближении Немезиды к кометному поясу немало число комет меняют свою орбиту и направляются к Солнцу. Некоторые из этих довольно массивных космических тел подходят так близко к Земле (а некоторые, возможно, и сталкиваются с нашей планетой), что вызывают серьезные катаклизмы. К числу таких катаклизмов относится не только бомбардировка земной поверхности кометным веществом, но и сильная засоренность атмосферы пылевыми облаками, что, в свою очередь, вызывает похолодание и изменение климата. Должно быть, именно такая катастрофа привела некогда к гибели на Земле гигантских ящеров. Если дальнейшие наблюдения астрономов, а также исследования геологов и палеонтологов подтвердят эту точку зрения, то очередную атаку комет, вызванную воздействием Немезиды, следует ждать через 14 миллионов лет. Но это столь огромный промежуток времени, что, надо полагать, человечеству к тому времени будет по плечу справиться с проблемами и сложнее.

В. РОЩАХОВСКИЙ

Сверчки в метро

Если в парижском метро закрыть глаза и прислушаться, то может показаться, что вы находитесь на лугу: на станциях стрекочут сверчки. Щебень под рельсами оказался идеальной средой для ночных насекомых. У вагонов нового типа парижского метро тормозная система при приведении ее в действие выделяет большое количество теплоты, Щебень нагревается так, словно он в Африке, и сверчки в метро чувствуют себя, как на родине. Питание — не проблема для этих неприхотливых существ. Они раздирают и поглощают билеты на метро, конфетные обертки, остатки пищи, окурки. Таким образом, эти насекомые выполняют и экологические функции — чем больше сверчков на данной станции, тем чище пути.

И. ПОДОЛЯНЮК

По следам «большеного»

Один американский охотник, идя по следу лоса в лесах штата Вашингтон, столкнулся с покрытым черной шерстью прямоходящим существом примерно двухметрового роста, которое тут же исчезло в густых зарослях. После этого газеты в полный голос заговорили о саскваче, гориллоподобном животном, фигурировавшем ранее только в индейских преданиях. Теперь же, как отмечает солидный нью-йоркский журнал «Сайенс дайджест», есть доказательства его существования. Профессор антропологии Гровер Кранц из университета штата Вашингтон утверждает: сасквач — потомок громадных обезьян-гигантопексов, живших в этих краях пять миллионов лет назад.

По мнению Кранца, сасквач достигает более чем двухметрового роста и веса до 400 килограммов, отличается непомерно большими ступнями с характерными утолщениями, указывающими на косолапость, что подтверждают гипсовые слепки с его следов. Кранц видит в «большеном» (так называют в США загадочное существо) недостающее пока что звено в истории развития человека.

Л. ГАРЯЕВ

Загадки индийских храмов

Индию не зря называют страной храмов, их насчитывается там десятки тысяч — действующих, заброшенных, таких, которые давно поглотили джунгли. Немало есть среди них необыкновенных сооружений. Например, храм Витала в городе Хампи (штат Карнатака) имеет 56 гранитных колонн, которые подпирают купол королевского зала, не имеющего стен. Каждая из этих колонн при ударе каким-либо легким предметом издает своеобразные звуки. Одна — звуки бубна, другая — барабана, следующие — разных струнных и духовых инструментов. Музыкальные звуки издают и колонны в пещерном храме Махивара в штате Махараштра, сооруженном в 814 году. То же можно сказать и о нескольких колоннах в грандиозном храме Минакши в городе Мадурай (штат Тамилнад). При этом колонны в Минакши для получения звукового эффекта нужно не ударять, а нажимать на них ладонью. Каким образом удалось добиться такой музыкальности каменных исполинов? На этот вопрос пока нет ответа.

Загадкой является и технология возведения фундамента в храме Рамана в городе Варангал (штат Андхра-Прадеш). Обожженные непонятным образом кирпичи этого фундамента не боятся влаги, они не тонут в воде, выдерживают большие нагрузки. Вызывают восхищение зодческие решения укрепления из красного песчаника в городе Агра. Между прочим, в крепостной стене этого города имеется вделанное круглое зеркальное размером в двадцатикопеечную монету, в котором ясно отражается известный мавзолей Тадж-Махал, расположенный в нескольких километрах от города.

В. РОЩАХОВСКИЙ

Обезьяны помогают

Проворные обезьянки-капуцины, оказывается, могут быть хорошими помощниками инвалидам, которым трудно передвигаться. В Бостоне (США) много лет существует организация, которая специально дрессирует таких животных. Каждую обезьянку по три года приучают к обращению с людьми, лишь затем начинают готовить к особой роли. Полностью обученный зверек (цена 8000 долларов) может, например, включить и выключить свет, принести сэндвич из холодильника, сервировать напитки, поднимать упавшие предметы, перелистывать страницы книг или даже обращаться с видеокассетами.

Б. ПИНАЕВ

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ,

присланные вам рисунки я сделал под воздействием одного печального случая.

Один раз мне пришлось наблюдать, как какой-то хам-охотник подстрелил лебедя. Лебедь был ранен. С намерением помочь чем-либо я подбежал к месту падения, но было поздно, птица была мертва.

Надеюсь, если напечатаете, рисунки напомнят этим хам-охотникам, которых еще немало, что красоту не убивают, ей любуются.

С уважением к вам **ГЕННАДИЙ ЖУРАВЛЕВ.**
г. Комсомольск-на-Амуре

Иллюстрация ЕВГЕНИИ СТЕРЛИГОВОЙ к повести Ольги Ларноновой «ЧАКРА КЕНТАВРА»